

Фавстос Бузанд
История Армении
ТРЕТЬЯ КНИГА

Начало ¹

Глава I

**О том, что имело место в армянской стране после проповедничества
апостола Фадея. Исторические главы**

О том, что имело место от проповедничества апостола Фадея и его мученической кончины до конца проповедничества Григория и его кончины и от апостолюбийцы царя Санатрука до невольного подчинения царя Трдата вере и его кончины, – о прошедших событиях и о житии добродетельных лиц, как и о сопротивлявшихся им и противодействовавших лицах, – обо всем этом уже написано другими. Но и мы тут в нашем повествовании кое-что отметили, не оставили без внимания, дабы соблюсти должный порядок. Так как в нашем повествовании есть и то, что было в начале, и то, что было в конце, а что было в промежутке, то уже написано другими. Но, чтобы в нашем повествовании не было заметно пробела, мы немного отметили, подобно тому, как вкладывают кирпич в строение стены для довершения здания. После всего этого, далее, что произошло, рассказывается здесь последовательно.

Глава II

**О великих первосвященниках Григории (и Аристакаесе) и об их
усыпальницах**

Итак, в царствование Трдата – сына Хосрова (армянская страна) просветилась приятной любовью и верой богопочитания, с которой познакомилась через великого священника Григория, сына Анака; его младший сын Аристакаес был сподвижником отца, и соепископом с ним в течение всей его проповеднической деятельности, во все дни жизни до дня своей кончины во Христе. А для них были приготовлены усыпальницы и приличествующие гробницы для великого Григория в гаваре² Даранали, в селении под названием Тордан, а сына его, святого Аристакаеса, после его исповеднической смерти

отвезли из гавара Цопк в гавар Екелиац и погребли в аване³ Тил, в поместье его отца Григория.

Глава III

О царствовании Хосрова, сына Трдата, и о великом первосвященнике Вртанесе, сыне Григория

После этого воцарился Хосров Котак, внук Хосрова, сын храброго и добродетельного царя Трдата. Во дни его стал первосвященником на престоле отца, вместо отца своего и брата своего, Вртанес, старший сын Григория. В их годы и дни возросли и умножились мир и благодать, многолюдство и здравие, плодородие, преизбыток и благополучие в делах и великое божественное служение и богоугодный добрый нрав. Святой Вртанес подобно отцу своему и брату просвещал и руководил. Процветали в тот век правда и справедливость.

В ту пору патриарх Вртанес прибыл в большую и первую армянскую соборную церковь, находившуюся в гаваре Тарон, где еще ранее, во дни великого первосвященника Григория явились знамения и сокрушились алтари капищ. Прибыв туда, он совершил, как это имел обыкновение делать всегда, благодарственное жертвоприношение, подобно тому, как совершил господь на кресте для нашего спасения и в память страстей (господних) приобщился живительного и спасительного тела и крови божьего сына господа нашего Иисуса Христа. Ибо так именно было в обычае армянских патриархов вместе с царями, вельможами, нахарарами и множеством народа чтить те места, где раньше были изображения идолов, и затем во имя бога были очищены и сделались домами молитвы и местом паломничества для всех. В особенности имели обыкновение собираться в той главной церкви и там совершать поминовение покоящихся там святых ежегодно седьмого числа месяца Сахми, более всего в часовне великого пророка Иоанна. Так же ежегодно собирались в апостольских часовнях во имя учеников господних и в церквах во имя мучеников и с великой радостью праздновали день поминовения их деяний и подвигов их жизни. Такой случай имел место, когда великий первосвященник

Вртанес с небольшим числом людей отдельно объезжал (эти места), чтобы служить благоспасительную литургию. И вот те люди, которые до того времени тайно держались старых языческих идолопоклоннических обычаев, числом около двух тысяч душ, собравшись вместе, задумали убить божьего первосвященника Вртанеса. На это они отважились отчасти по наущению жены царя, которую святой порицал за тайное прелюбодеяние и развратный образ жизни. Они нагрянули и окружили большие стены аштишатской церкви. В то время, как он (Вртанес) внутри служил литургию, многочисленная толпа с наружной стороны пыталась окружить его и осадить. Но у всех людей в толпе руки обратились назад и чудесным образом оказались связанными за спинами их, без всякого участия коголибо. Так они все оказались обхваченными, связанными, скованными и в корчах попадали на землю, не имея возможности ни издать звук, ни сдвинуться с места. Это были потомки разрушителей страны, мироедов, злодеев жрецов, из их рода. Так эта толпа, скованная валялась во дворе церкви (пока) сам Вртанес, выйдя, не подошел к ним и не спросил: кто вы, откуда пришли, или кого хотите, или зачем пришли? А они стали говорить правду и признались, что мы де пришли разрушить эти места и убить тебя, осмелившись на это по подговору армянской царицы. Но господь бог проявил свою силу и показал нам, что только он бог, и теперь мы познали и уверовали, что только он бог. Вот мы теперь скорчившись лежим, так что даже с места этого сдвинуться не можем. А блаженный Вртанес, приводя слова учения, укреплял их в вере в господа Иисуса Христа, и много беседовал с ними. Потом он молился и просил за них бога, исцелил и освободил их от невидимых пут и невыносимых страданий от корч. Когда они избавились от этого, то все пали ниц перед ним и просили лекарства покаяния, и он для покаяния дал им известный срок. И когда они усвоили веру в единую святую троицу, то он выкрестил их около двух тысяч человек, не считая жен и детей их. Так он обратил их в веру и отпустил очищенными и верующими.

Глава IV

О двух родах, которые были поголовно истреблены в армянской стране, о Манавазянах и Ордуни

В эти времена возникла большая смута в армянской стране, так как два великих нахарара и князя, бывшие владетелями гаваров и стран, поссорились между собою, с большой злобой затеяли усобицу, вели несправедливую войну друг против друга. И мучили великую армянскую страну князь рода Манавазян и другой – нахапет⁴ рода Ордуни. Они воевали с большим ожесточением и много было народу перебито. Тогда царь Хосров и великий патриарх Вртанес отправили к ним почтенного великого епископа Албиана, чтобы переговорить с ними и установить мир. Блаженный Албиан поехал к ним и стал уговаривать и склонять их к миру. Они же надругались над ним и отвергли его посредничество; они пренебрегли посланными и с большим бесчестием отослали епископа и даже захватили и разрушили царский дом; а сами они, остервенев, сейчас же стали воевать еще ожесточеннее друг с другом. Тогда царь, в великом гневе и негодовании, послал против них Ваче, сына Артавазда, нахапета дома Мамиконянов из рода армянских спарапетов, великого полководца своих войск, с предписанием истребить, уничтожить оба эти рода. И полководец Ваче пошел на них, разгромил и уничтожил оба рода, не оставил в живых из обоих родов ни одного отпрыска мужского пола, и сам вернулся к армянскому царю Хосрову и к патриарху Вртанесу, и (царь) отдал епископу Албиану в пользу церкви аван и коренное стольное село нахапета Манавазянов, то есть Манавазакерт со всеми пределами и с прилегающим к нему округом, находящимся возле реки Евфрат. А коренное селение Ордуни, называвшееся Ордуру, находящееся в Басан-ской земле, со всеми пределами, было отдано басанскому епископу, который происходил из селения Ордуру.

Глава V

О сыновьях первосвященника Вртанеса, из которых первый назывался Григорием, второй Иусиком

Эти Вртанес и Аристакеc были сыновьями великого первосвященника Григория. Аристакеc был девственником и с детства был чист (потому и) раньше сел на епископский престол отца, хотя и был младшим сыном. А Вртанес был женат, но бездетен. И долгое время он просил бога не лишать его благословения иметь детей, а сподобить его увидеть перед собою плод свой на службе господу. И когда он был в старческом возрасте, господь услышал его молитву, жена его забеременела и родила двух мальчиков-близнецов; старшего он назвал именем отца своего Григорисом, а второго Иусиком. Они воспитывались на глазах у армянского царя, и было обращено внимание на то, чтобы обучить их писанию. Потом старший сын Григорис, обладавший прекрасной наружностью, исполненный духовных добродетельных достоинств и сведущий в божественном знании, получил епископство стран Иверии и Албании. Он не женился и уже в пятнадцатилетнем возрасте достиг степени епископа над иверской и албанской странами, то есть до пределов мазкутоз. Прибыв туда, он восстановил церкви, установив просветительные порядки, следуя примеру первого Григория, своего деда.

А Иусика воспитывал сын царя Хосрова Тиран; и царевич Тиран выдал замуж свою дочь за Иусика, сына Вртанеса. И будучи еще в юношеском возрасте, он один только раз в первую же ночь имел сношение с женой, и она зачала. Он тут же во сне увидел, что (родятся) два мальчика, которые не будут годны для служения господу богу, и раскаялся, что женился. Он плакал, молил бога, каялся крайне мучительно. Его в юношеском возрасте заставил жениться царь; но и это совершалось по благоволению бога, ибо в будущем от него должны были произойти главные пастыри, которые должны были служить евангельским заветам на благо страны и на пользу церквей. Но он кроме этой ночи более не подходил к жене. Жена родила близнецов, как раньше он видел во сне. Первого назвали Палом, второго Атанагинесом.

И после сношения с женою в одну ту ночь он более к жене не подходил из-за своей юношеской добродетели. Он не то что считал брак грязным делом, а недоумевал после виденного им сна, почему от него должно родиться такое

негодное дитя. Потому что он желал не земных детей, а таких, которые бы служили господу богу, посвятили бы себя служению ему. Он вообще все земное считал ничтожным, он хорошим считал не преходящее, а вышнее, он мечтал о небесной жизни. Он предпочитал служить только Христу, что для себя считал славой; он не обращал внимания на любовь царя, на почести, получаемые от него, на величие или на семейную связь с царем в качестве зятя. Все это он отвергал, от всего этого отказывался, считая для себя чуждым, гнусным делом и оболъщением. После того первого раза он более ни разу не обманулся как юноша, а приобрел отеческий разум и старческую мудрость, назидательное стремление к бессмертию. Он предпочитал поношения за Христа величию царей; он избрал для себя воздержанное поведение и с двенадцатилетнего возраста вел добродетельный образ жизни. Он уподобился своим отцам, поставил себе в пример брата своего Григория и христово иго неукоснительно нес до конца своей жизни.

Но царский дом враждовал с ним, и пока родители жены его из-за этого преследовали его, умерла жена, и Иусик избавился от тестя. И когда он в заботах о своих осиротевших детях в удрученном состоянии молился богу, ангел господен явился ему в видении и сказал ему: «Иусик, сын Григория, не бойся, так как господь внял твоим мольбам, и вот от этих твоих детей родятся другие дети, и будут они просветителями и источниками духовной мудрости армянской страны. От них изойдет благодать заповедей божьих; полный мир и благоденствие и укрепление многих церквей даны будут им от господа с великой победой и могучей силой; многие заблудшие вернутся на путь истины и благодаря им славить будут Христа на многих языках. Они будут столпами церкви, носителями слова жизни, основой веры, служителями Христа и слугами святого духа, дабы здание, как оно было основано, так и было доведено до завершения. Их заботливыми руками будет насажено много плодоносных, полезных и пригодных растений в духовном саду, которые удостоятся благословения божия. А те, которые не захотят через них насаждать и орошаться той же духовной росой знания, те будут прокляты и

отброшены прочь, и конец их будет горящий огонь. Много вражды и зависти потерпят они со стороны недостойных ради господа, но останутся тверды в вере, как камень, и великим терпением победят их. После них воцарится ложь благодаря необузданным, себялюбивым, сребролюбивым, обманчивым, ненадежным, негодным, лживым, злословным людям, так что очень мало останется людей, которые сумеют твердо держать завет веры». Юноша Иусик, услышав все это от ангела и весьма утешенный, благодарил господа бога за то, что он удостоил его ответа через это откровение, и во все дни своей жизни всегда непрестанно возносил благодарение.

Глава VI

О Григорисе, сыне Вртанеса, и его кончине и о месте, где он был погребен

Что касается епископа Григориса, сына Вртанеса, брата Иусика, который был католикосом стран Иверии и Албании, то приняв свой сан, он еще в молодых годах построил и восстановил все церкви тех стран, вплоть до гаваров, граничащих с Атрпатаканом. Он был проповедником истинной христианской веры и поражал, и изумлял всех своим строгим, нестерпимо трудным аскетическим образом жизни, постом, святостью, бесконечными бдениями и неустанными горячими молитвами к господу богу за всех людей. Милостью божьей он неотступно совершал евангельский подвиг и осуществлял надзор над святою церковью, старательно увещевал и поощрял всех творить добро; ночью и днем постом и молитвами, усиленными молениями и совершенной верой он внушал духовное усердие ближним и дальним; как храбрый воитель, он всегда упражнял себя и держал в готовности ко всяким испытаниям и горестям, дабы со всею смелостью дать отпор и вступить в бой за истинную веру христову.

Приведя в порядок и восстановив все церкви, находящиеся в той стороне, он прибыл в стан аршакидского царя мазкутов⁵, имя которого было Санесан, ибо и их цари, и армянские цари были одного и того же происхождения и рода. И он пошел и представился маскутскому царю, повелителю многочисленных

войск гуннов, встал перед ними и стал проповедовать христово евангелие, говоря им: познайте бога! Сперва они /послушались, приняли и подчинились; лотом же, когда они стали разбираться в христовых законах и узнали от него, что богу ненавистны грабежи, хищничество, убийство, жадность, присвоение чужого, чужеядство, страсть к чужому имуществу, когда они сообразили это, то обозлились на его слова и сказали: «Если мы не будем похищать, если не будем грабить, если не будем отнимать чужого имущества, то как же можем мы прокормиться с таким множеством войска?» И хотя он на тысячу ладов старался благорасположить их, но они его не хотели слушать, а говорили друг другу: «Он явился, чтобы такими речами лишить нас мужества, запретить нам добычу, которой мы живем; если мы послушаемся его и обратимся в христианскую веру, то чем нам жить, если по исконному нашему обычаю не садиться на коней? Но, – говорили они, – это делается по наущению армянского царя. Это он послал его к нам, чтобы этим учением пресечь наши грабительские набеги на его страну. Давайте изыдем его и совершим набег на Армению и наполним страну нашу добычей».

И царь изменил свою мысль и внял словам своего войска. Тогда они поймали дикого коня, привязали юного Григориса к хвосту его и пустили по полю вдоль берега великого северного моря, за пределами своего лагеря, по полю Ватнеан, и таким образом они погубили добродетельного проповедника христового, юного Григориса. Затем люди, прибывшие с ним из гавара Ха-банд, взяли его тело и перевезли в свой гавар Хабанд, находящийся в стране албанской, на границе Армении, в деревню под названием Амарас. Его похоронили около той церкви, которую построил дед Григориса, первый Григорий, великий первосвященник армянской страны. И каждый год народы этих стран и гаваров собираются в этом месте и торжественно празднуют день, посвященный памяти его подвига.

Глава VII

О разбойничьем набеге царя мазкутов на землю, подвластную армянскому царю, о происшедшей большой войне и о том, как

В то время маскутский царь Санесан, сильно разгневавшись, проникся враждой к сородичу своему, армянскому царю Хосрову, и собрал он все войска, – гуннов, похов, таваспаров, хечматаков, ижмахов, гатов и глуаров, гугаров, шичбов и чилбов, и баласичев и егерсванов, и несметное множество других разношерстных кочевых племен⁶, все множество войск, которым он повелевал. Он перешел свою границу, большую реку Куру и наводнил армянскую страну. Не было числа множеству его конных полков и счета пешему войску, вооруженному палицами, так что и сами они не могли сосчитать свое войско. Но когда они прибывали на какое-нибудь знаменательное место, то устраивали смотр по полкам, знаменам и отрядам на видных местах, приказывали, чтобы каждый человек нес по камню и бросал в одно место в кучу, чтобы по тому, сколько окажется камней, можно было определить количество людей, и чтобы остался на будущие времена этот грозный знак прошедших событий. И всюду, где они проходили, они оставляли такие знаки на перекрестках дорог и на путях. Они нахлынули, наводнили и затопили всю армянскую страну; разрушили, заволокли, вконец разорили ее и простерлись по всей стране до маленького города Сатал, до Гандзака, находящегося в пределах Атрпатакана. (Добычу и пленных) они согнали в одно установленное место, в Айраратском гаваре, где у войска образовался большой лагерь.

И армянский царь Хосров уклонился от встречи со своим братом⁷, то есть мазкутским царем Санесаном, и укрылся в сильной крепости Дарюнк в стране Ковг. С ним был также престарелый армянский патриарх Вртанес. Там они стали поститься и просить бога, чтобы он избавил их от этого лютого палача; об этом они молили господу бога. А тот (Санесан), насильственно захватив всю страну, держал ее почти год.

В это время поспел полководец Великой Армении Ваче, сын Артавазда, из рода Мамиконянов, который в то время совершал далекое путешествие по греческой стране. Он собрал храбрых из нахараров, составил весьма многолюдное войско и напал на лагерь (Санесана) в утренний час, во время

богослужения. Они стояли лагерем на горе по названию Цлуглук. (Ваче) всех их предал мечу, никого в живых не оставил и отбил всех пленных. Затем он собрал добычу, продолжал поход и прибыл на равнину гавара Айрарат. Там он настиг в городе Вагаршапате мазкутского царя Санесана с коренным полком, с несметным множеством войск. Ваче со своим войском внезапно напал на город, и господь предал их в его руки.

Когда враги увидели, что он напал на них, то выбежали из города и бросились на каменистое плато в сторону крепости Ошакан, уповая на пустынную и каменистую местность. Произошло крайне ожесточенное сражение, и соратники армянского полководца – Багарат Багратуни, Мегундак и Гарегин Рштуни, и Ваган, нахапет рода Аматуни, и Вараз Каминакан – набросились, били, громили войска аланов и мазкутов, и гуннов, и других племен и все каменистое поле устлало трупами: убитых, так что кровь обильно текла, как река, и не было числа перебитому воинству. Немногочисленные же остатки они гнали перед собой до страны баласичев. И голову великого царя Санесана принесли армянскому царю. А он, когда увидел, расплакался и сказал: «Братом он был моим, родом Аршакуни». Потом армянский царь приехал на место боя и с ним был великий армянский патриарх; и увидели они перебитое войско; на земле стоял смрад от зловония трупов. Они приказали набрать людей в стране в порядке (несения государственной) повинности гугаз⁸, чтобы закапать трупы, сверху покрыть камнями, дабы не распространилась зараза по стране от зловонного гниения трупов. Страна утихомирилась на некоторое время. Так они отомстили за святого Григория царю Санесану и его войску, ибо из них никто в живых не остался.

Глава VIII

О насаждении лесов, о войнах с персами и об истреблении нахарарского рода Бзнуни

Когда армянская страна временно утихомирилась, тогда армянский царь Хосров приказал наградить тех храбрых мужей, которые поработали для него и во время войны сражались, не щадя живота своего за страну Великой

Армении. Он пожаловал полководцу Ваче истоки Джанджанака, Джрабашх и Цлуглук со всеми округами, так же другим нахарарам – большие награды.

И приказал царь своему полководцу набрать в стране многочисленный трудовой народ в порядке несения (государственной трудовой повинности) хашар⁹, доставить из лесов деревья дикого дуба и насадить в Айратском гаваре, начиная от сильной царской крепости, по названию Гарни, до того холма в долине Мецамора, который называется Двином и находится к северу от великого города Арташата. Так насадили дубовый лес вниз по течению реки до дворца Тикнуни. Этот лес он назвал Тачар-маири («Лесные хоромы»). Еще другой лес они насадили к югу от этого места, по краю камышника, и все поле засадили дубовыми деревцами, – и лес этот назвали Хосровакерт. Там же построили также царские дворцы, и оба места оградили стенами и не соединили вместе, чтобы оставалась дорога для движения. (Лес) разросся и поднялся. Потом царь приказал набрать всяких диких животных и зверей и пустить их внутрь ограды, чтобы превратить эти места в места царской охоты, гуляний и увеселений. Ваче немедленно исполнил поручение царя.

И покуда Хосров занят был насаждением лесов, внезапно до него дошел слух из гавара Гер и Зареванд о том, что «персидские войска готовятся итти войною на тебя». Царь Хосров приказал бзнуникскому нахапету Датабену набрать ополчение в стране в несметном количестве и вместе с гундом матеник¹⁰ выступить против врага, дать ему отпор и отразить вторжение. И Датабен пошел навстречу персидскому войску с многочисленным армянским войском. Достигнув (персов), Датабен вступил в соглашение с начальниками персидских войск, задумав предать в их руки армянского царя, своего государя. Он велел врагам устроить засаду его войску и обрек свое войско мечам врагов. Они внезапно и неожиданно (напали) и перебили сорок тысяч армянского войска, а остальное войско обратилось в бегство. Злодей же Датабен намеревался с персидским войском напасть на армянского царя. А бежавшие войска скоро достигли лагеря армянского царя, возвестили

печальную весть о страшной гибели, о злодейском предательстве злочестивого Датабена.

И царь армянский Хосров вместе с первосвященником Вртанесом повалился на землю и, обливаясь горячими слезами, стал молить бога (о помощи). Затем он спешно стянул к себе войска числом до тридцати тысяч человек, с полководцем Ваче, и выступил против них вместе со всеми своими старшими нахарарами. Противники встретились друг с другом на берегу Бзнуникского моря, в местечке Арест, на небольшой речке, возле царских рыбных промыслов. И они увидели множество персидского войска, несметное, как звезды на небе и как песок на берегу морском; ибо было у них огромное количество слонов и безмерное количество войска. Но (армяне), настигнув, напали на их войско, уповая на бога, разгромили, перебили, уничтожили их, не оставив никого в живых. Они захватили большую добычу и слонов и все, что составляло силу их войска. Спарпет Ваче и храбрый Ваган Аматауни захватили также Датабена и привели его к великому царю Хосрову; и побили его камнями, как человека, изменившего своей родине, гунду и войскам своего государя. Его семья, жена и дети находились в замке князя Рштуни, на острове по названию Алтамар. Спарпет Ваче на судне добрался до острова и не оставил в живых ни женского, ни мужского пола никого. Таким образом этот нахарарский род был уничтожен, и владения его были отобраны в казну.

Но и после этого персы не переставали воевать с царем Хосровом. И он установил закон, согласно которому великие вельможи и нахарары – властители и владельцы стран – которые были бюраворами¹¹ и азараворами¹² – должны были сами оставаться при нем и сопровождать его, и никто из них не должен был находиться при царском войске. Это потому, что он боялся двурушничества с их стороны, как бы они не поступили подобно Датабену и не восстали против него. На старика же Ваче, исконного спаралета и полководца Великой Армении, и на храброго Вагана Аматауни он полагался вполне. Он собрал войска всех старших нахарарских домов, слил их с царскими войсками и все войско передал в их руки, и они все время храбро

воевали в пределах Персии и не позволяли никому нагло и без страха вторгаться и разорять армянскую землю. И царь наслаждался покоем, и страна пользовалась благоденствием и миром во все дни их жизни.

Глава IX

О бдэшхе Бакуре, который восстал против армянского царя, и о том, как он был убит армянскими войсками, и вместо него бдэшхом стал Вагинак Сюни

В эти времена против армянского царя восстал один из его слуг, великий князь Алдзникский, называвшийся бдэшхом, который в царском дворце занимал одно из первых четырех седалищ. Он способствовал персидскому царю и предал ему царские владения, находившиеся в смежности с его имением. Он вытребовал от персидского царя войска в помощь себе, отложился от армянского государства и стал воевать с армянским царем силами персидского царства. И разгорелась война. И армянский царь послал (против них) своих верных слуг – князя Кордукского Джона, князя Мец Цапка Мара, князя Цопка-Шахуни Нерсеха, князя Сюникского Вагинака, князя Аштеанского Дата и князя Басеанского Манака с большим войском. Они пошли, победили персидские войска и всех вообще предали мечу, и убили бдэшха с братом и сыновьями его. Но голову Бакура и девушку одну, его дочь, они привезли к царю. И так как из рода (Бакура) никого больше не оставалось, то царь эту девушку дал в жены своему любимцу Вагинаку Сюни, отдал также ему Алдзникский дом и сделал его бдэшхом и наследником этого дома. Потомство умножилось, и Вагинак со всей этой страной и всеми силами служил всегда царю. Но из сыновей бдэшха Бакура один юноша бежал и нашел приют у армянского полководца Ваче и, укрывшись в его доме, спасся. Он впоследствии сделался наследником дома своего, когда вернулся и отобрал свои владения. Его имя было Хеша.

Глава X

Об Иакове, епископе Мцбинском

В те времена великий Мцбинский епископ, чудесный старец, занимавшийся праведными делами, по имени Иаков, называвшийся Мудрым Персом, избранный богом человек, оставил свой город для того, чтобы приехать и поселиться в армянских горах, на горе Сарарад¹³, находящейся в пределах Айратской страны в гаваре Кордук. Он был преисполнен христовой благодати, так что совершал знамения и чудеса. Он прибыл со страстным желанием сподобиться увидеть спасительный ноев ковчег, который после потопа остановился на этой горе, о чем и молил бога, ибо все, что он просил, получал от господя. И вот, совершая восхождение на гору Сарарадскую по безводным, пустынным каменистым, трудно проходимым-местам, он и его спутники устали и почувствовали жажду. Тогда великий Иаков положил земной поклон и помолился господю. И из того места, куда он положил свою голову, забил родник, и он и бывшие с ним напились воды. И поныне родник этот называется родником Иакова. Сам же он продолжал свой трудный путь, стремясь поскорее увидеть желанное, о чем молился господю.

И вот на самом трудном месте возле вершины он почувствовал крайнюю усталость и заснул. И ангел божий явился и сказал ему: «Иаков, Иаков!» И он сказал: «Тут я, господи». И ангел сказал: «Господь внял твоим мольбам и исполнил твою просьбу; то, что лежит у твоего изголовья, это кусок от древа ковчега; сам я принес его для тебя; отсюда это. Ты не должен больше стараться видеть его; другого не увидишь; господь так пожелал». С большой радостью встал он, вознес великое благодарение господю и увидел кусок доски, будто топором отрубленный и вынутый из некоей большой доски. Взяв пожалованный милостиво дар, сам он и его спутники спустились обратно и пошли своей дорогой. И великий Моисей так радостно не ликовал, спускаясь с Синайской горы, хотя не хочу сказать, что у него была менее значущая вещь, чем у этого. Ибо тот боговидец от бога получил богописанные заповеди и, держа их в руках, спускался с горы. Ибо тот злодейский народ, от вернувшись от господя, на погибель себе стал вероломно поклоняться тому, что отлито им самим, чем сокрушил сердце носителя заповедей (божьих), ввергнув его в

уныние, и уже из сокрушения скрижалей ясно видна была скорбь носителя. Но с тем блаженным человеком, о котором идет речь, не так случилось, как было там; он и его спутники были преисполнены духовного утешения, зная, что их примут с благоговением и что с большими чаяниями ожидают (их возвращения) из далекого путешествия с благою вестью. Ибо явно или тайно, но единственно только от всемогущего (бога) исходит благодать на все земнородные народы.

И когда человек божий вернулся, неся с собой кусок древа от спасительного ноева ковчега, знаменовавшего навеки ниспосланную богом в назидание кару, постигшую роды разумных и одушевленных существ, знаменовавшего дела отцов, то весь город и окружающие его гавары с безмерным и бесподобным ликованием и радостью вышли ему навстречу. Святого принимали, как апостола христового, как ангела небесного; его окружали, считали своего храброго пастыря вестником бога, обнимали его, целовали следы его трудолюбивых и плодотворных ног. И пожалованный дар, принесенный им, они приняли с благоговением, и до сих пор хранится у них знак этого чуда – древо от ковчега патриарха Ноя.

После этого чудесный епископ Иаков, получив весть из армянской страны, собрался и поехал к великому слуге армянского царя, к владельцу страны, великому князю Маначихру Рштуни; приехал и остановился в его стране. Ибо слышал он, что (Маначихр) – злой и бессовестный человек, который в гневе сердца своего губит очень много народу, без вины и понапрасну. Приехал он с тем, чтобы поучать и наставлять его, внушить ему страх божий, дабы он смягчился и оставил скотоподобную звериную ярость свою. Нечестивый же Маначихр, увидев человека божия, епископа Иакова, пренебрег им, насмеялся и надругался над ним. Соответственно своему прирожденному дикому нраву, он, на зло ему, приказал привести восемьсот человек, ни в чем не повинных людей, закованных в цепи, и в своем присутствии сбросить их с высокой скалы в море и погубить столько народу без всякой вины, и, глумясь и насмехаясь над ним, он велел выгнать его из своей страны. Он сказал: «Ты видал, как я

тебя почтил за твое заступничество; я освободил их от оков, и теперь они плавают в море». А он (Иаков) с великой печалью ушел оттуда и по завету господя отрях прах от ног своих на них. Он пошел со своими спутниками по Рштунику и дошел до горы, где добывали железную и свинцовую руду. Это – высокая гора, называемая Индзакисар, с вершины которой видны были все гавары. Приблизившись к этой горе, у подошвы ее он почувствовал сильную жажду, так как много дней он совершенно ничего не ел. Он помолился богу, стал на колени и положил голову на землю; и забил родник, из которого и он и спутники его выпили. И это произошло, как и в первый раз, как поступил он на горе Сарарад, так поступил и у подошвы горы Индзакисар на берегу Рштунийского моря; этот родник, как и первый, до сих пор называется родником Иакова.

Потом первосвященник бога Иаков поднялся на вершину горы Индзакисар и проклял ту страну, чтобы смута там вовсе не убывала, за то, что они не вняли миролюбивым словам господя. Затем святой епископ, проповедник слова божья, ушел к себе. И через два дня после его ухода в этом гаваре умерла жена Маначихра со своими семью сыновьями; потом и сам он, покрытый язвами, в жестоких страданиях покинул сей свет. И как сказал (Иаков), с тех пор и впоследствии не было мира в той стране.

Но этот Иаков творил величайшие чудеса. Он присутствовал на великом соборе в Никее, имевшем место во дни ромей-окого императора Константина, где собралось триста восемнадцать епископов (для осуждения) проклятой ереси Ария александрийского, из Египетской страны. И вот все епископы сидели в присутствии Константина. И из Армении там был Аристакеc, сын чудесного Григория, первого католикоса Великой Армении. И по чудесному знамению святого духа этому Иакову открылись удивительные сокровенные дела царя. Он увидел, что на царе Константине одета власьяница под порфирой и кафтаном и что ангел хранитель прислуживает ему. Епископ Иаков, удивившись, сообщил остальным многочисленным епископам, присутствовавшим на соборе, об ангеле, ноте не поверили этому. А он спорил,

настаивал и говорил: «Так как вы знаете сокровенные дела, то сперва объясните, что одел царь под кафтаном?» И сам он, встав посередине, благодатью святого духа выявил благочестивое смирение царя Константина, свидетельствующее о любви его к богу, и показал всем, что увидел сам, а именно, что у царя под порфирой одета власяница в знак его ревностной веры и любви к Христу. Тогда и царь Константин увидел ангела, прислуживавшего Иакову. И он припал к его ногам, почтил его великой честью. И стул его поместил выше (стульев) очень многих других участников собора.

Но мощи его были подарены городу амидийцев, когда во время войн греческих царей с персидским царем эти мощи были перевезены из Мцбина туда вместе с другими вещами.

Глава XI

О великой войне между персами и армянами, в которой пал великий полководец Ваче, о смерти царя Хосрова и о преставлении патриарха Вртанеса

После этого опять возгорелась ожесточенная война между персами и армянами, так как персы выступили с большим войском, намереваясь захватить армянскую страну. Тогда спарапет и полководец¹⁴ Великой Армении Ваче собрал отряд азатов¹⁵ из нахарарских войск и пошел воевать против персидских войск. Обе стороны бились с крайним ожесточением, и много великих вельмож пало. В этой войне пал также Ваче, великий спарапет армянский, и вся страна впала в глубокий траур, ибо господь много раз через него ниспосылал спасение армянам. Тогда патриарх Вртанес собрал всех и утешал как самого царя Хосрова, так и все войско, которые, отдавшись жгучей боли и горючим слезам, с душевным прискорбием, громко вопя и рыдая, оплакивали (его), считая скорбь об ушедших уделом оставшихся. Великий Вртанес утешал их и говорил.

«Утешьтесь во Христе, ибо те, кто умерли ради нашей страны, церковей и богоданной веры, умерли, чтобы страна наша не была заплонена и разрушена, чтобы святые церкви не были осквернены или мученики поруганы,

или святая утварь не попала в руки нечестивых и неверующих людей, святая вера не была изменена, крещеный народ не пошел в плен и не подвергся всяким мерзостям культа неверных. И если б враги овладели нашей страной, то тут бы установили свои нечестивые, безверные, безбожные религиозные порядки, чего, надеемся, никогда не будет. Наши же благочестивые мученики воевали ради этого дела и, отвратив зло от нашей страны, умерли, дабы неверие не проникло в такую благочестивую и боголюбивую страну и не заставило ее служить воле злого и не разъединило, и не разложило многие души, связанные между собой ревностной любовью. И они при жизни честно поработали для этого дела и, умирая, твердо сохранили верность и принесли себя в жертву ради правды божьей, церковей и мучеников, святой веры, обрядов религии, священнической братин и бесчисленных новокрещенных во имя Христа и ради прирожденного государя страны. И те, кто ради всего этого не пощадили своей жизни, должны почитаться нами наравне с мучениками. Следовательно, не будем оплакивать их, а достойно почтим их наравне с мучениками, и установим порядок во всей нашей стране на вечные времена, чтобы все ненарушимо поминали их за их доблесть, как христовых мучеников. А мы устроим праздник и возрадуемся, ибо бог ради них будет благоволять к нам и после этого дарует нам мир».

И великий первосвященник Вртанес установил закон в (нашей) стране, чтобы из года в год совершалось поминовение их, и кто, подобно им, положит жизнь свою ради спасения страны, он установил правило помянуть их перед алтарем божьим во время литургии, когда поминают святых, сейчас же вслед за ними, а к оставшимся в живых после боя иметь сострадание и попечение. Ибо, говорил он, они пали в сражении на войне подобно Иуде и Мадатии Маккавеям и подобно их собратьям.

Но сыну полководца Ваче, который был малолетним мальчиком и которого по имени его деда звали Артаваздом, дали отцовский гах¹⁶ и подушку. Перед царем возложили на его голову патив¹⁷ отца, дали ему спарапетство, так как был он сыном весьма заслуженного человека, из заслуженного рода, а в их

роду другого совершеннолетнего человека не нашлось, ибо они пали в великой войне. Предводительство же войсками поручили Аршавиру Камсаракану, князю гаваров Ширак и Аршаруник, и Сюникскому князю Андовку, потому что оба они были зятьями рода Мамиконянов. И великий патриарх Вртанес и царь приказали Аршавиру и Андовку воспитать юного Артавазда, дабы он мог занять место своих предков и своего отца, совершать подвиги во имя господина Христа и ради своих земных, прирожденных государей, храбрых Аршакуни, защищать жилища и имущество (народа), опекать сирот и вдов и совершать доблестные подвиги подобно своим (предкам) и быть преемником их в качестве спарাপета и славного полководца до конца своей жизни.

После этого преставился достославный строитель страны, царь Великой Армении, Хосров. Со всех стран и гаваров Великой Армении съехались люди, оплакали его и отвезли в Ани, в гавар Екелециак, в Даранали, где покоятся его предки. После него преставился также великий первосвященник Вртанес. И вся армянская страна съехалась, и с большой торжественностью, с пением псалмов и духовных песней, с лампадами, восковыми свечами, благовонным ладаном, в придворных экипажах перевезли святого Вртанеса, горько сокрушаясь о том, что остались сиротами после прирожденного своего государя и духовного пастыря и с плачем великим к скорби доставили в селение Гордан, в гавар Даранали. И там погребли его святые останки возле великого патриарха Григория, и, совершив поминовение по приснопамятном усопшем, вернулись к себе.

Глава XII

О воцарении Тирана над армянской страной после его отца и о том, как Иусик после смерти своего отца Вртанеса сел на патриаршеский престол и как был убит царем Тираном за то, что порицал царя

После того как царь Хосров преставился, царскую власть над страной Великой Армении взял в свои руки сын Хосрова – Тиран. Также и юный святой и блаженный Иусик занял место армянских патриархов. Царь Тиран, согласно обычаю, вместе с ним созвал к себе великих нахараров – Вагарша, великого

аза-ралета¹⁸, который был из рода азарапетов Великой Армении и князем¹⁹ Андзитским, и с ним Зареха, князя Мец-Цопка и Вараза Шахуни, князя области Цопк и Гнита, князя гавара Аштеанк, из рода Каминакан и Орота, князя Вананадского и князя Шахена из рода Андзеваци и Атама, князя Голтна и Манаваза, князя Колбского и Горута, князя страны Дзорк и князя Манаспа из рода Хорхоруни, из дома Малхазуни, и князя... из рода Сахаруни и Абу, князя Гнуни. Всем им царь приказал вместе с великим азарапетом Вагаршем собраться в путь, посадить блаженного Иусика в царскую колесницу, отвезти в Кесарию, столицу сопредельного Гамирка²⁰ и там посадить юного Иусика на апостольский престол патриархов. Они пустились в путь и приехали в город кесарийцев, где добились рукоположения Иусика, сына Вртанеса, в католикосы, посадили его на престол апостола Фадея и деда своего Великого Григория и с великой радостью поехали обратно', и в полном здравии и благополучии приехали в страну Айраратскую. И впереди себя послали благовестниками двух князей обоих Цопков.

Услышав это, царь сам лично со всем множеством войска пошел ему навстречу, пройдя полем до моста Тапера по ту сторону реки. После взаимных радостных приветствий они прошли через таперский мост, вошли в великий город Арташат, направились в церковь и посадили столь желанного юного Иусика на патриаршеский престол. Он унаследовал от отца своего Вртанеса апостольское поведение, как сын 'был похож на отца чертами характера, во всех делах и поступках проявлял ангельский нрав, ибо на нем почилась благодать, ниспосланная богом. Он пас разумное стадо христово, наставлял его по евангельским заповедям. Годами он был еще юн, но был дюж, обладал высоким ростом и лицом дивной красоты и до того был прекрасен, что в мире нельзя было найти подобного ему. Душою он был чист и светел, мирскими делами совершенно не занимался, а как храбрый воин Христа, как мужественный поборник веры, с отроческих лет дерзал, грозя победой невидимому врагу. Он не умел совершенно лицеприятствовать и угождать и слова святого духа носил в себе как меч за поясом; а благодатный дух

наполнил его знанием, которое, как родник, орошало уши слушателей и почву их сердец.

Но царь Тиран и другие старшие нахарары и вся страна вовсе не вели себя так, как бог велит, и не жили разумной жизнью. В особенности же царь и князья без всякого удержу совершали убийства, понапрасну проливали невинную кровь и совершали много других грехов; они не обращали внимания на веления бога, несмотря на то, что (Иусик) непрестанно поучал их и напоминал им о заповедях господних. Поэтому блаженный патриарх Иусик постоянно выступал против них, искусным словом и с присущей христианскому учению кротостью всегда укорял их, выговаривал, наставлял их, обвинял их, напоминал им об ожидающих их вечных муках вследствие гнева (божьего) и о неугасимом огне после (страшного) суда и выражал недовольство. Хотя возрастом он был молод, а проявлял мудрость свойственную старцам и с великим рвением продолжал наставническое дело отцов. Смолоду уподобляясь отцам своим мудростью, он в почетном сане старца проявлял свой светлый ум, как некий благоуханный цветок; за правду он бился до смерти; прежде всего он стремился к спасению себя, равно как и душ других. Так благоговел перед господом, что ни во что не ставил ни любовь царя, ни страх перед ним. Но в постижении бога и в знании священного писания он был силен, чем и пользовался, когда приходилось карать и порицать; он запрещал и не позволял царю и вельможам входить в церковь.

Так он властным словом священника обуздывал их, осуждал и строго карал за их беззаконие, за блуд и мужеложество, за кровопролитие, за причиняемые другим лишения, за хищения и за ненависть к бедным и за многие другие подобные грехи; и вследствие того, что он стращал законом господним, он всегда считался врагом тех, кто всегда преступал закон Христа, и всегда он язвил их святым словом божьим. И это порицание, эту войну против всех он вел в продолжение всей своей жизни.

И вот раз, в день годового праздника, царь Тиран с другими вельможами пришел и хотел войти в церковь; а он вышел к нему и сказал: «Не достоин ты,

зачем пришел? Не входи!». За это, тут же первосвященника божьего, святого блаженного юношу Иусика втащили внутрь церкви, беспощадно избili палками и замертво бросили там. Его подобрали священнослужители дворцовой церкви из царской крепости Бнабел, что в гаваре Мец Цопк, доставили в селение Тордан в гаваре Даранали, где он через несколько дней скончался и был погребен возле Григория и отцов своих.

Глава XIII

О том, как после смерти Иусика армянская страна осталась без пастыря, и сыновья Иусика не были достойны престола своего отца

После того как помер блаженный Иусик, побитый палками, говорящие на языке Торгомовой страны²¹, оставшись без руководителя, сбились с пути, подобно слепым. Ибо им был дан дух заблуждения – глаза, чтобы не видеть, уши, чтобы не слышать, и сердце, чтобы не понимать и не стремиться к покаянию. В помрачении своем они дошли до края губительной лропасти, сами для себя проложив дорогу, погибли и пали, ибо не было никого, кто бы удержал их от дел неистовых и от грехов, а остались они без пастыря. Они смело шли по пагубному пути, добровольно творя зло и добровольно предаваясь гневу, и блуждали без бога по стране, – этот упрямый народ армянской страны. Они уподобились стаду овец, которые прогнали стороживших и защищавших их собак и добровольно предались врагам своим, волкам, пищей которых и стали подобно великому городу афинян.

В то время люди брали дурной пример с царя, стали подражать ему и поступать как он. Ибо хотя они и давно приняли христианство, но лишь как какую-то человеческую религию, как обычное человеческое заблуждение, которое они приняли по принуждению, без ревностной веры. Оли приняли не сознательно, не с надеждой и верой, как подобало, и только немногие, маломальски знакомые с греческой или сирийской письменностью, отчасти понимали эту (религию). Что же касается до тех, кто не был посвящен в искусство грамоты, т. е. до всей остальной разношерстной народной массы, будь то нахарары или шинаканы, то если бы учителя сидели с ними день и

ночь и изливали на них свет учения, наподобие обильных дождей из облаков, – все равно никто из них ни слова, ни полслова, ничего не мог бы понять, и крупицы того, что слышал, не мог бы запомнить. Ибо их мысли были заняты праздными, бесполезными вещами, как у малых детей, которые в младенчестве увлекаются своими детскими игрушками; относясь с пренебрежением к полезным и важным делам, по незрелости своего разума они вследствие варварского невежества (время) свое растрчивали на занятия предосудительными искусствами, древними языческими обычаями. Они любили свои мифические песни, свои сказания, на них они воспитывались, им верили и постоянно предавались им. В них проявлялись ненависть и зависть друг к другу, зложелательство, вражда и злопамятство, грызня, вероломство в отношении товарища и брата; строили козлы друзья – друзьям, близкие – близким, семьи – семьям, родственники – родственникам, свойственники – свойственникам.

Там люди жаждали испить крови друг друга, силились, вредить друг другу, по причине дурного своего нрава и неразумия. Древние культовые обряды, посвященные богам, совершали они ночью, как блудное дело; иные сами же и предавались этому блуду, удовлетворяя свою похоть. Поэтому то умного совета они не слушались, ни заповедям божьим, проповедываемым пастырями, не подчинялись, а за их слова осуждения – ненавидели их, преследовали их и убивали. И как сказано было пророком о них: «Они ненавидят обличающих в воротах и гнушаются теми, кто говорит правду». Ибо проповедь божественного слова не дала им познания истинной веры, как другим народам, верующим и мудрым, которые с благодарностью приняли, уверовали и насладились благами божьего милосердия, а приняли они в ослеплении и помрачении разума, подобно евреям, и хромали в истине. Может быть и к этому народу относится предсказание пророка: «Неразумные они дети, и нет у них смысла; они умны на зло, но добра делать не умеют». И опять сказано: «Эти сыны с огрубелым лицом и с жестоким сердцем, которые возмутились против меня, они и отцы их». Они тоже были покинуты, ибо не

поняли, не поверили в невидимые (силы) бога через видимые вещи, не познали творца через творения, не поняли своего распорядителя и покровителя.

Он участил свои видимые знамения и чудеса, вплоть до того, что человеческий образ обратил в обличие животного, что и привело их к спасению.

И как раз в это мерзкое и безумное царствование, во дни этого царя Тирана, и именно на него глядя, они превзошли злодеяниями все века. Величайшим (злодеянием) было то, что они своего главу и руководителя, избив палками, убили, и после того всякий поступал по-своему. Ибо не было уже никого, кто бы стеснял их своим порицанием, кто бы не позволял им идти по нечестивому пути. И господь отвернулся от них, и они, предоставленные самим себе, последовали влечениям своего сердца, ибо не было у них ни руководителя, ни первосвященника.

Но они стали не ради правды искать себе человека, который бы действительно стал для них пастырем и руководителем и первосвященником для народа, а такого, который был бы для них собеседником и поступал, как они хотят.

Тогда царь, князья и вся страна держали совет о том, кто достоин этого сана, потому что оставшиеся двое детей близнецов, из которых одного звали Папом, другого Атанагинеем были известны, как неисправимые гуляки, которые не были обучены божественному писанию и не были воспитаны в правилах добродетели, которые не были похожи на предков своих и не следовали по стопам родителя своего Иусика, не обращали внимания на добродетели великого Григория, не помнили о духовном своем благородстве и даже о чести вечной жизни; они уподоблялись (людям) своего века, гордились своим земным благородством и родством и избрали себе военное поприще. Поэтому они не были избраны, а были отвергнуты по причине своей гордости, как об этом был предуведомлен их отец в сновидении; таким образом, они не пошли под иго священнослужения. И среди потомков Григория в доме его не было другого никого, потому что только эти происходили кровно от него, а они пошли путем, не достойным их предков. И не было никого другого, кто мог

бы принять высокий сан руководителя, главного первосвященника, блюстителя и главы дома господня.

Глава XIV

О житии и деяниях великого Даниила, человека божьего, и о том, как он порицал царя Тирана и как был в наказание убит им

В то время был еще жив святой и великий старец хорепископ²² Даниил, чудесный человек. Он был учеником великого Григория и блюстителем, и главой церковью Таронской области, составлявшей собственное владение Григория, и верховным блюстителем правосудия в той стране. Эти должности он имел особо, вообще же он был блюстителем, начальником, надзирателем и попечителем всех церковью Великой Армении повсеместно; он проповедовал даже в Персии, в чужой стране, и многих людей вывел из заблуждения.

И был он сириец по происхождению и возглавлял кафедру великой и первой церкви в Тароне, матери всех церковью Армении, то есть кафедру главную и наиболее почитаемую, ибо там впервые была построена святая церковь и воздвигнут алтарь во имя господа. И немного ниже дома господня находилась церковь во имя пророка Иоанна и усыпальница апостолов. И вот эти места, по установленному патриархами и царями канону, почитались как первостепенные, подобно тому, как в гаваре Даранали почитается Торданская церковь, потому что там находятся могилы патриархов Григория и Аристакеца, а также и в память царя Трдата, который волей или неволей впервые удостоился принять христианскую веру. Поэтому страна пожелала почтить эти места, где были погребены первые отцы-епископы; страна любила чтить своего праведного царя, первым поверившего в Христа, также и первоепископа, первора-детеля Григориса, равно как в гаваре Айрарат первомучениц христовых Гаяне и Рипсима, которые там погребены вместе со своими сподвижницами, а также особенно и первую церковь.

Эти места были поручены ему вместе с гаварами, в которых они находились; и он был предан этой главной церкви, власти патриаршего престола, утверждению заветов кафолической церкви. Он был рукоположен в сан

хорепископа великим Григорием тогда, когда тот разрушил алтари капища Геракла, то есть Вахагна, в местности по названию Аштишат, где и впервые положил основание святой церкви.

Это был удивительный человек, творил великие знамения и чудеса именем господя нашего Иисуса Христа. Не снимая обуви, он переходил по водам рек, и ноги его не мокли. В зимние дни, когда глубокий снег сугробами лежал на горах и ему нужно было в то время пройти по этим горам, то внезапно снег таял, и перед ним открывалась черная земля. И когда ему нужно было идти куда-нибудь далеко, то без труда он мчался как молния, будто перелетал, и сейчас же оказывался там, где хотел. Он воскрешал мертвых, исцелял больных и еще более чудесные знамения творил, которых и описать нельзя пером. Он установил себе жительство в безлюдных горах, но забот о нуждах людей не оставлял. Он носил одну одежду – кожаную фелонь и сандалии; он питался овощами и кореньями и даже посоха не употреблял. И до того слово его было угодно богу, что о чем бы он ни просил бога, получал, что бы ни говорил – исполнялось. И когда он приходил из пустынных мест в населенные места для надзора по делам бога, то останавливался для жительства в главных церквах. Он часто приходил к тому роднику под высоким холмом капища Геракла, который находится против большой горы по названию Цул, ниже места капища на расстоянии одного броска камня, в маленьком ущелье, в ясеновой рощице, называемой Ацеац-драхт (Ясеным вертоградом). Это тот родник, где встарину великий Григорий совершил крещение многочисленных войск. Тут была келейка, вырытая в земле, в которой жил святой Даниил, отсюда он и ходил осуществлять свой надзор.

Итак, великие нахарары, съехавшись в одно место, устроили собрание, держали совет и уговорили царя вызвать старца Даниила к себе в стан и назначить его главою и руководителем над ними, и посадить его на патриаршеский престол. К нему послали князя Зомна из рода Сахаруни, Артавана, князя Ванандского, князя Карена из рода Амагуни и князя Вараза из рода Димаксян. Эти нахарары приехали и нашли его в гаваре Екелиац в церкви

селения Тил, где он занят был. божьим делом. Его взяли привезли в деревню Бараэдж в гаваре Алдзник, к царю Тирану. И когда великий хорепископ Даниил предстал перед Тираном, то сейчас же стал обвинять и укорять его.

Он выступил вперед и заговорил так: «Почему вы забыли бога, создавшего вас, милосердие, оказанное им вам, знамения и чудеса, совершенные при ваших отцах и в ваши дни, и почему вы вернулись к заблуждениям идолопоклонства ваших предков, к ненависти, к жадности, к стяжательству, к не милосердию в отношении бедных, к блуду, вероломству, к взаимным притеснениям и к убийствам. Вы ниспроверглись и пали, сбились с праведного пути; вы оставили своего милостивого бога, который создал вас из ничего и укрепил, и в заблуждении своем не стали больше его признавать. В то время, когда вы вели себя к гибели, он пришел, чтобы спасти вас; хотя сам он был едиnorodным сыном бога, но пришел, чтобы познакомить с отцом своим творения его. Хотя его не послушались и даже замучили до смерти, но он стерпел, но могущества своего он ни от кого не скрыл, чтобы стать источником жизни для всех. Он избрал тех, кого нашел достойным и подготовленным к восприятию его воскресения, обучил их и послал проповедывать, как глашатаев и представителей, чтобы звать вас к свету спасения.

Но вы и тут взамен его благоденний ответили ему неблагодарностью; вы прежде всего убили вашего проповедника и глашатая, который был послан к вам, того, который, придя к вам, звал вас в царствие господа нашего Иисуса Христа, к благодати спасения. Вы в своем безумии сделали соучастниками народа-богоубийцы – евреев, ибо они по своему разумению убили господа, а ваши отцы (убили) его апостолов и потом подвергли мучениям уподобившихся им за такое же дело. После этих событий пришли многие святые мученики за бога, сподвижники тех же апостолов; они подверглись жестоким мучениям, вплоть до смерти, лишь бы показать вам истину, дабы через них вы могли образумиться и познать сыча божий. Но вы и в отношении их полностью проявили свою злую волю, совершили привычное вам убийство. И все же через его кровь, как я сказал, и через разные знамения он вразумлял

вас и не подверг вас смерти в своем великом милосердии; он вас приблизил к себе, приобщил к числу принявших его учение, как домочадцев своих, и обратил в истинную веру ради возлюбленного сына своего.

После этого он простил вам все ваши прегрешения и своих любимцев дал вам в учителя. Но вы из всего этого ничего не вынесли, ничего не удержали в памяти, ничему не научились, не восприняли сердцем, а подобно еврейскому народу отступились, подобно ему стали, и вы поступать. Ибо вы должны были помнить благодеяния господя вашего Христа, который не припомнил вам грехов ваших отцов и ваших нечестивых деяний. Вам тоже не следовало забывать трудов ваших святых отцов – ваших наставников и учителей, которые всегда радели о спасении ваших душ; вы должны были сострадать тем, кто, поучая вас слову (божьему), духовно претерпел родовые муки и переродил вас, и когда вы опять вернулись к своим злым делам, они своими мольбами вновь возродили вас и добились того, что запечатлели в вас Христа, дабы вы могли удостоиться войти в царствие небесное. Надлежало и вам пещись об их сынах и учениках, которые по божественному рождению были преемниками их в проповеди слова божьего среди вас, были вашими руководителями и блюстителями в господе, не говоря уже о том, что и телом они родились от них и духовными деяниями своими не уступали своим отцам. Но вы оставили бога, вернулись опять к прежним вашим злодеяниям и переполнили меру грехов отцов ваших. Как они замучили до смерти святых отцов, не желая внимать их полезным наставлениям, так и вы убили их сыновей и преемников, их сподвижников и им подобных, за то, что они не потворствовали вашим греховным делам, как убили святого юношу Иусика, патриарха, преемника и местоблюстителя престола апостола Фадея и преподобного Григория. Вы следуете нравам и примеру евреев, их склонности к убийствам и гонениям; подобно тому, как они по невежеству своему перебили своих апостолов и пророков, так точно поступили и вы.

Так вот за эту вашу ложь и мерзости господь отнимет у вас царство, отнимет у вас и священство. Вы разбредетесь и рассеетесь, и распадется ваша страна,

как у израильтян; вы останетесь без хозяина и без призора, никто вас не будет жалеть; вы будете как овцы, у которых нет пастуха. Как стадо, вы будете преданы в руки зверей, лишитесь вы вашей славы, попадете вы в плен в руки иноземных врагов, попадете под иго их рабства и от этого рабского ига никогда вы не избавитесь, и всегда на вашей шее будет лежать это жестокое иго рабства; зачахнете вы и истощитесь в чаяниях своих. Как Израиль был разодран на куски и больше не был объединен, так же и вы рассеетесь и погибнете; другие будут пользоваться плодами ваших трудов, другие будут потреблять ваше добро; и не будет никого, кто бы спас вас, и не смилостивится бог над вами, не посмотрит на вас и не спасет больше вас.

Но что вы позвали меня, чтобы я пришел к вам, то разве для того, чтобы услышать все это от меня? Если б я и не сказал вам всего этого, все равно все это должно было случиться с вами, ибо вы убили праведного юношу великого Иусика, добродетельного вашего руководителя, происходившего из дома и рода Григория. Да, все это с вами должно случиться, ибо господь так мне указал. А то, что вы теперь призвали меня, иди де и будь над нами главою и руководителем, – так как же я могу быть руководителем тех людей, которые не следуют за господом, или как я могу быть главой народа, от которого господь отвернулся? Как я могу воздеть руки кверху и молиться за людей, руки которых обгажены кровью святых господа? или как я могу возносить молитвы и мольбы за людей, которые обратились к господу спиною, а не лицом? или как я могу заступиться за тех, кто упорствует? или как я могу выступить (перед богом) со словом примирения за тех, кто бежал (от него) и не хочет возвращаться, за тех, которых сам бог обрек на бедствия, за то, что вы сказали, что все это не видит господь и тому подобное?».

Все это сказал старец Даниил, хорепископ, в присутствии царя Тирана, князей, начальников и всех войск. И пока он говорил все это, царь, ошеломленный и изумленный, молча слушал. И когда он выслушал все это, то обозлился, вспылал неукротимым гневом и приказал немедленно задушить его. Слуги, услышав это, немедленно исполнили его приказание. Великие старшие

нахарары много старались уговорить царя, чтобы он не приводил в исполнение этой злодейской мысли, однако он так был обозлен, так был взбешен, что слушать их не хотел. И, накинув на шею его веревку, задушили его. Так скончался святой Даниил.

И многие люди, близко знавшие его, взяли его останки и хотели почтить их, как останки святых мучеников христовых. Но сам он явился своему любимому ученику Епифану, мужу святому, и объявил, чтобы останкам его не оказывали почестей, как останкам других мучеников, а чтобы отнесли их и погребли в земле, там, где он указал. Он сказал им так: если, сказал он, тело господа было погребено в могиле два дня, до третьего дня, когда он воскрес, чтобы возвратиться к отцу своему, то тем более нужно, чтобы наши земные тела были преданы земле. Затем тело его взяли любимые его святые ученики, из которых главный, по имени Шалита, был назначен им учителем Кордукской страны, а второй, по имени Епифан, тоже им был назначен учителем в Алдзнике и Мец-Цопке, и с ними были также священнослужители стана. Они взяли останки и отвезли в Тарон, где была мать церквей армянских, и похоронили там, где находилась келейка, в которой он жил, возле того родника, где Григорий окрестил множество войска страны, в местности, называемой Ацеац-драхт (Ясеновый вертоград). Тут погребли в земле тело святого Даниила, как ранее он приказал в видении.

Глава XV

О сыновьях Иусика, о том, как они пренебрегли честью стать великими священнослужителями бога

Потом они посоветовались и решили избрать одного из, сыновей святого Иусика на священство, для проповеди веры отцов. И схватили они Папа и Атанагинеса, вопреки их воле и по единодушному желанию епископов насильно заставили принять рукоположение в дьяконы. Но они отвергли честь духовного сана, избрали себе суетное военное поприще и погибли. Они предпочли жизнь мирскую, взяли себе в жены сестер царя и отказались от божьего наследия. Жену Папа звали Вараздухт, у них не было детей и они

умерли, не оставив потомства; жену же Атанагинеса звали Бамбишн. От них родился чудесный и изумительный Нерсес, который впоследствии: сделался первосвященником.

А тогда не было никого, кто бы мог в качестве первосвященника руководить народом. Опять стали советоваться, кого-бы избрать в пастыри. И все единогласно решили, что надо сыскать кого-нибудь из того же владетельного дома Григория, который бы мог сесть на престол отцов.

Глава XVI

О Парене, который сел на патриаршеский престол

В то время почли достойным некоего иерея Парена из гавара Тарон, из церкви во имя великого Иоанна, где на месте упокоения святых был впервые построен дом молитв и молений и поручен его надзору. Его позвали к царю. И царь отправил его с подарками и грамотами в сопровождении превеликих князей, а именно великого полководца Армении по имени Васак из рода Мамиконянов и Мегендака Рштуни, Андовка Сюни и Аршавира Камсаракана, – великих и главных нахараров и еще десяти почетных лиц. Они взяли святого Парена и поехали в столицу Гамирка – в Кесарию – и там его рукоположили в католикосы Великой Армении и с миром вернулись в свою страну.

Парен недолго занимал патриаршеский престол. Он не осмеливался наставлять, порицать кого-либо за заблуждения или нечестивые дела. Он только себя соблюдал в святости и по необходимости дружил с нечестивым царем, подчинялся ему, поступал, как он пожелает. Потом он скончался и отправился к отцам. Священнослужители церкви стана взяли его тело, отвезли в гавар Тарон в агарак²³ великой церкви во имя Иоанна, где он раньше жил, и там похоронили его тело и построили над ним красивую гробницу.

Глава XVII

О Шахаке, который был из рода епископа Албиана и сел на патриаршеский престол, и о том, как в это время армянская страна отступила от господ и заповедей его

Тогда стали всем миром советоваться о том, кому надлежит сесть на патриаршеский престол. И так как из рода Григория не было никого, кто бы достоин был этого сана, то нашли; подходящим некоего Шахака, который был из рода епископа Албиана. Его поручили князю Мардпету, имя которого было Айр²⁴, и назначили к ним еще из вельмож – князя Гардманад-зорского и еще десять других нахараров; они сопровождали его с большою пышностью в страну Гамирк, в великий город. Кесарию. Там они Шахака рукоположили в католикосы Великой Армении и с почетом вернулись к царю.

И Шахак занял престол патриархов; он тоже поведением был похож на Парена и руководил страной как он. Те, над которыми он пастырствовал, не хотели внимать его правдивым наставлениям и, невзирая на иго упреки, открыто и смело грешили, без зазрения совести творили всякие злодеяния, забыв господа и его заповеди. Так поступали все – царь, нахарары и князья. Еще хуже них были те, кто в безбожии своем вернулись к прежним старым обычаям своих отцов, все от мала до велика отдались этому делу и усердствовали в этом. За все это господь бог разгневался на них и отвернулся от них и предоставил врагам, которые выступили против них и растоптали их. Ибо со времен царствования Трдата, когда они уверовали в господа, бог даровал им мир, укротив их врагов, удалив от их пределов войны, и до тех пор не было у них ни с кем никакой ссоры и вражды, и жили они в полном мире. А теперь господь возбудил волнения повсеместно в их стране, усилил их врагов, и никто из царей других народов не был им другом, а все были врагами.

Глава XVIII

Об Айре Мардпете, который подбивал (царя) истреблять армянские нахарарские роды

Но в это безумное царствование в армянской стране не только враги изменяли врагам, но и друзья друзьям, товарищи товарищам, предавая друг друга и строя друг другу тысячи разнообразных козней. Ибо господь посеял смуту среди них, вселил в них нечистый дух, и они, заблудившись, стали в своем безбожии разорять и истреблять друг друга. Но всех превосходил один

нечестивый человек, ставший орудием сатаны, который настраивал царя Тирана в особенности против нахарарских родов, а именно евнух, носивший звание великого Мард-пета, жестокосердный, злонамеренный злодей, которого звали Айром. Происками своими он подбивал (царя) перебить многих нахараров без всякой вины и расшатал устои великого царства. В особенности же своим злословием он добился предания мечу и истребления двух старших родов, рода Рштуни и рода Арцруни, которые без всякой вины и преступления были поголовно перебиты, не исключая даже лиц женского пола. В это время были найдены два младенца, избежавшие смерти и укрытые своими воспитателями на стороне, – сын Мегендака Рштуни Тачат и сын Ваче Арцруни Шавасп, оба – грудные младенцы. Их доставили к царю. Он приказал зарезать их, ибо только они и оставались живыми из потомков этих родов. Тут случились Артавазд и Васак из рода Мамиконянов, предводители всех армянских войск. Они бросились к младенцам, и каждый из них, схватив по младенцу себе подмышки, вышли с обнаженными мечами, готовые умереть за этих младенцев. Ибо, хотя они и воспитывали Аршака, сына царя, но, питая отвращение к тому, что тогда делалось, оставили своего воспитанника Аршака и уехали из царского стана. Они поехали в свою страну, в укрепления Тайка, и там оставались у себя многие годы и покинули другие свои владения. Там они взрастили тех двух младенцев, Шаваспа и Тачата, и дали им в жены своих дочерей, от чего эти роды снова размножились. Они долгие годы не вмешивались в армянские дела.

Глава XIX

О сыновьях Иусика Папе и Атанагинесе, о том, как или почему они погибли вследствие своего нечестия

А сыновья Иусика Пап и Атанагинес вели богомерзкий образ жизни, безбожничали и злодействовали. Они были крайне дерзки, не имели страха божьего, вели весьма развратную и распутную жизнь, презирали и высмеивали божественные порядки.

Раз они были в Таронской земле, в церковном аване Аштишат, где впервые была построена церковь их прадедом Григорием. Оба брата Пап и Атанагинес приехали в это село. Сильно напившись, они стали насмеяться над божьим храмом; оба брата вошли в епископские покои, пили там вино с блудницами, певицами, танцовщицами, гусанами²⁵ и скоморохами. Святые и заветные места они, глумясь, попирали.

Когда они, сидя в епископских покоях, ели, пили и веселились, внезапно появился ангел господень подобно молнии и сразил обоих братьев на месте. А другие те, кто был там и вместе с ними делил трапезу и веселье, все они оставили их и убежали из тех покоев. И от великого страха никто из них не вернулся обратно, никто не осмелился подумать о них и войти внутрь, никто даже к дверям не подошел и не закрыл их. Убегая, как они оставили двери открытыми, так и в последующие дни никто уже не осмеливался подойти к дверям.

Таким образом погибли оба брата, Пап и Атанагинес; они лежали в епископских покоях на месте пиршества. Двери покоев остались открытыми, и никто не осмеливался подойти близко к ним, так что трупы их сгнили там и разложились, а кости расчленились и распались. После этого прошло много месяцев, когда, наконец, осмелились войти туда, собрать и вынести их уже совсем иссохшие кости. Их вынесли и похоронили в церковном винограднике, который назывался Агарак.

Но от Атанагинеса остался сын, рожденный от Бамбишн, сестры царя; имя его было Нерсес, который впоследствии сел на патриаршеский престол всей страны армянской. А Пап от настоящей жены не имел детей, но у него была наложница из селения карчазатов²⁶ по названию Ацеац, что в гаваре Тарон, и от этой ациацской наложницы у него был сын по имени Врик.

Глава XX

О царе Тиране, о том, как он был предан стольником своим Писаком Сюни, как он был взят в плен персидским князем Варазом и погиб, и о том, как вся армянская страна вместе с ним была покорена

Но еще была дружба между обоими царями – между армянским царем и царем персидским. В это время в Атрпатака-не сидел высокопоставленный сановник по имени Шапух Вараз. И вот, когда царил полный мир между обоими царями, вдруг по воле господ, по пустячной причине возникла ссора между ними из-за бессовестного одного человека, не уступавшего порочностью дьяволу, по имени Писак, который был стольником царя Тирана, из рода Сюни. Он ездил послом к Вараз Шапуху, которого персидский царь поставил правителем пограничной области в Атрпатакане.

В то время у царя Тирана был конь, которому все дивились. Этот конь был темно гнедой масти в яблоках, был ретив, имел великолепный вид, был крупнее и выше всех других колей, от всех них отличался бесподобной красотой, и равного ему не было другого. Царский стольник Писак, приехав в качестве посла к Варазу, подружился с ним и доложил ему относительно того коня, и, взяв у него соответствующую грамоту, привез и вручил ее армянскому царю. Царь не согласился и не пожелал отдать (коня). Но, заподозрив того человека и боясь, что он может вызвать ссору между обоими царями, он (Тиран) стал искать и нашел коня такой же масти, с теми же приметам, такого же вида, только не такой величины, – ибо такой величины другого не было, так же темно гнедой масти в яблоках, и этого коня с грамотой и подарками отослал князю Атрпатакана Варазу, через того же яростного Писака. Он подучил его и дал наказ: ты скажи, де, ему, что это тот самый конь, которого ты пожелал и которого он из любви к тебе не пожалел для тебя. А тот, прибыв к Варазу, раскрыл обстоятельства утайки лошади и вероломно старался вызвать гнев его (Вараза). Он еще больше усугубил свое злословие, сказав: «Армянский царь Тиран так исполнен зависти, недоброжелательства, вражды и ненависти, зложелательства и бесстрашия по отношению к персидскому царю и всем персидским войскам, что пожалел даже одну конскую шкуру для тебя и скрыл ее, а, чтобы обмануть тебя и посмеяться над тобою, он послал тебе другого коня через мое посредство. И не только это, – говорит, – он возлагает надежды на императора и на его войска и намеревается отнять

персидское царство у рода Сасана, говоря, что: «Это государство принадлежало нам и нашим отцам; я, говорит он, не успокоюсь, пока не восстановлю чести наших предков, пока не верну прежнего царства потомкам наших предков, то есть моему роду, моему дому и мне». Так и такими словами подстрекал нечестивый Писак Вараза против прирожденного своего государя, готовя смерть своему царю.

Услышав все это из бешеных собачьих уст Писака, марз-пан²⁷ Атрпатакана Вараз Шапух сейчас же написал донос на армянского царя и послал персидскому царю Нерсеху. И он вызвал в персидском царе столь сильное раздражение, гнев, волнение и злобу против армянского царя, что получил от него приказ – найти какой-нибудь способ, выдумать какое-нибудь средство, чтобы хитростью заманить и захватить армянского царя. И тогда как между обоими царями царил мир, бог, разгневавшись, покарал нечестивого Тирана в отместку за невинную смерть и кровь двух великих священников и пастырей. Тогда Вараз отправил посла к армянскому царю, якобы, для установления согласия и мира, а на самом деле, строя козни против него. Ссылаясь на свое чувство сильной любви к нему, он просил у царя разрешения посетить его. Армянский царь Тиран, услышав это, очень обрадовался и сейчас же велел пригласить его к себе. До прибытия же его царь советовался со своими приближенными царедворцами. Он говорил: «Прибывающего к нам гостя следует нам развлекать и увеселять охотой, пирами и всякими удовольствиями. Но не надо ему показывать в нашей стране места, обильные дичью, ибо персы жестокосердый, завистливый, злонравный, коварный народ, а надо нам найти места, не богатые дичью, в там его развлекать, обильной охоты не затевать, много дичи не бить для показа; только для вида делать, чтобы не огорчить и не озлобить персов. Место для охоты изберем в стране Апа'уник, у подошвы большого Масиса (в окрестностях) города, называемого Али-орск».

Затем Шапух Вараз приехал с тремя тысячами человек и представился царю в стране Апа'уник и с большими почестями был принят им. А те слова, что

сказал царь относительно охоты, сейчас же были доведены до сведения персидского полководца тем лицемерным и лживым, вероломным и коварным Писаком, убийцей и предателем своего государя, губителем) (своей) страны. Несколько дней они вместе веселились; но персидский князь хитро скрывал свое враждебное настроение, выжидая удобного случая, чтобы осуществить свой замысел.

Случилось так, что в то время полководцев²⁸ там не было, ибо они ранее поссорились и уехали, не было также других азатани²⁹, великих нахараров и старших танутэров⁴⁷, равно как и царские войска были у себя дома, отдыхали на своих квартирах, у царя других людей не осталось, не было ни пехоты, ни конницы, а были только в небольшом количестве слуги, – псаря охотничьих собак, дорожные рабочие, разношерстная толпа стражи при шатрах, воины из рамикских³⁰ ополчений. Там находились также царица и малолетний царевич Аршак. Таким образом, там мало оказалось народу в то время; и хотя он видел, что персидский полководец прибыл с сильным отрядом, – потому что с ним было три тысячи хорошо вооруженных воинов, – он наивно верил в его мирные намерения, поскольку тот прибыл с большими дарами и подношениями и оказывал ему пышные почести.

Немного дней спустя (персы) пригласили царя на ужин, чтобы почтить его. Когда начали пить, то царь и его свита сильно напились; и в это время неожиданно из засады вышли люди, внезапно набросились на всех сотрапезников и схватили их на месте, а царя Тирана окружили вооруженные секирами и щитами воины. Связали ему ноги и руки железными цепями, а стан, со всем, что там нашли, взяли как добычу. Сокровища царя, имущество, жену, сыновей, все что нашли в стане, забрали и уехали из страны Апа'уник. Когда они прибыли в деревню одну, которая называлась Даларик, персидский полководец въехал в деревню Даларик, а с ним вместе был связанный царь Тиран. И Вараз сказал: «Ну-ка, найдите углей, чтобы накалить железо и выжечь глаза царю Тирану». Сейчас же принесли углей и выжгли глаза царю Тирану. Тогда заговорил сам Тиран и сказал: «Так как тут померк свет моих

очей, то пусть это место впредь во веки называется Ацух вместо Даларик³¹, и это останется в знак памяти обо мне; я теперь вспоминаю и знаю, что это – мне возмездие за совершенные мною злодеяния и грехи, ибо я вверг во мрак страну, в которой царствовал, (лишив) ее двух светоносных учителей и полагал, что погашу свет двух верных проповедников истинного учения; потому-то и померк свет моих очей».

Затем князь персидского царя со всею поспешностью выехал из деревни Ацух, взяв с собою царя Тирана и всех пленных, спешно прибыл в персидскую страну и отправился в Асорестан³² к своему государю, персидскому царю.

Печальная весть об этом гибельном происшествии, о внезапно нагрянувшем бедствии и несчастьи, не замедлила распространиться (повсеместно в стране). Собрались нахарары и князья, гордзакалы и военачальники, начальники и множество народа со всех концов страны. Хотя они собрались, образовали отряды, подготовились и пустились в погоню за Варазом, но не могли догнать его. Тем не менее они все же захватили часть персидской страны, людей всех перебили, разграбили и сожгли страну. Затем они вернулись и собрались в одном месте, с плачем и стенаниями оплакивали своего прирожденного государя, армянского царя, а также и гибель страны, и проливали горячие слезы о том, что остались без хозяина и потерпели: крушение.

Глава XXI

О том, как все армянские нахарары собрались вместе и отправились и привели греческого царя в Армению на помощь себе, и как персидский царь пришел с большим войском и верхом на одном коне спасся бегством в персидскую страну

После этого еще с большим единодушием собрались люди армянской страны, великие нахарары, вельможи, начальники областей и правители стран, азаты, военачальники, судьи, главы, князья, не считая воевод и даже шинаканов³³– людей из рамиков. Стали переговариваться друг с другом и говорили: «Что это мы делаем, сидим и плачем; враги воспользуются этим; не много пройдет времени, и они опять совершат набег на нашу страну. Давайте

мы сами утешим себя, станем на защиту себя и страны и отомстим за нашего прирожденного государя». Так все люди страны, собравшись, держали совет, и сговорились искать себе помощи и защиты.

Тогда армянские вельможи отправили посольство, состоящее из великих нахараров, к греческому царю с подарками и с заявлением, что они готовы протянуть ему руку и с покорностью подчиниться ему, лишь бы он оказал поддержку им и помог отомстить врагам. Послами отправили Андовка, нахапета Сюникского, и Аршавира Камсаракана, нахапета Аршаруникского. Они прибыли в греческую страну, в императорский дворец, передали грамоту, привезенные подарки и представил царю просьбу (армянской) страны. Император, ознакомившись со всеми обстоятельствами, сейчас же с большою готовностью согласился исполнить их просьбу, оказать поддержку и помощь армянской стране, в особенности, когда вспомнил тот союзный договор, клятвенно подтвержденный, который был заключен между императором Константином и царем Трдатом.

И не успели еще послы армянской страны, поехавшие к императорскому двору, вернуться обратно в свою страну, как со стороны востока двинулся сам персидский царь Нерсех, имея намерение захватить, сжечь, разорить и опустошить армянскую страну и завоевать ее со всеми пределами. Он двинулся со всеми своими войсками, со всем имуществом, с большим караваном, с множеством слонов, с огромным количеством припасов, с главным гаремным шатром, со всеми женами и с царицей цариц; прибыв, он вторгся в пределы Армении и занял всю страну. Тогда азатские войска армянских нахараров, захватив семьи, бежали в сторону Греции, и сообщили эту печальную несть нахарарам, состоявшим при многотысячном императорском войске. Услышав все это, греческий царь сам тоже собрал свое войско и пошел походом в армянскую страну против персидского царя.

Он оставил свое войско около города Сатала³⁴; сам же выбрал из предводителей армянского войска двух мудрых мужей, а именно Аршавира и Андовка, которые раньше приезжали к нему в качестве послов. С ними вместе

император, преобразившись в шинакана (поселянина), в качестве продавца капусты, проник в персидский лагерь, который тогда находился в гаваре Басеан, в деревне по названию Осха. Они проникли в лагерь персидского царя, осмотрели, разведали сколько сил у него и вернулись обратно в свой лагерь. Они сплотились, подготовились и ударили по персидскому войску, которое нашли на том же месте, где оно беззаботно, спокойно, ничего не подозревая и в бездействии стояло лагерем. На рассвете они напали на персидского царя, все войско предали мечу и никого не оставили в живых. Они разграбили лагерь, забрали добычу, захватили жен царя и царицу, и других женщин с ними, все их имущество и достояние, сокровища, припасы, обстановку вместе с женщинами взяли в плен. Только один царь едва спасся бегством со своим передовым гонцом и кое-как сумел добраться до своей страны. А император с большою пышностью торжественно вступил в лагерь; все совершеннолетние были перебиты, а остальных увели в плен в греческую страну. Над армянской же страной он поставил правителями двух князей – Андовка и Аршавира, которым пожаловал большие награды, и, поручив им всех князей и страну, сам император вернулся в Грецию, в свою страну.

А персидский царь бежал в свою страну. Приехав туда, он созвал всех, кто остался под его властью, и стал вести расследование и допрашивать их. Он советовался, приказывал вновь и вновь допытаться, и узнать, по какой причине возникла эта война. Тогда и раскрылись перед ним все обстоятельства, и стало известно, что война возникла из-за пустяка, из-за гнусного злословия, что это безумный Шапух Вараз вызвал эту смуту из-за одного коня. Поэтому царь приказал лишить Вараза почестей, снять с него почетные одежды и подвергнуть его жесточайшим мукам. Далее по персидскому обычаю он приказал содрать с него кожу, набить ее сеном и выставить на площади на поругание. И сам, тоже сожалея о случившемся, послал почетных князей к императору с мирными предложениями, чтобы вернуть пленных; затем послал людей, которые должны были переговорить с императором о мире и согласии

и просить его отпустить хотя бы жен его из плена и избавить его (царя) от позора и бесчестия.

Тогда греческий царь Валент³⁵ написал такую грамоту персидскому царю: «Сперва ты, говорит, возврати пленных, уведенных тобою из армянской страны, вместе с царем Тираном и вообще все то, что оттуда взял; и когда ты это сделаешь, то и я верну тебе то, что взял; значит, сперва ты верни взятую у них добычу, потом и я верну тебе твое».

Персидский царь, услышав об этом требовании (императора), сейчас же исполнил все это. Он освободил заключенного Тирана из тюрьмы и оков, милостиво поговорил с ним, сказал, что вновь поставит его на царство его страны и с почетом отправит его туда. А Тиран ответил: «Мне, слепому, бесполезно, непристойно и даже невозможно царствовать; взамен меня поставь на царство сына моего, Аршака».

Тогда (персидский царь) поставил на царство над армянской страной сына его, Аршака, и жен (армянского) царя и всех других пленных, с сокровищами, подарками и вообще всем достоянием вернул из плена; равно и самого царя Тирана персидский царь снабдил всем необходимым и с почетом отпустил обратно из своей страны в армянскую страну. Так он в точности выполнил требования греческого царя. Отправив всех их в Армению, он отпустил также послов, прибывших к нему от греческого царя, чтобы они поехали и рассказали греческому царю, как он исполнил требования греческого царя, дабы и греческий царь вернул взятых им пленных персидскому царю. Когда греческий царь услышал все это, что персидский царь исполнил полностью его требования и отпустил на свободу пленных Армении и царя Тирана, то удовлетворился этим; и в свою очередь греческий царь отправил обратно пленных персидскому царю, а также и жен персидского царя, снабдив всем необходимым и с большим почетом, и всех пленных с ними возвратил из греческой страны в персидскую страну и благополучно препроводил к их царю.

Окончилась третья часть (состоящая) из двадцати одной главы повестей Фавстоса Бузанда, великого летописца-историка, который был греческим летописцем.

ЧЕТВЕРТАЯ КНИГА

Главы истории дома сынов Торгома, армянской страны

Глава I

О том, как после великих смут и войн персидский царь Нерсех посадил на царство Аршака, сына Тирана, и отпустил в армянскую страну с отцом его Тираном и со всеми пленными

Когда установился мир и полный покой между греческим царем и персидским царем Нерсехом, и они полюбовно согласились, что каждый из них исполнит волю другого, то греческий император вернул пленных персидскому царю. Также персидский царь Нерсех поставил на царство Аршака, сына Тирана, и отпустил с отцом его, с их женами и всеми пленными, со всеми их сокровищами и достоянием, окружив их большим почетом. Аршак, царь Великой Армении, сделавшись царем в стране Асорестан, выехал (оттуда) с отцом своим и со всем семейством своим, приехал в армянскую страну, и, собрав рассеявшихся по стране людей, стал царствовать над ними.

Тогда установился великий мир. Все люди армянской страны, которые считались пропавшими, бежали и скрывались, собрались и зажили спокойной, мирной жизнью под покровительством царя Аршака. И страна армянская между двумя царями умиротворилась, благоустроилась, организовалась, и все стали вкушать мир в местах своего жительства.

Глава II

О благо устройении армянской страны; об упорядочении нравов повсюду, об обновлении армянского царства

В то время царь Аршак поехал искать храбрых полководцев из рода Мамиконянов, которые вскормили и взрастили его. Он приехал и нашел их в укреплениях Тайка, в их стране; он задобрил их и вернул на службу, так как они еще со времен сумасбродных действий Тирана поссорились и отказались

от общения и всякого участия в армянских делах. И царь назначил Вардана, старшего брата, нахапетом их рода, среднего брата, Васака, своего пестуна³⁶, назначил спарапетом и полководцем по военным делам, а младшего брата назначил военачальником. Равным образом он установил количество войск других превеликих нахапетов³⁷, сообразно их рангам, как было при прежних царях. И вельмож он заставил подчиниться себе, распределив их войска по всем концам (страны) и обязав их защищать границы Армении.

И державная власть в армянской стране возродилась и окрепла, как прежде; вельможи оказались вновь каждый на своем троне (гахе): и гордзакалы³⁸ в своем ранге. И в первую голову гордзакалство³⁹ (должность) гордзакала-азарапета⁴⁰ он поручил роду Гнуни, покровительствующему дехканам⁴⁶, дабы в качестве азарапетов всей страны они имели попечение о шинаканах, строящих и кормящих страну. Также должность спарапета-стрателата, предводителя войск, для ведения боя на копьях, лицом к лицу, он поручил славному и благородному роду Мамиконянов, носящему знамена с изображением голубя, со знаками орла, бесстрашному и отважному, первенствующему в боях, известному храбростью, дарованиями, доброй славой и добрыми делами, преуспевающему в военных делах согласно порядкам, искони установленным предками, роду, которому небо всегда посылало победу и добрую славу, мужество в военных делах, – и дал им власть предводительства всеми войсками Великой Армении. Назначил и других должностных лиц из этих родов и из менее важных, кои в качестве гордзакалов восседали перед царем на подушках и с повязкой патив на голове; не считая великих нахапетов и танутэров, из которых и были гордзакалы, остальные в числе девятисот человек принимали участие в придворных званных пиршествах, восседая на своих подушках; не считая лиц, стоявших на ногах для обслуживания.

Глава III

**О святом Нерсесе, о том, откуда он происходил и как или каким образом
был избран епископом армянской страны**

К царю Аршаку съехались на собрание («жогов») вельможи и нахапеты нахарарских родов и домов, владельцы гундов и знамен, все сатрапы, нахарары и азаты, главы и князья, воеводы и порубежники (правители пограничных областей). Все были движимы единодушным желанием собраться и подумать о своем руководителе, о том, кто достоин сесть на патриаршеский престол и пасти разумное стадо христово. Среди всех собравшихся встретила всеобщее одобрение та мысль, что руководителем должен быть избран один из оставшихся потомков Григория, происходящий из его рода. Ибо все говорили царю: подобно тому, как бог обновил ваше царство, нужно, чтобы и духовное патриаршество было возобновлено через представителя его (Григория) рода; ибо когда этот престол будет обновлен, говорили они, то и чистые нравы возродятся в армянской стране.

Затем участники ашхаражогова⁴¹ один за другим провозгласили имя Нерсеса, сына Атанагинеса, внука первосвященника Иусика, сына Вртанеса, который был сыном первого великого первосвященника Григория; имя его матери было Бамбишн, которая была сестрой царя Тирана. Он в молодом возрасте вел жизнь светского человека и был женат, с отроческих лет он воспитывался и учился в Гамирке, в городе Кесарии, под руководством преданных учителей, и стяжал любовь своих сотоварищей. А в это время он был на военной службе, в гордзакалстве, был любимым сенекапетом (стольником) царя Аршака, доверенным лицом во всех делах государства, внутренних и внешних.

Это был крупный мужчина, хорошего, высокого роста, привлекательной наружности, равного которому по красоте другого нельзя было сыскать в мире; он вызывал симпатии, изумление и почтение у всех, кто на него глядел, а также зависть своим мужеством в военных упражнениях. Имел страх божий в сердце и строго соблюдал заповеди господи; он был человеколюбив, свят и благопристой, весьма мудр и беспристрастен, справедлив в поступках, кроток, мил, скромн, милосерден к бедным, в супружеской жизни порядочен, исполнен любви к болу. С товарищами обращался по заповеди – любить, товарища как самого себя. И по военной службе он был безукоризненно

доблестного поведения. С младенческого возраста он жил по заповедям господина – праведно, беспорочно, оказывая услуги товарищам. Он был неутомим, ревностен сердцем к богу и горел святым духом; всем и во всем был совершенен. Любил бедных, страждущих, заботился о них, даже свою одежду и пищу делил с ними. Помогал притесненным, попавшим в тяжелое положение, покровительствовал обиженным и защищал их.

И вот, когда он, одетый по-военному, в нарядном плаще, с подобающими украшениями, со своей дивной красотой, высоким ростом, чудесными волосами, стоял на услужении возле царя, у его изголовья, держа в руке стальной царский меч в золотых ножнах, с украшенным драгоценными камнями и жемчугами поясом, – все присутствующие на собрании громогласно и единодушно воскликнули: «Да будет Нерсес нашим пастырем!» Услышав это, он возражал, не хотел, отказывался, говоря, что не достоин. Но он видел, что все твердили одно и то же перед царем, возглашали одно и то же: «Никого другого не хотим пастырем над нами, а только его; никто другой не должен сесть на престол, а только он!» А он, из скромности не считавший себя достойным этого (сана), выступил вперед и стал наговаривать на себя и приписывать себе такие грехи и незаконные деяния, которых не совершал.

Услышав это, народ понимал, что он зря наговаривает на себя, и все вместе с царем покатались со смеху. А войска в один голос кричали: «Пусть на нас, на наши головы, падут твои грехи; пусть на нас, на наших детей падут твои деяния; но ты восстанови дела предка твоего Григория и то же пастырство над нами». А он, так как ничего другого не нашел ответить им, то стал бранить их и сказал: «Вы нечестивы и поганы, не могу я быть пастырем над вами и взять ваши грехи да себя; я не могу быть лицеприятным, не могу стерпеть ваши злодеяния. Вы сегодня любите меня понапрасну; завтра тоже понапрасну, вы станете моими врагами и ненавистниками; вы меня" связываете с собою как колотушку на свою же голову. Оставьте меня в покое, быть может удастся мне тогда без забот по не достоинству своему провести свою жизнь полную страданий и грехов, ожидая грядущего вечного суда». А множество войска,

возроптав, кричало: «Именно ты грешный и должен быть нашим пастырем». Божьим провидением было то, что люди так настаивали. Тогда царь Аршак, разозлившись и разгневавшись, потянул к себе меч с царским поясом, который он (Нерсес) носил при исполнении обязанности сенекапета, и снял с него. Затем он приказал связать его перед собою, остричь его прекрасные кудрявые волосы, подобных которым нигде нельзя было найти; он также приказал разорвать и снять с него нарядную мантию. Он приказал, и принесли монашескую одежду и надели на него. Затем он приказал и призвали старца епископа Фауста, чтобы он рукоположил его в диаконы. А когда стригли ему волосы, то многие плакали, жалея его красоту и видя, как изменилось его лицо и исчезла красота. Когда же увидели его осиянным христовой красотой, то многие обрадовались, что милостью благодатного (бога) именно он был призван пещись о христовом доме.

Господь внушал тогда всем эту мысль – просить себе в пастыри того, кто мог руководить ими и указать им жизненный путь. Он, когда внешне был еще в военном облачении, внутренне носил в себе Христа и имел благородный облик. По надежде своей он был распят с Христом и погребен вместе с ним, и по любви веры – умер за грехи и справедливо надеялся на воскресение. Поэтому он справедливо удостоился престола патриархов и места своих предков, престола апостола Фадея, а также духовного наследия своего отца по плоти. Но это от господа было, что он был призван на этот сан, что у всех возникла мысль почесть его достойным этого сана. А он по великой богобоязненности своей и смирению не считал себя достойным этого высокого сана – служения богу, в который его возвели. Но он (достиг этого сана) по единодушному принуждению (народа) и по велению бога; тем более, что о нем и ранее было предвещено богом в видении Иусику, что из его поколения родится человек, который будет светочем мира.

Глава IV

О том, как повезли Нерсеса в Кесарию, и какие чудесные знамения явлены были богом, и как он по-апостольски пасвою паству

Тогда собрались великие князья, которые должны были сопровождать вождя Нерсеса туда, где по обычаю совершалось помазание патриархов. Много армянских епископов собралось также у царя по тому же поводу. Посоветовавшись, все единогласно решили, что он (Нерсес) должен сесть на патриаршеский престол. И с единогласного одобрения всех, – епископов и царя, и множества мирян, – отправились в путь: великий князь Мардпет Айр, великий князь Аспет Багарат, великий князь Цопка Даниил, Мегендак Рштуни, князь Андовк Сюникский, Аршавир, князь Ширака и Аршаруника, Ной, князь другого Цопка, и князь Паргев из дома Ааматуни. Их всех снарядили и отправили в путь с великими дарами и подарками и с доверительной грамотой, чтобы они поехали в Кесарию, столицу страны Гамирк, к католику Евсевию и там совершили рукоположение его (Нерсеса) в католики Великой Армении.

Велика была их радость и ликование, когда; они прибыли на место и увидели католика католиков, святого, знаменитого, блаженного, великолепного и чудесного Евсевия. Они передали ему грамоту царя Аршака и преподнесли привезенные подарки. И он любовно их принял, воздав им большие почести и, согласно канонам, по-апостольскому чину созвал многолюдное собрание епископов, чтобы рукоположить Нерсеса в патриархи Великой Армении. И совершилось великое чудо, ибо как только вошли в церковь, белый голубь на глазах у всех священников и множества народа прилетел и сел на алтарь. Затем, когда великий первосвященник Евсевий в сопровождении иереев, среди которых был и святой протоиерей по имени Василий, вошел внутрь (храма), то голубь отлетел с алтаря и сел на него, где и оставался долгое время. Когда же настал; час и приступили к рукоположению Нерсеса, то голубь отлетел со святого Василия и сел на голову Нерсеса.

Когда совершилось над ним это знамение и чудо (ниспосланное) богом, то весь народ и великий архиепископ Евсевий были поражены. Все обратились к нему, кричали: «Ты оказался угоден богу, божий дух сошел на тебя, ибо это было подобием святого духа, который сошел на господя». Затем совершили

чин рукоположения, возвели и посадили его на епископское седалище и оказывали ему почести; и многие провозглашали ему энкомию (похвальное слово), что значит: святой дух почил на нем. Сам же он не переставал считать себя недостойным всего того, что случилось. Далее с большою торжественностью проводили его в обратный путь, а также великих армянских нахараров-сатрапов.

Все они с гордым сознанием приобретенной духовной славы вернулись в армянскую страну. Сам царь Аршак выехал-им навстречу, доехав до горы Арюц⁴². Здесь произошла их радостная встреча, и, обменявшись взаимными приветствиями и благословением, они вернулись оттуда в страну. И таким образом святой Нерсес сел на патриаршеский престол. Мир и покой водворились в стране во время его пастырства; так как. жизнью своей и поведением он подражал прадеду своему, великому Григорию, был необычайно добр, как предки его, восстановил и продолжал апостольское учение тех же отцов и так же заботился о сохранении в целостности (паствы своей) от видимых и невидимых врагов.

Он весьма походил на первые деревья, и плоды его учения были такого же рода и такой же зрелости и за время своего пастырства и руководства всех обильно снабжал тем, что полезно, питая их духовной пищей. Такая на нем почилла благодать, что он творил величайшие чудеса, исцелял больных, где представлялся случай, обращал заблудших (на истинный путь). Он творил и такие чудеса: когда видел человека крайне упорного, то убеждал его, внушая страх, а тех, уши сердец которых были открыты, убеждал словами проповеди. Он отстраивал разрушенные церкви и восстанавливал развалившиеся алтари; для маловерных он учредил порядок. покаяния, дабы они могли уверовать в бога и спастись. Верующих он утешал упованием на вечные блага и награды. Он вновь прославил престол (апостола) Фадея и стал сыном, подобным своим отцам. Он давал отпор злословящим и заставлял их молчать, в корне пресекал беззаконие как на словах, так и на деле. Он боролся за правду до конца, поддерживал и защищал правую сторону и дождем своего учения кропил и

вспаивал праведные дела на благо (людям). И всю страну Великой Армении, где раньше отцы его сеяли проповедь животворящего слова, он оросил дождем своей (проповеди). Растение взрастил мшак жнец, сотрудничая с сеятелями, и собрал обильную жатву в амбарах царствия (божия). Он оказался достойным преемником и сподвижником своих отцов-мшаков (работников).

Неизреченные великие силы носил он в себе; особенное внимание он обращал на то, чтобы упорядочить дела милосердия; во-первых, сам лично благотворил, затем служил другим примером благотворительности и вообще поучительным словом увещевал всех, направляя их мысли в сторону добра. Поучал, что величайшими благами являются любовь, надежда, вера, святость, ласковость, кротость, незлобивость. Призывал призирать бедных, лечить их и обнадеживал, что (милосердные) получают воздаяние при обещанном Христом (втором) пришествии, когда будет снаряжен суд с неугасимым огнем; грозил, напоминая о вечных муках и о втором пришествии сына божия Иисуса Христа. И вселил такой страх, что все живущие в пределах Армении люди, веря его словам, одинаково и добро охотно предоставляли свое имущество своим беднякам и это делали с великой радостью.

Он поехал в гавар Тарон и вызвал к себе всех епископов армянской страны. Съехались они в селении Аштишат, где впервые была построена церковь, которая была матерью церквей и местом, где происходили церковные соборы при предках. Все охотно явились на собор и имели полезное совещание об упорядочении мирских дел церкви и об установлении общих правил веры. Тут они наладили и установили порядок, и весь народ армянской страны превратили как бы в единую общину монахов во всем, кроме брака. Патриарх Нерсес на всех распространял установленные апостолом правила; всех наставлял, увещевал, влек усердно к благотворительности; сначала сам делал, потом других поучал тому же. И то же приказывал делать во всей армянской стране, в гаварах, странах, во всех уголках. Подыскивали подходящие места и отводили их под постройку домов для призрения бедных, где должны были быть собраны зараженные, прокаженные, увечные и припадочные.

Постановили построить убежища для прокажённых, определить им питание и лечение, а для бедных – приют. Ибо великий патриарх Нерсес приказал, и святой собор единодушно одобрил, чтобы такие люди оставались в своих убежищах, не выходили нищенствовать, выставляя напоказ свои страдания и не ступали ногою за свой порог, а, чтобы все считали себя обязанными помогать им. Нужно, говорили они, чтобы не нарушался порядок мира, а следует, чтобы все без различия были милосердны и осторожно носили им пищу и удовлетворяли их нужды. Так и устроил, организовал и утвердил.

Он научил страну многим способам благотворительности и утвердил много установлений и правил своих отцов. Он поучал, что всегда нужно иметь в виду надежду на воскресение, не думать, что смерть человека бесповоротна, что нет надежды на возврат к жизни; поэтому не нужно над умершим отчаянно плакать и стенать, без меры и порядка оплакивать его, а уповать на (второе) пришествие господина и на обновление через воскресение, значит ждать пришествия господина, где каждый человек получит вечное воздаяние по своим делам. Дабы браки были законные, он поучал, чтобы вступившие в брак не обманывали друг друга, не строили козней друг против друга, чтобы более всего воздерживались от кровосмесительного брака с близкими родственниками, в особенности от сожительства с невестками и от других подобных дел. И установил правило: не употреблять в пищу мяса и крови павших животных и во время месячных очищений не иметь сношения с женой, ибо все это он считал осквернением перед господом.

(Он осуждал) коварство, лицемерие, жадность, зависть к другим, похотливые страсти, несправедливость, мужеложество и содомию, сплетню, разгульное пьянство, чревоугодничество, хищничество, блуд, мщение врагам, ложь, вражду и не милосердие, ложную клятву и кровавое убийство; мерзкое скотоложество, неверие в воскресение, безнадежное оплакивание умерших – все это ведет в ту же гибельную пропасть, говорил он. Приказывал всей стране и самому царю, вельможам и вообще тем, кто имеет власть над другими, чтобы были милосердны к своим царям (рабам, слугам), к меньшей братии и

ученикам, чтобы любили их как членов своих семейств, чтобы незаконным путем и чрезмерно не обременяли их податями, напоминая им, что и для них есть бог на небе. Царяям тоже предписывал быть верными и покорными своим тэрам (господам), за что получают воздаяние от господ.

И все церкви в его дни обрели мир и обновление. Повсеместно в Великой Армении возросло почитание всех епископов. Порядки в церквях стали пышно процветать во всей полноте; установились порядки со всем великолепием в кафедральных; церквях, чины священного культа возросли, число священнослужителей увеличилось. Он увеличил число церквей в населенных и ненаселенных местах; также умножил количество монахов.

В разных местах во всех гаварах Армении он основал школы греческого и сирийского языков. Многих угнетенных спасал, томящихся в плену выкупал из плена, одних – проповедью страха христового, других за выкуп освобождал и возвращал в свои места. Вдовам, сиротам, неимущим предоставлял покой и попечение, – бедные всегда радовались вместе с ним; дом его и стол всегда были открыты для бедных, чужестранцев и пришельцев. И его любовь к бедным была так велика, что, хотя во всех гаварах он построил дома для призрения бедных и назначил для них пособие, так, чтобы кроме вставания с постели они ничем более себя не утруждали, все же без чих за стол не садился, а хромые, слепые, увечные, глухие, обездоленные, нуждающиеся садились с ним за стол и кушали. И сам он своими руками обмывал всех, помазывал и перевязывал (раны), своими руками раздавал им пищу и все свое имущество на них расходовал; все чужестранцы у него, под его кровом, находили покой и отдых.

И что делал сам, тому учил и других; сам был чист, трезви бодр и всех людей готовил к восприятию слова божия. Подобно пророкам и апостолам поучал милосердию. «Ваши грехи, говорил он, вы должны искупать милосердием и ваши нечестивые дела состраданием и подаянием нищим». Напоминал об апостолах, которые для призрения нищих избрали великого первомученика и

перводиакона Стефана и товарищей его, того, который открыл небо и тем удостоился лицезрения сына по правую сторону бога отца.

(Напоминал) и об Айцемник, ее милосердии, об истовом плаче вдов и о том, как великий (апостол) Петр возвратил к жизни эту отрешившуюся от жизни и умершую женщину. А также великий (апостол) Павел, говорил он, рассказывает следующее: «Когда Иаков, Кефас и Иоанн, основные столпы, увидели ниспосланную мне благодать и то, что я так же успешно проповедую евангелие среди необрезанных, как и они среди обрезанных, то пришли к соглашению со мною и Варнавой и дали, право (проповедовать) среди язычников, как они среди обрезанных. Только мне они велели, говорит, иметь попечение о бедных, что я, говорит, и старался исполнить».

Так и еще паче выделял он (слова) Христа, сказанные им одному богачу, наполнявшему все заповеди: «Продай имение твое и раздай бедным и будешь иметь сокровище на небесах», и потом сказал: «Легче веревке пройти сквозь игольное ушко, нежели богатому войти в царство божие», и еще: «Приобретайте себе друзей, богатством неправедным, чтобы они, когда обнищаете, приняли вас в вечные обители». Или же подобно самому Павлу он заставлял всех радеть о добрых делах, говоря: «Достигайте любви, ревнуйте о дарах духовных». Рассказывая о том, как охотно ахейцы служили святым в Македонии, он увещевал и вызывал ревность (у слушателей), также он поощрял их неотступно творить добро и благие дела, говоря, что «хорошо ревновать в добром всегда». Опять же он стремился со всеми вместе идти по стопам Христа.

«Взирайте, говорит, на начальника и совершителя веры Иисуса», и опять: «Поминайте наставников ваших, которые проповедовали вам слово божие и, взирая на кончину их жизни, подражайте вере их». И все твердил: «Ибо в вас должны быть те же чувствования, которые и во Христе Иисусе». Опять же сказано: «Иисус делал и учил от начала». А желанный брат господень Иаков, в своем послании, ссылаясь на весь сонм святых и на святолюбивого господа, говорил: «В пример злострадания и долготерпения возьмите, братья мои,

пророков, которые говорили именем господним... вы слышали о терпении Иова и видели конец господя».

Такие и подобные им речи он говорил постоянно, ночью и днем, не переставая поучать и наставлять. С мудростью осенявшей его благодати святого духа блаженный Нерсес, патриарх армянский, во все дни жизни поучал и наставлял всех, как сострадательный отец и милосердная мать, духовной любовью воодушевлял всех великих и малых, почетных и отверженных, богатых и бедных, азатов и шинаканов. И надзор над страной он осуществлял со всей заботливостью, не лентясь и не мешкая, до конца своей жизни. Такого, как он, другого никогда не было больше в армянской стране.

Глава V

Об армянском католикосе Нерсесе, о том, как он вместе с нахарарами был послан царем Аршаком к императору Валенту, и как много он говорил о вере относительно сына императора, и как он был связан и сослан, а других нахараров (Валент) отпустил с подарками

И вот по поводу договора о мире и согласии, заключенного между армянской страной и греческим императором, понадобилось армянскому царю послать великого армянского католикоса Нерсеса и с ним десять сатрапов из числа армянских вельмож, с большим снаряжением, чтобы они поехали и возобновили договор о мире и согласии между императором и ими. Они отправились и приехали в императорский дворец греческих царей.

В это время великий греческий царь Валент находился в заблуждении в вопросах веры, впав в арианскую ересь. И вот царь, увидев их, сперва принял их с большою торжественностью и пышными почестями. У императора был один только сын, единственный ребенок, который лежал тяжело больным. И вот царь попросил святого армянского католикоса Нерсеса помолиться за ребенка. А он, выступив вперед, начал говорить и сказал:

«Если ты поверишь, что господь Иисус Христос единародный сын бога и рождение его, от его природы и сущности, рождение от отца, а не творение, происшедший от отца, свет славы сущего, образ его существа, что он от его

естества, рождение и сын, ибо как отец, так и сын от его естества, раньше всех времен от отца рожденный, раньше бытия всех творений, от самого начала во всем он был сотрудником и со творцом у отца, что все на небе и на земле получило бытие от отца через него, что он от самого начала был с отцом при создании всех творений, от природы, с самого начала был с ним и носит тип и образ своего родителя; что от начала мира силою своего слова и своей природной властью управляет, направляет, ведет все творения; который вначале сотворил и положил основание миру, и небо в виде свода распростер (над ним), руки которого создали и утвердили все небесные пространства, который и человека создал из земли как разумное, говорящее, мудрое (существо) и со свободной волей. И когда люди по своей свободной воле осквернились, не признали создателя и заповеди его, то сын, который от века сидел по правую сторону отца и был сопрестольником своего родителя, когда увидел, что отец пренебрежен людьми, встал с правого престола, уменьшился, свернулся, получил от девы воплощение, человеческий образ, сам себя смирил, сделался человеком, по своей воле испытал страдания, умер и воскрес, и всем вообще даровал жизнь, вознесся и сел на свой природный престол по правую сторону отца, своего родителя.

И вот, если ты уверуешь в то, что Христос сын и рождение от бога, в чем мы можем тебя убедить бесчисленными свидетельствами, то мы можем омыть и очистить тебя от лживого и оскверняющего крещения языческой веры. Прими ты крещение святой веры во имя творца бога и исповедуй рождение сына от отца от века, по своему природному происхождению, и принятие плоти от святой девы в последние времена, что имело место ради нашего спасения и жизни, (исповедуй) смерть и погребение того же сына – Иисуса Христа – и мир и согласие, и благодать святого духа. Прими крещение во имя этих чудесных таинств отпущения и обновления жизни, тогда и сына твоего мы удостоим этого святого крещения, дающего надежду на блаженство и очищающего от грехов, и попросим господя нашего Иисуса Христа, чтобы он простил грехи еретического неверия и помиловал, ибо от них-то искони

бывали и бывают болезни. И я ручаюсь от лица милосердного бога, что поставлю перед тобою сына твоего здоровым и невредимым, если ты придешь к православию и будешь исповедовать с нами вместе, как ортодокс⁴³.

Относительно же твоего сына, если ты обратишься в истинную веру, мы за сына твоего попросим господа, положим нашу руку на него и скажем: согласно вашей вере исцеляет его Христос, родившийся от бога, и он (сын твой) здоровым и невредимым поднимется и станет перед тобою, и (Христос) удостоит вас многих других благ и доведет вас до царствия вечной обновленной жизни.

Но если ты не уверуешь, то какое может быть отпущение и исцеление, или как мы осмелимся предстать перед ним, просить и молиться за тех, кто вовсе не признает господа; ибо гнев божий сразит тех, кто неправильно исповедует господа. Вы тоже не можете просить, поскольку не веруете и не хотите знать его заповедей, не понимаете его законов. «Ибо закон господа совершен, укрепляет душу; откровение господа верно, умудряет простых. Повеления господа праведны, веселят сердце; заповедь господа светла, просвещает очи. Страх господень чист, пребывает во век. Суды господни истина, все праведны; они вожделеннее золота и даже множества драгоценных камней, слаще меда и капель сота». А те, кто отдается скверне, их (господь) хранит, как вещество для огня. «Нет языка и нет наречия, где не слышался бы голос их. По всей земле проходит звук их и до пределов вселенной слова их». А для тех, кто не слушает, и тех, кто слушает, господь хранит (соответствующее) воздаяние».

Все эти речи и многие другие подобные речи говорил святой Нерсес императору. Он еще добавил следующее; «С сегодняшнего дня, считая впредь еще пятнадцать дней (господь) по милосердию своему и доброте снисходительно будет ждать, столько дней дает тебе сроку, потерпит, чтобы ты пришел к истинной вере. Пусть это тебе будет знамением того, что, если до того дня ты не укрепишься в вере, то по истечении срока ребенок умрет, чтобы ты убедился, что все, что я сказал тебе – правда».

Пока он говорил это, царь молча слушал все, закинув ногу на ногу, облокотившись на колено, подпирая рукою подбородок и так сидя слушал, пока тот высказал все. И все, что он говорил, записывали царские скорописцы-секретари, стоявшие возле царя. И тут царь страшно разгневался, приказал крепко сковать железными цепями армянского патриарха святого Нерсеса, заключить в тюрьму и держать там, а за ребенком установить тщательный уход, дабы посмотреть, выживет ли он или нет, а потом решить, что нужно делать. По истечении пятнадцати дней умер ребенок, сын императора, единственный его наследник. Оплакав его и погоревав сколько было нужно, царь приказал привести к себе святого Нерсеса. Он подозвал его к себе и спросил: «Вы ли христиане были причиной смерти ребенка?» А тот ответил: «После сказанного мною Христос на пятнадцать дней отсрочил (смерть), в надежде, что быть может вы обратитесь, но вы не обратились и умерли. И теперь еще, если ты уверуешь, то Иисус Христос, сын божий, может вернуть его к жизни, и сына и всю твою семью».

Разгневавшись на эти слова, царь вознамерился казнить его лютой смертью. Но к царю подошли придворные вельможи и советники и сказали императору: «Эти люди посланы из чужой и далекой страны по делу могущественным царем; они посланцы великого государя; от нас не должно быть им вреда, а не то возникнет большая война между нами и великим армянским царем, будет большая вражда между нами; жизнь или смерть ребенка не зависела от его слов». Хотя много они таких вещей ему сказали, но не могли смягчить гнева и злобы царя.

Дело дошло до весьма тяжелого положения; все собравшиеся настойчиво требовали, чтобы он не убивал (Нерсеса); наконец, кое-как все вместе смогли убедить царя, чтобы он по крайней мере не убивал его, но не могли добиться того чтобы он отпустил его на свободу; того только добились, чтобы он его только сослал. Ибо мудрые (советники) после долгих размышлений нашли, что путем ссылки он (Нерсес) пока спасется от смерти, а в будущем он вернется из ссылки, и таким образом между двумя царствами неприязни и

войны не будет. Ибо они говорили: «Нигде того не было, ни среди врагов, ни во время войны, чтобы даже простой посланец был задержан, связан и заключен в тюрьму, а не то что подвергнут смерти; с древнейших времен нигде и никогда ничего подобного не было; а он еще большой и знатный человек и глава целой страны. Ибо, как говорят, в их стране царь и он на одном счету, и говорят, что в той стране, откуда они приехали, этого человека любят, что он знаменитый человек. Приехавшие с ним нам рассказали, что он родственник и близкий человек царю, и в его стране любят этого мужа».

А царь им ответил: «Вы правильно говорите, о мудрые люди, это так. Если б его государь через него нанес мне оскорбление и бесчестие, то нельзя было бы его посланца обвинять, подвергнуть наказанию или посадить в тюрьму. Но он по своей собственной воле оскорбил меня, по своей воле ручался, что мой сын умрет, он же оказал: «я сам его убил». А если его царь с мирным намерением послал его к нам, а он приехал, погубил час, то он и перед своим царем виноват. Но так как он самовольно поступил так, то должен нести ответственность; ибо я сам знаю, что это не от царя его, и он повинен смерти. Царь больше не слушал их, а приказал сослать блаженного Нерсеса, отвезти его и бросить на остров в большом море, в такое пустынное место, где бы не было ни людей, ни питьевой воды, ни пищи, а была бы оплошная пустыня, чтобы он умер от голода.

Потом он созвал из всех подвластных ему городов всех православных епископов, священников и диаконов, которые исповедовали истинную веру. И отовсюду из государства съехались и устроили большой собор. Царь поговорил с ними (и предложил им), чтобы все они приняли ложное исповедание арианской ереси, а затем вернулись в свои епархии и обратили свои народы в арианскую веру. А когда никто из них на это не согласился, то он всех их отправил в ссылку и погнал в чужие края, так, чтобы никто из них не вернулся на свое место; а вместо них назначил пастырей ложного исповедания, послал арианских лжеепископов во все города. И во всех вселенских церквах началось большое движение, возникли смуты и раскол. И

всю страну постигли величайшие бедствия и испытания, стало тревожно всюду, как не было при прежних царях, стало хуже, чем даже было при войнах и возмущениях, возникавших при прежних царях-язычниках, поклонявшихся идолам. Все истинные и православные учителя были отлучены от своих паств и изгнаны, а их места заняли служители сатаны. Все верующие в Христа люди подверглись всяческому притеснению, всем народом овладели горе и печаль. Ибо все церкви были захвачены служителями сатаны, пастыри же были отлучены от своих паств и овцы разбрелись, ибо у них не было руководителей и негде было верующему люду молиться. Чтобы не подчиняться посланцам сатаны, верующие молились вне городов и сел, в пустынных местах, под открытым небом, и в конце молений клятвенно просили бога, чтобы он избавил их от этого злосчастного времени, чтобы вернул истинных пастырей к их паствам, чтобы вернул им церкви, построенные их трудами и отнятые у них.

А тех князей, которые приехали из армянской страны со святым Нерсесом (Валент) отпустил с большими сокровищами, думая всех ослепить взятками; и с ними послал царю (Аршаку) большие сокровища золота, серебра и драгоценных камней, чтобы задобрить его. Не было числа и счета тем сокровищам, которые он послал армянскому царю; и, кроме того, написал ему письмо с клеветой на Нерсеса, будто тот убил его сына. Он отпустил также аршакидских заложников от армянского царя, которые содержались при императорском дворе и были племянниками царя Аршака, из которых одного звали Гнелом, другого Тиритом. Их он поручил армянским сатрапам и с ними отправил в путь таким образом.

Глава VI

О том, как святой Нерсес был сослан на пустынный остров и как он питался, или как бог творил чудеса девять лет

Когда царь Валент, разозлившись, начал гонения против святых церквей во всех концах своей державы и всех епископов, удалив от их паств, услал в чужие края, он возгорелся еще большим гневом на святого Нерсеса, потому

что его считал причиной смерти единственного своего любимого сына, поэтому хотел предать его мучительной горькой смерти. Царские вельможи и советники на это не согласились и едва сумели спасти (Нерсеса) от смерти. Тогда (царь) приказал сослать его на остров в огромном океане-море, в пустынное безводное место, где не было никакой зелени и растительности, не было кореньев и ничего другого, что могло бы быть пригодно для (питания) человека, а были только камни, песок и скалы. И не было дороги туда и не было судоходства.

Его доставили на указанное место и с ним семьдесят человек, половина которых состояла из епископов других городов и другая половина из клириков других церквей. А он (Нерсес) был рад тому, что выпало ему на долю переносить мучения во имя Иисуса Христа, сына божия. Из сосланных с ними двое были его людьми, одного звали диаконом Растомом, другого – Тиранамом, а семьдесят остальных, которые были с ними, набрали отовсюду и вогнали их на судно и отвезли на остров. Судно, везшее их, отправилось и благодаря попутному ветру в пятнадцать дней достигло указанного места. Судно спустило их на берег и само вернулось.

На этом острове не было ни питьевой воды, ни каких-либо кореньев, а был только один песок без всякой растительности; потому то их и повезли туда, чтобы уморить их голодом по строгому приказу царя. И когда они пробыли там примерно с месяц, то более слабые из них стали испытывать муки и страдания от голода и жажды, стали слабеть и изнывать. Тогда Нерсес стал ободрять всех и утешать, говоря: «Будьте тверды, стойки и не бойтесь, ибо ведь это господь наш Иисус Христос приказал дереву сабек принести плод в виде барана, и принял Исаака как жертву живую, благословил Иакова на чужбине, спас Иосифа от рабства и сделал властелином, приказал терновому кусту огнем распусть листья и зацвести, приказал воздуху послать сверху сладкую пищу в виде росы, дал возмущенному и озлобленному народу перепелов на съедение, и сам Христос, став камнем, скитался с ними по безводной пустыне, доставлял сладкую воду томившемуся от жажды народу,

и что в будущем должно случиться, предвещал жезлом Моисея, пронзил скалу и исторг для них воду, и таким образом тогда сохранил им жизнь, и сам в пустыне малым количеством хлеба накормил народ, и подобно тому дереву, которое дало барана, сам тоже был пригвожден к кресту и распят, и по вышеприведенному примеру сам тоже был пронзен в бок и источил для нас спасительную воду, дабы мы могли, покаявшись, омыться и очиститься, обрести жизнь; он сам стал хлебом для нас, свою кровь дал нам пить, чтобы смешать плоть с плотью и кровь с кровью, и воссоединить божество с нашей душой и нас со святым духом, и, наконец, уподобить наше существо божеству. И вот, тот, кто оказывал нам столько благодеяний, в то время, как мы даже словами не благодарили его, то как же можете вы думать, что он оставит нас умирать с голоду, когда мы хоть в малой мере подверглись гонениям ради его имени. Нет, это не так, мы с верой попросим, и нам дастся пища. Что же, разве мы просим знамения? Нет, знамение нужно для маловерных и для исправления злых, а что до нас, то господь знает наши нужды и что нам полезно, и согласно этому приуготовит то, что нам нужно. Мы не из тех, о которых сказано, что «род лукавый ищет знамения», боже упаси! То, что нам надобно, не может быть получено без помощи людей. А господь может сохранить нам жизнь и без пищи, может и дать пищу, может и оправдать, может нас удостоить смерти во имя его, даровав нам обыкновенную естественную смерть, от которой у человека нет спасения, а причина ее его власть над невидимым телом; он приобщит нас к царствию своему, может послать нам мирную кончину и удостоить царствия».

Сказав это и еще много подобного, он прибавил: «Кладите все вы земные поклоны, чтобы удостоиться христового человеколюбия». И когда они трижды положили земные поклоны и помолились, в море поднялся сильный ветер и стал выбрасывать на остров большое количество рыбы, так что там образовались кучи, а также очень много дров. Когда собрали дрова и сложили в кучу, то подумали о том, что нужен огонь, чтобы зажечь дрова. Вдруг дрова сами собою воспламенились и стали гореть. Тогда они встали с молитвы,

вознесли благодарность, зажарили рыбу, сели и стали есть. Когда они поели и насытились, и понадобилась им вода для питья, то святой Нерсес встал, разрыл песок на острове, и там забил источник пресной воды, и оттуда всегда пили пребывающие на острове.

На этом острове они таким образом получали пищу из моря, а святой Нерсес всегда утешал их и говорил: «Так запомните и удержите в памяти слова господина, который сказал: «Ищите прежде всего царствия божия и правды его, и это все приложится вам». Видите, братья, что бог поступает с нами так, как с сыновьями своими, в назидание нам, чтобы сделать из нас полезных людей, дать нам стяжать почетное имя и удостоить нас величайших наград. Взамен этого он требует от нас немного добродетели, только то, чтобы мы любили его, за что он творит для нас бесчисленное, безмерное, несчетное, несравненное количество благ, благодеяний и чудес и в своем человеколюбии воздает добром; ибо он не пожалел даже жизнь свою положить за нас и даже сделался для нас пищей и питьем».

Таким образом братья всегда с благодарностью благословляли господина Иисуса Христа, ночью и днем непрестанно служили господу. Братья дожидались заката солнца и потом радовались пище, посылаемой господом, выбрасываемой волнами для приготовления пищи. Таким образом святой Нерсес всегда поддерживал их дух, в течение девяти месяцев⁴⁴, пока они пребывали на том острове.

Глава VII

О божьих чудесах, которые совершились над Нерсесом и Василием, и о том, как епископ Евсевий завидовал Василию

А кесарийский епископ Евсевий, когда увидел то чудо, а именно то, что сошедший с неба голубь сначала сел на кесарийского протоиерея, святого Василия, то в мыслях своих возненавидел его и стал считать своим противником и врагом, так как по всей стране уже распространилась весть о том, что при рукоположении святого католикоса Нерсеса (святой дух) в виде голубя сошел и сел сначала на святого протоиерея Василия а потом, перелетев

от него, сел на первосвященника Нерсеса. Эта слава о них особенно распространилась в стране Гамирк. Люди благоговели перед этим чудом, и все почитали святого Василия, тем более, что он был безупречного поведения, соблюдал правила истинной веры, отличался большим смирением, усердно молился богу, держал себя благопристойно, любил бедных и страдальцев и всегда и во всем исполнял заповеди (божьи). Кроме того, он обладал большими знаниями, был неиссякаемым источником мудрости и преданным учителем Христова учения, ибо он со своим философским искусством всегда затыкал необузданные уста еретиков, заставлял их молчать и твердо защищал истинную веру в пресвятую троицу перед всеми. Вследствие всего этого все смотрели на него, как на апостола Христа, как на небесного ангела, и все свидетельствовали, что он поистине был достоин божьего духа.

А сам он держал себя весьма скромно и считал себя недостойным, хотя все охотно шли к нему – вследствие его учености, особенно же посещали его со стороны сведущие главари: философов по вопросам своего искусства. А он многих (из них) от разных заблуждений обращал к истинной вере, бесчисленное множество людей обращал в поклонников Христа. Вся страна стала смотреть на него так, будто он с самого неба опустился, – до такой степени, что если кто захочет рассказать, то не сможет. Но когда он видел хмурое лицо своего епископа, обращенное к нему, то святой Василий уступал ему, оставлял город, уходил жить в одной из деревень, где ему было более удобно.

Глава VIII

О том, как император Валент преследовал всех православных верующих, и как пожелал устроить диспут между истинными верующими и арианскими зловредными сектантами, и как в чудесном видении святой Василий был приглашен на диспут и с божьей помощью одержал победу над противниками в присутствии епископа Евсевия, и как Евсевий скончался в тюрьме, а Василий был отпущен на свободу

В то время нечестивый император Валент с большим озлоблением боролся против рачителей истины, то есть против тех, кто правильно исповедовал, что Христос действительно является сыном божьим, рожденным от естества бога отца. Поэтому он намеревался возбудить против них гонения, предать их пыткам и мучениям и (в этом смысле) написал и разослал строгий приказ повсюду.

Но учителя изуверской арианской секты собрались вместе и сказали царю: «Позволь нам устроить диспут между нами и ими, царь, и пусть станет известно, которая сторона победила, так, чтобы не казалось, что мы одержали победу благодаря насилию и обману». И царь Валент, услышав это, обрадовался. С своей стороны он избрал искусных, опытных в прениях людей, которых считал сведущими и учеными, лжеепископов арианской секты. Он послал и за кесарийским, епископом Евсевием, с объявлением, что назначено обсуждение их исповедания, чтобы он приехал и присутствовал на обсуждении, дабы выяснить, на чьей стороне истина. Когда время этой встречи было уже назначено, епископ Евсевий созвал все духовенство и раздумывал, как ему отвечать на речи (противников), ибо и особенным даром речи он не обладал. На совещании было решено послать человека к блаженному Василию, уговорить его приехать, ибо, говорили они, обладает он могучим словом, и у него великий дар пресечения коварных козней сатаны, ибо он помышляет о святой церкви (Христа), которую он приобрел своей кровью.

Епископ Евсевий написал протоиерею Василию умоли-тельную грамоту, в которой с подобающей почтительностью весьма настойчиво умолял его забыть существовавшие между ними раздоры и поспешить немедленно приехать, ибо предстоят прения и обсуждение вопросов, касающихся веры. Все духовенство подписало умоли-тельную грамоту, чтобы он не медлил, а сейчас же приехал; и послали верных и почтенных людей, чтобы поторопить его с приездом.

Еще посланные за ним люди успели только выехать и находились еще в пути, а святой Василий в месте своего пребывания, совершая богослужение, впал в глубокий сон; во сне он увидел большой, прекрасный сад, изобиловавший фруктами; три свиньи, забравшись в сад, грязнили и разрывали сад. Во многих местах они подрывали почву под виноградными лозами, обнажали корни у лоз, вырывали с землей, и произвели там большие опустошения. Пришли садовники, пытались, но не могли выгнать вредоносных свиней из сада. И они крикнули, Василию и сказали: «Если ты, Василий, не придешь, то никто другой не сумеет выгнать этих свиней из сада, и разорение не прекратится, поспеши, поспевай, ибо много вреда они еще причинят». Тогда сам Василий вошел в сад – выгнал оттуда вредоносных свиней и вновь привел в порядок попорченные места.

И проснулся блаженный Василий, удивился этому видению и думал, что бы это могло значить? И вот прибыли люди, посланные епископом Евсевием из породы Кесарии, и передали ему грамоту. Прочел он и обрадовался, ибо понял, что по велению бога он приглашен, чтобы защитить истину и ответить (арианам). Поэтому он сейчас же встал, вместе с приглашающими его лицами отправился к епископу Евсевию. Когда они посоветовались друг с другом о том, что нужно, Василий сказал епископу Евсевию, чтобы он и спросил у императора разрешения повезти с собою одного из иереев. Евсевий отправился: к императору и попросил и сказал: «Ты выдвинул против меня двух соперников, разреши же и мне привести с собою одного из моих иереев». Император опросил у арианского епископа, и, они согласились, чтобы Евсевий привел с собою на собрание нескольких товарищей.

Когда наступил час собрания, император взял епископа Евсевия и с ним блаженного протоиерея Василия и двух соперников от противников, которые были со стороны сатаны, а именно арианских лжеепископов, и вошли они в обсуждение и спор о сыне божьем Иисусе Христе, рождение ли он и сын от естества бога отца или нет. Блаженный Василий, стоявший позади епископа Евсевия, исполненный святого духа, приводил: выдержки из книги Бытия, –

законов, пророков, апостолов и из всего Священного писания, объяснял и доказывал и приспешников сатаны двух противников вместе с царем заставил умолкнуть и устыдиться.

Тогда царь Валент посмотрел на епископа и увидел, что он вспотел. Он начал говорить и сказал: «Что это такое, почему ты так вспотел? В диспуте об истине ты победил при помощи этого наемного писателя». Ответил царю Василий и сказал: «Двух свиней и одного осла я погонял по столь длинному пути, а ты еще спрашиваешь, почему вспотел?» Царь пожалел, что позволил Василию присутствовать в качестве помощника Евсевия. А ариане, пристыженно встав, сказали царю: «На что нужны эти диспуты и это беспокойство? Как государь, прикажи ты, чтобы подвергли преследованию тех, кто не подчиняется твоей воле». На этом собрание было распущено и закончилось.

И (царь Валент) приказал заключить в тюрьму Евсевия и вместе с ним многих других, и продолжал притеснять правоверных православных христиан, и все церкви обложил поборами и очень большими взысканиями.

Тогда епископ Евсевий скончался в тюрьме от тяжелых страданий. А относительно святого Василия жители Кесарии говорили: «Если вы его не выпустите из тюрьмы, то мы сожжем весь город». Когда все стали так кричать, то царь смягчился и приказал отпустить блаженного Василия на свободу.

Глава IX

О том, как святого Василия сделали епископом и как совершилось божье чудо, или как он приказал верующему во Христа народу принести все свои сокровища, и все с радостью приносили и отдавали церкви во имя великого животворящего бога, или как они давали обет и молились за своих епископов

И собрались все епископы из пределов Кесарии и избрали святого Василия архиепископом кесарийским. Когда все епископы собрались вместе, чтобы рукоположить святого Василия, с неба сошел голубь и сел на него, как в первый раз, когда рукополагали патриарха Нерсеса. Все были изумлены, стали возносить благодарения человеколюбивому Христу, который как на себе явил

божественные знамения, так явил и на своих служителях и святых. И Василий сел на католикосский престол Кесарии.

А царь Валент притеснял христианский народ: «Кто, говорил он, в моем государстве носит имя христианина, он не должен иметь золота и серебра, а должен сдать государству». И стал под присягой собирать от всяких городов, войск и полководцев так, чтобы ни у кого из носящих название христианина не осталось ни крупинки золота или серебра, а если б у кого нашлось, то таковой подлежал смерти. И всякий с радостью приносил и отдавал в казну во имя Христа что имел, охотно принимая на себя эту кару. Затем служители царя заставили население города Кесарии собрать золото и серебро. Блаженный Василий стал увещевать, чтобы народ с радостным сердцем приносил что имеет. Он так им говорил: «Принесите, сдайте мне в руки, и я ручаюсь, что сам господь наш, Иисус Христос, сын божий, против которого дерзает и борется царь, его убьет. Но вы ради вашего господя соглашайтесь с радостью на грабеж вашего имущества, ибо в небе для вас уготовано такое сокровище, которое не оскудевает, а здешние ваши сокровища я сам лично верну вам в руки через короткое время». И весь народ города Кесарии принес собрал в одно место сколько было золота и серебра у каждого; принесли, наполнили церковь, призвали доверенных князей царя и запечатали двери церкви.

После этого царь Валент приказал опять связать и бросить в тюрьму патриарха Василия и притеснять его, также и всех епископов во всех городах. А весь народ давал обет и молился, чтобы миновал этот гнев, разразившийся над ними, и чтобы истинные пастыри вернулись на свои места к своим паствам.

Глава X

О том, как император Валент призвал софиста для борьбы против истины, как софист увидел чудо, именно мучеников, собравшихся внутри церкви, или как император Валент умер по явленному богом знамению, или как водворился мир в божьих церквях

Тогда царь Валент приказал поискать и найти искусного человека, который мог бы выступать письменно против христианской веры. Ему рассказали, что

в каком-то городе есть некий искусный софист. Император послал к нему высокопоставленных чиновников, чтобы они поскорее отправились и немедленно привезли его к нему. Они поехали сейчас же, нашли его и повезли. На обратном пути, проехав уже две стоянки, они остановились в другом городе; за городом была часовня во имя святой Феклы. По приезде туда, софист остановился там и избрал себе местом для ночевки внутренность часовни, а высокопоставленные чиновники остановились в городе. Софист, поужинав, постлал себе постель, запер двери часовни, сел на постель и хотел лечь. И не успел он еще заснуть, как увидел открытыми глазами, что двери часовни открылись и явилось большое множество мучеников в великом сиянии. К ним навстречу вышла святая Фекла, в блестящем одеянии, от которой будто исходили лучи света. Поклонились друг другу, и святая Фекла им сказала: «Добро «пожаловать, возлюбленные-друзья и подвижники христовы». После взаимных приветствий они поставили стулья и сели по порядку. Потом святые вступили в беседу и сказали: «Те святые господни, которые еще живут на земле, находятся в тяжелом положении: кто в оковах, кто в тюрьме, кто в ссылке, а другие подвергаются насилиям, незаконным поборам и мучениям. Мы поспешили собраться тут, чтобы не оставить без внимания этих (мучений), а молить бога о заступничестве за верующих. Тем более, что многие мшаки (работники) господни задержаны, многие нивы остались невозделанными, многие сады превратились в пустошь; нужно нам обуздать Валента, мешающего мшакам (работникам), дабы каждый мшак мог стать на свою работу, Ревностный мшак Василий тоже отстранен от своей работы. Давайте изберем среди нас двух лиц и пошлем их лишить жизни злодея Валента». И одного из них звали Сергием, другого Феодором, и послали их, назначив им срок: («Завтра) в этот же час приходите, мы тоже придем». Потом они встали и разошлись.

Все это слышал софист, находившийся в часовне, открытыми глазами видел это видение, был изумлен, до рассвета не опал. На рассвете пришли высокопоставленные чиновники и сказали софисту: «Вставай, продолжим наш

путь!» Он сослался на то, что болен, не может двинуться с места. Когда стали его принуждать, он обмер, лишился чувств, едва дышал и до вечера не мог отвечать им. Когда наступил вечер, чиновники оставили его в часовне и ушли в город, на свою квартиру. А софист запер двери часовни и улегся на своем месте. Ему опять вдруг показалось, что двери часовни раскрылись, и те же мученики собрались и наполнили часовню. Они радостно встречали и приветствовали друг друга и, расставив стулья по порядку, расселись вкруг. Потом пришли святые Сергий и Феодор с того дела, на которое были посланы, и вошли в собрание святых. И многие из собравшихся мучеников спросили: «Как кончили вы то дело, на которое пошли?» Они ответили: «Как мы ушли (вчера) от вас, так сейчас же убили врага истины Валента⁴⁵, и к этому самому часу вернулись к вам». Все собравшиеся встали, возблагодарили господа нашего Иисуса Христа и, расставшись, пошли каждый к себе. Софист пробыл в большом страхе до утра.

Когда рассвело, чиновники пришли и сказали софисту: «Встань, поедем к императору». В ответ он сказал: «Император умер, к кому же теперь ехать?» На этом между ними произошел большой спор, бились об заклад на три дня. «Если, сказал он, товары не будут расхищены, города не будут ограблены, если император останется тот же, то пусть отсекут мне голову, что я осмелился сказать такие вещи». Чиновники дали ему трехдневный срок, и через три дня подтвердился слух о том, что император умер.

После этого были отпущены на свободу все те, кто был подвергнут наказаниям или сослан, и что у кого было похищено, вернули. Также и в отношении кесарийцев было приказано вернуть вещи каждому. Святой Василий позвал всех, чтобы каждый взял сданную им вещь, но никто не хотел и близко подойти. Хотя Василий и говорил им: «Вот вещи, относительно которых я ручался, что они уцелеют, и обещал, что лично вручу вам ваше достояние». Но они слушать его не хотели и говорили: «Пусть эти вещи войдут в сокровищницу господа за то, что он рассудил нас и отомстил за святых служителей церкви». Так из кесарийцев никто не приблизился к своему

серебру, все было оставлено сокровищнице церкви. И архиепископ взял это серебро и велел сделать из него купели крещения, и эти серебряные купели до сих пор остаются в неприкосновенности в крестилище при церкви.

Глава XI

О возвращении вновь в армянскую страну князей, которые поехали к императору Валенту и опять вернулись к своему государю Аршаку, и о том, как царь Аршак разозлился на императора и сколько причинил вреда набегом в пределы греческого царства

Вот те князья, которые поехали из армянской страны от великого царя Аршака к греческому императору Валенту: сам великий патриарх армянский Нерсес и великий нахапет рода Мамиконян по имени Вардан, брат великого армянского стрателата Васака, которые были воспитателями и пестунами царя Аршака. С ними нахапет Рштуни Меген, нахапет Андзеваци Мегар, нахапет Хорхоруни Гарджуил Малхаз, нахапет Сахаруни Мушк, нахапет Гнтуни Демет, нахапет Багенский Кишкен, нахапет Грсидзорский Сурик и нахапет Гамбуженский Вркен. Они отправились послами к императору, чтобы установить любовь и согласие. Царь же Валент задержал и послал в ссылку великого первосвященника Нерсеса, и вместо него отпустил племянников царя Аршака – Гнела и Тирита – и, чтобы задобрить царя Аршака, вручил Вардану и его спутникам несметные сокровища и так их отправил в путь. Послы, уехав от императора, приехали к царю Великой Армении Аршаку, передали ему грамоту императора и вместе с ней письмо, содержащее недовольство и клевету. Ибо император писал армянскому царю Аршаку о святом Нерсесе, что он убил единственного его сына, поэтому и был задержан там; не обвиняй де нас, прими отпущенных двух юношей, племянников Аршака, – Гнела и Тирита. (Послы) поднесли также царю несметные сокровища.

А царь Аршак, услышав и увидев все это, выразил недовольство как в отношении того, кто послал, так и в отношении того, кто привез сокровища. Страшно негодовал он на императора, как же он посмел задержать такого великого почтенного человека, главу и учителя, и вождя целой страны и

царства. «Это множество камней, сказал он, да посыплется на голову императора и на ваши, за то, что привезли. Камней и у нас много, чтобы выбить ими зубы, как приславшему (их), так и вам, привезшим (их). Как я молу стерпеть такое бесчестие. Я ему за это по заслугам отплачу». И повелел он полководцу Васаку собрать войско, составить отряды и ударить, и разграбить страну Гамирк. А полководец спарапет Васак сейчас же исполнил его повеление, собрал в одно место около двухсот шестидесяти тысяч войска, (ударил и разграбил страну Гамирк до города Анкюры; шесть лет подряд он опустошал земли в пределах Греции. Они забрали огромную добычу и (всякого богатства, свирепо расправившись (с врагом) в той стране.

Глава XII

О епископе Хаде Багревандском, которого рукоположил Нерсес и оставил своим местоблюстителем, каким он был человеком или какие знамения и чудеса творились им, и как он был тверд в истине, не стеснялся великого царя Аршака, и даже противился ему в его нечестивых деяниях, и как он призревал бедных подобно патриарху Нерсесу

Муж этот Хад был родом из гавара Карин, из селения Мараг; он был питомцем патриарха Нерсеса и воспитывался у него в доме. Он выказал способности, преуспевал в вере, во всех делах оказался преданным, в своей должности показал особую любовь к церкви божьей, поэтому святой Нерсес доверил ему дело призрения бедных; тут тоже он показал свою особенную заботливость. Поэтому, когда патриарх Нерсес готовился отправиться в греческую страну, он рукоположил этого Хада во епископы Багреванда и Аршаруник, его оставил своим местоблюстителем и сам отправился. А вся страна, говорящая на армянском языке, во всех гаварах, странах и местах, все великие правители стран, гаваров, нахапеты знаменитых родов и вся духовная братия вместе со всей массой народа поверглись в траур и печаль потому, что уехал их главный архипастырь. А святой епископ Хад велел всей стране поститься, молиться и просить, чтобы святой Нерсес вернулся. И все то время, что он был в ссылке,

народ в посте молился за него. А Хад во всем руководил ими, не меньше чем сам архипастырь Нерсес, до его приезда, пока господь исполнил просьбу страны, и святой Нерсес вернулся на свое место.

В эти времена армянский царь Аршак не очень шел по пути, угодному богу. Насколько в молодом возрасте он действовал с божественной мудростью, настолько в зрелом возрасте впал в бесстыдство и распутство, и, хотя святой пастырь Хад много раз укорял его, но он внимания не обращал.

К этому времени царь построил для себя дастакерт⁴⁶ в долине гавара Ког; и во все гавары своего государства разослал приказ, чтобы повсюду глашатаи кричали на площадях, во всех концах объявляли царский указ о следующем: «Пусть все, что кому-нибудь должен, или кому-нибудь причинил убыток, или привлечен к суду кем-нибудь, да придут в этот дастакерт, поселятся там. И если кто-нибудь пролил чью-нибудь кровь, или кому-нибудь причинил вред, или увел чью-нибудь жену, или состоит в долгу, или присвоил чье-нибудь имущество, или кто боится кого-нибудь, пусть все они придут в это место, и они избавятся от суда и расправы. А если заимодавец за должником придет и туда, то такого без суда и правосудия поймать и выслать».

Когда вышел этот царский указ, то в означенном месте собрались все воры и разбойники, виновные в пролитии крови и убийцы, лжецы и обманщики, вредители, карманники, обидчики, сутяги, клеветники, грабители, похитители и корыстолюбцы. Многие совершали разные преступления и укрывались там. Многие женщины оставляли своих мужей и укрывались там; многие мужчины оставляли своих жен и, взяв чужих жен, укрывались там; многие рабы, захватив сокровища господ своих, бежали и укрывались там; многие, принявшие вещи на хранение, забирали эти вещи и укрывались там; всю страну обирали и опустошали. Хотя повсюду поднялся большой ропот, но суда не было, ничьих прав царская власть не защищала; поэтому все люди стоном стонали, у всех было одно общее слово, передаваемое из уст в уста, и все говорили: «Право умерло, если бы оно существовало, но было утрачено, то мы бы поискали и где-нибудь нашли бы его».

А местечко то превратилось в поселок и в город, увеличилось, стало многолюдным, заняло всю долину. Царь Аршак приказал этот дастакерт назвать его именем – Аршакаван. Там, был построен также царский дворец. С тех пор уж вовсе не было страха перед господом, все терпели лишения по этой причине, ропот, жалобы и крики умножались. За это дело святой епископ Хад много раз укорял его (Аршака) и оказывал ему противодействие, в особенности, когда заставляли, чтобы он воздвигнул алтарь в церкви посада Аршакавана. А он много раз порицал и укорял царя Аршака и всех вельмож и князей: «Я, говорил он, местоблюститель, и ничего другого, что приказал мне делать отец мой, не имею права делать». Тогда царь Аршак задумал хитростью, почестями и предоставлением имущества обмануть святого епископа Хада, дал ему много золота и серебра, много коней из царских конюшен с царской сбруей, золоченными нагрудниками и подпругами, и тем хотел вскружить ему голову и (Привлечь на свою сторону. А он на глазах у царя раздавал бедным имущество, которое предоставлял ему царь, а укоров не убавлял до такой степени, что царь приказал прогнать его из стана.

И он отправился путешествовать по стране, занимался благоустройством, назидал и поучал, призывал бедных, как ему наказал святой Нерсес, уезжая. Руками его творились многие знамения и чудеса и исцеления больных; великие чудеса творились им. Но когда он помогал бедным и опорожнялись все горшки и сосуды, все кувшины в погребе от раздачи бедным, то на следующий день он приходил и видел, что они вновь наполнились как бы по божьему велению; это тоже он день ото дня раздавал бедным, и они всегда наполнялись.

Такие великие чудеса творились руками этого человека. Это был удивительный, знаменитый, прославленный на всю Армению человек. Он объезжал все армянские церкви, наставлял и поучал подобно учителю своему Нерсесу. Раз двое воров украли и увели волов, принадлежавших церкви святого епископа Хада. На следующий день у этих воров ослепли глаза, и они в неведении, блуждая впотьмах, пригнали всех волов к дверям святого Хада.

Сам святой Хад вышел, увидел их и возблагодарил господина за заботу его и попечение о верующих в него. Потом епископ Хад встал на молитву и исцелил глаза воров; велел их выкупать, потом поставил перед ними кушанье и доставил им большую радость. Далее он благословил их, дал им волов, которых они украли, и проводил их; и они ушли. Так во всех своих делах он проявлял большое терпение и творил много знамений и чудес. У него были две дочери, из которых одну он отдал в жены некоему Асруку, который по смерти: своего тестя Хада сел на его престол.

Глава XIII

О том, что случилось по возвращении святого католикоса Нерсеса из греческой страны, и как он бранил царя, и какое грозное знамение совершилось над посадом Аршакаваном, и как внезапно поголовно погибли все бывшие там люди

После смерти императора возвратились все пастыри-епископы, которые были сосланы и жили в разных городах. Вернулся также и святой католикос Нерсес с того пустынного острова, куда он был сослан. Он опять был возвращен своей стране, которая воссылала молитвы о нем. Когда он достиг армянской страны, то навстречу ему пошли из разных гаваров епископы со своими пастваами, все нахарары и все правители гаваров. Люди приводили к нему своих больных, и он исцелял их, за что они благодарили и славили бога. Все так любили архипастыря, что считали, будто и сами с ним вернулись из плена.

Все были объаты великим ликованием и радостью, все исполняли свой обет, данный богу, чтобы вернулось их духовное сокровище и патриарх, ибо бог наполнил их просьбу, развеял горечь их сиротства, утолил печаль, гнетущую их сердца, и утешил всех учением их милосердного духовного отца. Все ободрились, радость сменила лютую печаль. Сам царь Аршак выехал ему навстречу до Бакасера⁴⁷ и оттуда вернулся с ним с великой радостью. Обновились и просветлели жизнь в стране, порядки в церквах.

Итак, патриарх Нерсес, вернувшись в Армению, ознакомился с делами своего местоблюстителя святого Хада и увидел, что он действовал верно и правильно,

шел по пути господа бога, не уклонялся ни вправо, ни влево, поэтому вознес великую благодарность богу за то, что увидел своего духовного сына Хада таким, каким сам желал, его принял с большой любовью. Но когда он услышал от Хада о беззакониях царя, о злых делах и кривых путях его, – то опечалился, плакал и горевал, вопил и рыдал, особенно по поводу города Аршака-вана, который был построен на грехах и беззакониях, злодеяниях и хищениях.

И святой патриарх Нерсес зашел к царю, поговорил с ним и сказал: «Почему ты позабыл господу и забыл заповеди его, создателя, который сотворил все из ничего, который является отцом сирот, судьёй вдов, который ради нас перенес бедность, который не оставляет без внимания бедных, а в своем человеколюбии кормит их? Бог – справедливый судья, могущественный и долготерпеливый; он внимает всем страдальцам и ни от кого не терпит пренебрежения. Ты почему и по какому побуждению пренебрег его заповедями? Ведь твой отец погиб вследствие такой нечестивости. А ты не вспомнил того, кто не припомнил тебе грехов твоего отца и предоставил тебе его место, то есть престол и венец твоего отца; ты перед твоим господом богом стал творить беззакония, безбожные и бессовестные дела, совсем как содомяне, и обо всем этом ты рассказываешь, явно гордясь. Вся страна плачет, стонет от тех лишений и хищений, при посредстве которых ты захотел возвеличиться, ты не насытился богатствами своего обширного царства, которые даровал тебе вседержитель Христос.

Итак, слушай, что я тебе говорю и исполняй, чтобы спасти себя от гибели и от гнева божьего, и чтобы из-за тебя не погибла несчастная армянская страна. Ибо я видел сон о том, что на эту обреченную армянскую страну надвигается гибель и разрушение. Ты прикажи срыть до основания поселение (Аршакаван) и распусти людей, которых ты собрал, чтобы они разошлись по своим местам и вернули всем, что должны, дабы не навлечь тебе на себя гнева божьего и не погибнуть за содеянное тобою зло. А за грехи, совершенные тобою, мы прикажем всей стране поститься и молиться, и мы с тобою приступим к покаянию, кто знает, быть может господь простит безмерные твои грехи. Если

же ты очень дорожишь тем местом, то я сам отстрою (посад) справедливым путем и буду держать в благоустройстве для тебя».

А царь глумился над словами католикоса и украдкой смеялся над тем, что он говорил. А он, рассердившись, вновь повторил, сказав: «Знай, о царь, что об этом предвещал бог устами пророка (сказавшего): «Горе тому, кто строит дом свой неправдою, горницы свои беззаконием», и еще: «Станет притчей, будут вопить и говорить, горе тому, кто по алчности отнимает то, что не его, ибо какие бы ни были большие и красивые дома, они превратятся в развалины, и в них не будет жить человек, они станут пастбищами для овец, логовищами для зверей, гиен, норами для кроликов и лисиц, гнездами для журавлей и ворон, полями для соседей. Поэтому то, что по строено твоими руками, разрушится и больше не восстановится, поселившиеся там нечестивцы совершенно погибнут, там будут отдыхать волы, пастись дикие ослы, лисицы будут шмыгать там взад и вперед по помещениям, которые больше не восстановятся и вовек там не будет обитать человек».

Все это сказал патриарх Нерсес и, удалившись от царя, поехал объезжать все гавары Армении, поучать, устанавливая порядки в церквах. После этих слов, вышедших из уст блаженного Нерсеса, едва прошло три дня, как бог подверг селение-город Аршакаван ударам. На людях и животных стали появляться злокачественные опухоли, которые иные называют чумой. Это бедствие не продолжалось больше трех дней, и город обезлюдел; около двадцати тысяч дымов перемерло, никто из людей жив не остался, ибо все внезапно погибли и кончились, мор был всеобщий.

Тогда уже царь сам выехал искать патриарха Нерсеса, нашел его и просил помолиться за него, боясь, что и сам помрет, так он был перепуган. И в ответ ему патриарх Нерсес начал говорить и сказал: «Так как на этом свете праведники и грешники живут смешанно, из-за праведников временно щадится и жизнь грешников на этом свете, и они живут и продолжают жить на свете из-за праведников. Как плевел, посеянный вражеской рукой в чистой пшенице, который возрастает вместе с ней, щадится, вместе с чистой

пшеницей (растет) и сорный плевел, дабы при полке плевела не вырывалась и пшеница. Поэтому и плевел, как пшеница, временно поддерживается росой, дождями, поливкой, теплом и ясным солнечным светом. Это так продолжается до времени жатвы, когда жнут пшеницу и собирают в житницы царствия небесного, а плевел бросают в вечный огонь и сжигают. Эта жатва – конец времен, когда придет сын божий и прикажет сопровождающим его небесным работникам произвести жатву среди всех, вышедших из могил усопших. Тогда он сделает отбор, праведников наподобие пшеницы возьмет с собою в свое царствие, а грешников на подобие плевела прикажет бросить в вечный неугасимый огонь. И так еще до наступления времени жатвы ты выполол плевел из пшеницы и преждевременно собрал в одно место без пшеницы, поэтому и огонь преждевременно настиг и весь плевел, собранный в одном месте, сразу уничтожил; но ты блюди себя, как бы и тебе не погибнуть, а также и стране из-за тебя». А царь, упав на колени, жалобно умолял и просил помириться с ним и дал обет после того никогда не отступать от его слов.

Глава XIV

Об Айре Мардпете, о том, как он, прибыв в гавар Тарон, вошел в Аштишатскую церковь, и как оттуда ушел осужденным собственными устами, и как, обреченный на смерть, был убит Шаваспом Арцруни

И Айр Мардпет был злым и злонамеренным человеком, более нечестивым и бессовестным, чем прежние Айры Мардпе-ты. Это он в царствование Тирана заставил истребить все нахарарские роды, так же и в царствование Аршака еще больше зла причинил всем людям, чем раньше. И вот он выехал для объезда своего мардпетства и, проездом, остановился в гаваре Тарон, чтобы посмотреть свои деревни.

К этому времени и святой Нерсес объезжал свои собственные владения. Ибо пятнадцать гаваров находилось в его владении, которые искони принадлежали его роду в собственность. Главными из этих гаваров были: Айрарат, Даранали, Екеляц, Тарон, Бзнуник, Цопк и те, которые находились промеж и вокруг них. И вот, когда Айр Мардпет совершал объезд своих владений, святой католикос

Нерсес тоже прибыл в то место, где впервые были построены церковь Григорием и часовни во имя святых мучеников, и он там совершал поминовение святых. Случилось так, что Айр Мардпет, проезжая по этим местам, пожелал подняться к святыням Аштишата, чтобы помолиться и приветствовать святого патриарха Нерсеса. И вот они, помолившись, приветствовали друг друга, и святой патриарх Нерсес приказал приготовить обед для приехавших. Пока люди занимались приготовлением подобающего ему обеда, он вышел из епископских покоев и стал гулять по большой и красивой площади от палат до часовен святых. Когда он увидел красоту этих мест, прекрасное возвышенное расположение местности, откуда открывался вниз чарующий вид, то он исполнился зависти.

Потом он вошел, в покои, сел и начал есть и пить. Выпив хорошо и опьянев, он начал гордо и надменно говорить. В состоянии опьянения он стал поносить царя Трдата, армянских царей Аршакуни, живых и мертвых, их род до самого корня. «Как же это они, – говорил он, – отдали такие места лицам в женском одеянии, а не мужчинам?» Высказывая пренебрежение и презрение к святым местам, он говорил: «Мы эти места разрушим, здесь нужно построить царский дворец. Если я, Айр Мардпет, останусь жив и доеду до царя, то все это я изменю, удалю тех, кто здесь находится, и здесь построю покои, для царского жилья».

А святой патриарх, услышав это, сказал: «Господь наш Иисус Христос сам избрал это место для того, чтобы назвать своим именем, имя которого славится всюду вместе с отцом и святым духом. Он приказал не зариться на чужое достояние и не желать его. А тот, кто зарится и алчет того, что посвящено ему, тот не достигнет того, чем грозит, ибо замысел его провалится вследствие множества грехов, им совершенных». После этого Айр Мардпет уехал из святых мест и опустился к берегу реки Евфрат, в долину, покрытую густым лесом, в заросли крушины, у слияния двух рек, где издавна построен был город царем Санатруком, в местности под названием Мцурк.

Когда он достиг этого места, то совершился суд гнева господня над нечестивым Айром, его делами и его словами. Он был предан в руки человека, по имени Шавасп, который был единственным уцелевшим потомком рода Арцруни. Когда он (Мардпет) ехал в колеснице по дороге, Шавасп подъехал к нему, старался обмануть его и сказал: «Я видел медведя белого, как снег». Он так соблазнил Мардпета, что тот вышел из колесницы, сел верхом на коня, и они стали искать в лесу (медведя). Когда они въехали в чащу, Шавасп несколько отстал и сзади пустил стрелу в спину евнуха Айра, так, что стрела пронзила насквозь его тело, и он повалился на землю и умер. Так сейчас же вослед исполнилось слово человека божьего, ибо ни одно слово человека божьего не пропадало даром.

Глава XV

О нечестивых деяниях царя Аршака, о том, как он по злему наущению Тирита убил своего племянника Гнела, и как укорял его за это человек божий Нерсес, или как он убил другого своего племянника Тирита, или как он взял себе в жены жену Гнела, или как он привез себе из Греции другую жену Олимпию, или как иерей Мрджюник по наущению Парандзем отравил ее ядом в причастии

В те времена у некоего Андовка, одного из нахараров сюнникского нахапета, была красавица дочь по имени Парандзем, которая славилась своей красотой и благонаравием. И молодой Гнел, племянник царя, взял ее себе в жены. И слава о красоте девицы распространилась повсеместно, и слава о прелестях ее, передаваясь из уст в уста, росла и гремела. И от этой славы воспылал страстью к ней двоюродный брат Гнела, по имени Тирит, и искал случая, чтобы повидать свою невестку. Когда же он добился своего желания и повидал невестку, то после того стал измышлять средства, чтобы погубить мужа этой женщины, надеясь, что таким путем, быть может, сумеет овладеть ею.

Тирит углубился в свои коварные замыслы и для осуществления их подкупил себе пособников и сообщников, чтобы через них пустить злостную клевету. Коварством и лицемерной ложью он представил царю Аршаку следующее:

«Гнел де сам хочет царствовать и убить тебя. Все вельможи, нахарары и дворяне любят Гнела, нахарары всей нашей страны желают иметь его своим государем больше, чем тебя. Итак, знай это, царь, и подумай, что тебе делать и как сохранить свою жизнь». Такими речами они настраивали царя Аршака, пока не убедили царя в правоте слов своих.

И царь, воспылав злобой к молодому Гнелу, стал преследовать его и долгое время обдумывал коварный замысел против него. И вот к праздникам Навасарда⁴⁸ царь Аршак задумал пригласить к себе молодого Гнела и убить. Он послал к нему нахапета из рода Мамиконянов Вардана, брата спарапета, для того, чтобы тот постарался клятвенными обещаниями и коварством пригласить к царю Гнела, отнюдь не обнаруживая своего замысла, дабы он не сумел ускользнуть и спастись, а стараясь лицемерной ложью и льстивыми обещаниями заманить его в то место, где ему приготовлена смерть. Царский стан находился в Шахапиване, в постоянном месте стоянки Аршаку-ни, под огороженной пущей для охоты, на конском ристалище.

Посланный царем Аршаком великий нахапет Вардан поехал и нашел молодого Гнела поблизости, а именно в деревне Аравютоц. Клятвенными заверениями и льстивым обманом он уговорил молодого Гнела поехать с женой своей и двором в царский стан (уверив его), что царь приглашает его для почестей. «Царь Аршак, – сказал он, – не пожелал провести праздники Навасарда без тебя. Он теперь благоволит к тебе и любит тебя, ибо узнал, что в тебе нет злобы, как утверждали клеветники, и он убедился, что до сих пор напрасно ненавидел тебя, тогда как ты достоин большой его любви».

Тогда Гнел со своим двором в полном составе выступил и, проехав всю ночь, с большою быстротой прибыл в царский стан, так как на следующий день было воскресенье. На этот день приходился праздник в память великого Иоанна, установленный Григорием и Трдатом в посаде Багаван. И ради этого праздника собралось много народу, и из других гаваров прибыло много епископов. И великий патриарх Нерсес послал вместо себя заместителя своего Хада и своего епископского архидиакона по имени Мурик, чтобы они

отправились туда и вместо него сделали для народа что нужно. Сам же он остался в царском стане, чтобы и там совершить то же таинство. И в эту ночь в стане в присутствии католикоса было совершено всенощное бдение.

Утром на рассвете отряд Гнела достиг царского стана, а когда отряд Гнела въезжал в стан, царю доложили о его прибытии. И от царя последовал приказ: задержать его за станом, отвести и убить. И в то время, как он верхом на своем коне проезжал по стану и приближался к царской площадке, тут из царских покоев выбежали многочисленные слуги, вооруженные мечами, копьями, дротиками, бердышами и секирами и пехотинцы со щитами. Они набросились, охватили молодого Гнела, сволокли с коня, связали ему руки назад и повели на место казни. И так как жена его приехала с ним в паланкине, то находилась тут же в отряде, при муже своем. Увидев, что схватили и связали ее мужа, она бросилась к церковной палатке, где происходило богослужение для находившихся в стане людей, служилась заутреня и там находился также великий патриарх Нерсес. А жена, добежав до патриарха, громко завопив, передала ему скорбную весть о напрасной гибели своего мужа. «Поспешите туда, сказала она, ибо мужа моего понапрасну, без всякой вины и преступления ведут, чтобы убить». И патриарх, прервав богослужение, направился к царской палатке; дойдя до дверей (палатки), он ринулся к царю. А царь, завидев великого первосвященника, понял, что тот будет заступаться и убеждать его не совершать убийства; он накинул на голову соболя и, скрыв очертания своего лица, притаился в углублении палатки, притворившись спящим, чтобы не слышать его слов.

А святой Нерсес подошел к царю, тронул его рукой и стал говорить: «Вспомни, царь, сказал он, господина твоего, который из любви к нам снизошел к нам со своей природной высоты, сделался братом нам, недостойным слугам, не ради чего-либо другого, а ради только того, чтобы научить нас любви, дабы и мы, глядя на божественного учителя, пожалели друг друга, прониклись взаимной любовью во страхе, не дерзали вредить друг другу. Но если ты не пожалеешь своего брата, сослуживца, сотоварища и родственника, то и

господь наш, который по своей воле сделался нам собратом, не пожалеет тебя. Ибо он нам так сказал: «Кто слушает вас, меня слушает, кто принимает вас, принимает меня, кто отвергает вас, отвергает меня». Услышь Христа, который говорит теперь с тобою моими устами и не навлекай на себя гибели; быть может, лишишься ты царства своего, при жизни станешь скитаться в одиночестве, и никто не поможет тебе. Но теперь услышь ты Христа, пожалей сам себя, и не дай пролиться крови родного своего брата, и не убивай безжалостно и понапрасну невинного человека».

А царь, словно превратившись в каменную плиту, ничего не слушал. Прикрыв лицо свое покрывалом, он не раскрывал его и не хотел дать ему ответа, а, лежа на тахте, укрывшись со всех сторон, не хотел даже пошевелиться на месте. И пока он (Нерсес) такими жалостливыми речами уговаривал царя, вошел в царскую палатку главный палач Еразмак и стал докладывать: «Я исполнил царский приказ и довел дело до конца, схватил Гнела, отвел к ограде пуши, убил и там же его похоронил».

Тогда начал говорить святой Нерсес и сказал. «Действительно, подобно тому, как змей аспид затыкает свои уши, чтобы не слышать голоса искусного заклинателя и не принять лекарства от мудрого лекаря, так точно и ты заткнул свои уши и завесил слух, чтобы не слышать спасительных для тебя слов божественной речи, а, переняв нрав у зверей, стал пожирать людей. Поэтому то, что сказано о них, сбудется над тобою. Сказано: «Бог сокрушит их зубы в устах их и челюсти львов разобьет господь». Так как ты пошел против воли господя твоего Христа, то да будешь ты ничтожным и презренным, как пролитая вода, и когда натянешь лук, ослабнет рука твоя. И гибель ваша, которая предсказана устами пророков – испить вашему роду Аршакуни последнюю чашу, – совершится, вы выпьете, напьетесь, сгинете и более не восстанете. И во время пришествия господня ужас вечного огня объемлет вас, низвергнетесь вы во мрак и не увидите солнца славы сына божия. А ты, Аршак, за то, что совершил деяние Каина, испытаешь и проклятие Каина. Лишишься ты царства своего при жизни и испытаешь мук больше, чем отец твой Тиран,

и горькой смертью в страшных мучениях закончишь ты жизнь свою на этом свете».

Оказав все это царю, великий патриарх Нерсес удалился от него и более не возвращался в тот стан. Молодого же Гнела взяли, повели к царской пуще и там на каменистом холме отрубили ему голову. Место это называется Лсин и находится возле ограды, окружающей пущу для охоты над зверями, против постоянного места стана, неподалеку от источников миртовой роши, где устроены царские термы (бани)⁴⁹.

И от царя последовал приказ, чтобы все, находящиеся в стане люди, и стар, и млад, без всякого исключения пошли и в слезах и рыданиях оплакивали смерть Гнела, великого сепуха дома Аршакуни, чтобы никто не смел ослушаться. И сам царь, придя к плачущим, сел и начал оплакивать своего племянника, которого сам же убил. Он подошел к трупу, присел, сам плакал и требовал, чтобы и другие усилили плач и вопль по убиен-ном. А жена убиенного Парандзем, разодрав одежды, распустив волосы, с обнаженной грудью громко причитала среди плачущих. Громко вопила она, и своим горьким плачем и слезами заставляла всех плакать. А царь Аршак увидел среди плачущих жену убиенного, страстно пожелал ее и задумал взять ее себе в жены.

А тот, кто коварно затеял это гнусное дело и вероломно навлек смерть на своего родственника, сделал это ради его жены, ибо страстно влюбился в нее. Я говорю о Тирите, который под влиянием страсти к этой женщине совершил гнусное убийство через посредство царя. И вот вовремя самую разгара плача Тирит уже не мог совладать со своими страстями. Он подослал посланца сказать жене умершего: «Не убивайся сильно, я лучше муж, чем он, я полюбил тебя, потому и предал его смерти, чтобы жениться на тебе». И вот, в то время, как все исступленно плакали над убиенным, Тирит делал такие предложения. Та подняла крик негодования: «Слушайте все: смерть постигла моего мужа из-за меня, кто-то позарился на меня и предал смерти моего мужа». Рвала на себе волосы, громко вопила и плакала.

Когда это важное обстоятельство раскрылось и стало известно всем, услышали это и плакальщицы. (Парандзем) сделалась матерью скорби, и плакальщицы стали петь на скорбный мотив о событиях, вызванных страстями Тирита, о том, как он позарился (на женщину), притворствовал, изыскивал средства, чтобы погубить (юношу) и сгубил его. Плакали заунывно над убиенным, и жалостным голосом пели. Когда голоса их умолкли, то самое событие уже распространилось и стало общеизвестным. Услышав об этом, царь Аршак уразумел обстоятельства дела, был удивлен и поражен и стал каяться, постигнув сущность случившегося. И стал царь говорить, ударяя рукою об руку от великого раскаяния в том, что сделал: «Так как Тирит полюбил недостойной любовью жену Гнела, то потому затеял это злое дело и лицемерной ложью навлек понапрасну смерть на невинного, а по своей гнусности заставил и нас обагрить наши руки в невинной крови, он погубил своего брата и нам оставил в удел страшное злодеяние и проклятие, от которых не уйти».

Когда царь удостоверился в обстоятельствах дела и проверил слух, то притворился глухим до поры до времени и выжидал. А когда похоронили убиенного на месте убийства, и прошло достаточно времени после этих событий, то Тирит послал человека к царю с просьбой. «Соблаговоли, царь, и разреши мне жену Гнела Парандзем взять себе в жены». Услышав это, царь сказал: «Теперь я твердо знаю, что правда все то, что я слышал. Смерть постигла Гнела из-за его жены». И царь решил казнить Тирита за смерть Гнела. Разведав об этом, Тирит в страхе от царя бежал ночью. Царю донесли о бегстве Тирита. Царь Аршак приказал отряду азатов броситься вдогонку за Тиритом и где настигнут, там и убить его. Много храбрых всадников бросилось в погоню за бежавшим Тиритом. Они настигли его в гаваре Басен, в лесу, и там же убили Тирита.

И взял Аршак после этого себе в жены жену убитого Парандзем. И чем больше Аршак любил свою жену, тем больше она ненавидела царя Аршака, говоря, что у него волосатое тело и смуглая кожа. Наконец, когда жена никакой

склонности не обнаружила к нему, послал царь Аршак в греческую страну, попросил и привел себе оттуда жену из императорского дома по имени Олимпия. И сильной любовью полюбил он ее и тем возбудил ревность первой жены. И жена Парандзем затаила в сердце злобу против Олимпии и искала средства убить ее. Но родила потом Парандзем сына царю и назвали его Палом, и воспитали его и возрастили. Когда же он возмужал и стал дюжим, послали его заложником ко двору императора в греческую страну.

А Парандзем прониклась великой ревностью и злобой к Олимпии и искала случая, чтобы отравить ее. Но все ухищрения ее ни к чему не приводили, ибо та (Олимпия) была очень осторожна к своей особе, в особенности в еде и питье, и ела только те кушанья, которые приготавливались ее служанками, и пила вино, которое ими очищалось. И когда никакой возможности не оказалось отравить ее ядом, тогда нечестивая Парандзем сделала своим сообщником некоего придворного иерея по имени Мрджюник из местности Аршамуник, Тарон-ского гавара. Он совершил недостойное, никогда небывалое, несмываемое и незабываемое злодеяние, достойное вечных мук, невиданное, неслыханное, недостойное деяние совершил он, примешав к лекарству жизни яд смерти. Нигде, никогда, никем ничего подобного на земле не совершалось. К святому и божественному телу господнему, то есть к причастию, он примешал смертоносный яд, и иерей Мрджюник дал в церкви царице Олимпии это смертоносное (причастие) и убил ее. По злему наущению Парандзем, он, проникнутый злобой, исполнил ее желание. И этот лжейерей получил от нечестивой Парандзем в дар деревню Гомкунк в гаваре Тарон, откуда сам происходил.

А святой католикос Нерсес более не видел в лицо царя Аршака до дня его гибели. Поэтому вместо Нерсеса главою христиан назначили некоего Чунака, который среди придворных рабов был самым последним рабом. Царь приказал, чтобы все епископы армянской страны собрались и рукоположили Чунака в армянские католикосы. Никто не согласился приехать кроме епископов Алдзника и Кордука, которые приехали и рукоположили Чунака в

католикосы по приказу царя. Этот Чунак был умным и спокойным человеком, но не умел он укорять и наставлять, а приспособлялся к царю, что бы он ни делал.

Глава XVI

О том, как армянский царь Аршак был приглашен к персидскому царю Шапуху и как был принят им с величайшими почестями, или как спарапет армянский Васак Мамиконян убил главного конюшего конюшен персидского царя, или как царь Аршак дал персидскому царю на евангелии клятвенное обещание, а потом нарушил обещание и бежал, и как из-за него персидский царь приказал перебить семьдесят человек из служителей бога

В это время персидский царь Шапух пригласил к себе армянского царя Аршака и почтил его великими почестями и славой, золотыми и серебряными сокровищами и всякой царской роскошью. Обласкал его как брата, как сына, пожаловал ему второе по значению обширное имение в Атрпатаканской стране. На увеселениях они сидели на одной тахте, на своих седалищах, одевались в одинаковые одежды, одного и того же цвета, с одними и теми же знаками, и украшениями. И ежедневно персидский царь готовил одинаковые венцы для себя и для него. Как два родных брата, они неразлучно бывали вместе на увеселениях и предавались неописуемым удовольствиям.

В один из этих дней случилось так, что армянский царь Аршак зашел погулять в одну из конюшен персидского царя, а главный конюший («ахорапет») персидского царя сидел в конюшне. Увидев царя, он совсем на него не обратил внимания, никакого уважения и почета не оказал, а еще подверг его насмешке и поруганию на персидском языке, сказав: «Царь армян-козлов, поди-ка сядь на этот сноп сена». Услышав эти слова, полководец и спарапет Великой Армении Васак из рода Мамиконянов страшно рассердился и рассвирепел, он обнажил меч, висевший у него на боку, и ударил им и отсек голову главному конюшему персидского царя тут же на месте, в конюшне, ибо не мог он снести оскорбление, нанесенное его царю; он считал во много раз лучше принять

смерть, чем слышать какое-либо оскорбление и бесчестие, нанесенное его государю. Находясь в персидской стране, на чужой земле, в кругу чужеземцев, он сумел внезапно, без всякого страха, сделать такую вещь. А персидский царь, услышав об этом, оказал полководцу Васaku великую милость, удивляясь его храбрости и великому бесстрашию. Много наград и почестей воздал он ему, хваля его храбрость и его любовь к своему государю. Поэтому он очень полюбил его и оказывал ему подобающий почет и уважение все время, пока царили между ними мир и спокойствие.

Итак, покуда армянский царь находился у персидского дая, и между ними царила великая любовь и великий мир, персидский царь Шапух усумнился и встревожился, что вдруг армянский царь Аршак обманет его, сговорится с греческим императором или же отложится от него. Он не верил ему, не верил тому, что тот сохранит свою дружескую любовь и останется верным обету согласия с ним. Поэтому он потребовал от него клятвы и с большой настойчивостью принуждал его к этому. «Согласись, говорил он, поклянись верой своей, что не обманешь меня, не изменишь мне». Когда от столь сильного принуждения он (Аршак) попал в затруднительное положение и оторопел, тогда призвали иереев церкви города Тизбона, главного из которых звали Мари. И принесли святое евангелие, и персидский царь Шапух заставил армянского царя Аршака поклясться на божественном евангелии в том, что он больше не обманет его, не изменит ему, а останется верным своему обету и будет соблюдать договор с ним. И так как в этом деле посредником был Вардан танутэр и нахапет рода Мамиконянов, старший брат спарапета Васака, то поэтому Шапух почитал и любил его. А брат его, армянский полководец Васак, позавидовал своему старшему брату Вардану. Он задумал помешать (союзу) армянского царя Аршака и бежать»⁵⁰. А Шапух говорил: «Если б вы добросовестно взяли с него клятву, то как бы он мог преступить клятву, или же бежать. Я знаю, говорил он, что вы волшебством обманули меня, вы полюбили его, потому что он принадлежит к вашей вере, коварно вы

сговорились с ним и дали ему бежать от меня. Вы больше желаете, чтобы Аршакуни были вашими государями и этого домогаетесь».

И персидский царь Шапух поклялся солнцем, водою и огнем, что не оставит живых никого, кто исповедует христианскую веру, и приказал всех их увести и убить. И повели их главаря, иерея Мари, и других иереев, и диаконов, больше семидесяти человек, и зарезали их в одной яме. А то святое евангелие, на котором клялся царь Аршак, приказал (Шапух) перевязать железной проволокой и, запечатав перстнем своим, приказал бережно хранить в сокровищнице.

Глава XVII

О том, как персидский царь Шапух возбудил гонения против христианства

В то самое время, когда был убит иерей Мари с семьюдесятью (другими), царь Шапух возбудил большое гонение против христианской веры, стал притеснять христиан податями, всякого рода наказаниями и мучениями. Потом он по всему своему государству издал такой приказ: «Всех тех, кто в моем государстве носит имя христианина, нужно вырезать, дабы в моем государстве не осталось ни одного человека с именем христианина». После этого стали избивать христиан тысячами и десятками тысяч, ибо таков был приказ царя, чтобы в пределах его государства не осталось ни одного христианина.

Глава XVIII

О смерти Вардана от царя Аршака, по злему наущению брата его спарапета Васака

А Вардан, танутэр рода Мамиконянов, приехал посланцем от персидского царя к армянскому царю Аршаку и представил ему грамоту (Шапуха). От лица его (Шапуха) говорил с ним о мире, дружбе и верности клятве. Он передал также следующие слова (Шапуха): «То, что, мол, было – было; этот твой поступок я предаю забвению, но ты впредь твердо держись своего обета и не нарушай своей клятвы, которую ты дал по правилам своей веры. А не то, ты пеняй на себя и на свою веру, которой ты изменяешь». А царь Аршак с

любовью выслушал это послание, согласился со всем, что было сказано. Потом он с миром отпустил великого нахапета к себе домой отдохнуть после длинного и утомительного пути, и тот уехал.

Когда нахапет Вардан приехал к Аршаку, то его младшего брата Васака не было при царе. Затем приехал Васак и стал подстрекать царя против своего старшего брата, говоря: «Вардан де предает тебя в руки персидского царя и хочет погубить тебя. Если ты не поспешишь убить его, то и ты погибнешь и армянская страна». И жена царя такими же речами возбуждала царя и подтверждала слова полководца Васака. Ибо она хранила еще (в душе) злобу против этого Вардана, потому что именно этот Вардан, дав великую клятву, вероломно и предательски уговорил ее мужа Гнела поехать к царю Аршаку, когда тот замыслил убить его. Жена еще хранила в душе эту злобу к нему, поэтому еще более разжигала царя против него и довела до того, что набрали войско и послали его убить Вардана, и даже брат его Васак сам тоже пошел на него.

Они отправились и нашли его в Тайке, в его гаваре, в его крепком замке, который назывался Эрахани. Когда там увидели, что это отряд Васака, то уж не стали опасаться, никаких сомнений не питали и никаких предосторожностей не предприняли, думая, что войско брата пришло с миром. Таким образом (посланные войска) подошли к самым дверям палатки (Вардана), ибо она была разбита под замком, в ущелье. И люди Васака были скрыто вооружены, а поверх имели обыкновенную одежду. Он (Вардан), раздевшись донага, мыл себе голову, и в это время множество людей набросилось на него с менами и стало колоть в ту минуту, когда он нагнулся, чтобы ему полили воды. И он не успел даже подняться, как его пронзили в бок и убили.

А жена его была тогда беременна, и дни родов были близки. Она сидела наверху в замке, в своем кресле, как вдруг раздался страшный крик; услышав ужасную весть, она сбежала с места и на бегу родила ребенка. Младенца назвали Варданом, по имени его отца.

Глава XIX

О том, как армянский царь Аршак по безрассудству безжалостно убивал нахараров

А когда святой патриарх Нерсес удалился из царского стана, и не было никого, кто бы противился царю, наставлял его и выговаривал ему, то он стал следовать своей злой воле, многих нахараров перебил, многих истребил со всем родом, не оставив наследников, имения многих отобрал в казну. Роды Камсараканов, владетелей гаваров Ширак и Аршаруник, истребил поголовно, и эти гавары присоединил к остану⁵¹(владениям царского дома).

Но армянский полководец и спарапет Васак увел и спас одного младенца из их рода, по имени Спандарат, который впоследствии унаследовал эти области. А царь Аршак приказал построить для себя в гаваре Аршаруник сильную крепость по названию Артагерс, и этот гавар причислил к гарнизону крепости, как их довольствие, как хранилище съестных продуктов, ибо это была очень сильная крепость.

Глава XX

О том, как усилилась война между греками и персами, и как армянский царь Аршак помогал персидскому царю и предавал мечу греческие войска, или как вследствие измены Андовка Сюни Аршак бежал от персидского царя

Когда царь Аршак, несмотря на данную клятву, бежал от царя Шапух а и тем оскорбил его, то на первых порах Шапух не проявлял особой строгости к нему, ибо шла ожесточенная война между ним и греческим царем. Когда же война постепенно стала затягиваться, то царь Аршак сначала высокомерно ждал, кто из них раньше призовет его на помощь себе в этой войне. Он надеялся и охотно желал итти на помощь греческому императору. Но они его не пригласили и никакого почета, и уважения не оказали.

А персидский царь Шапух послал к нему вестников мира, напомнил ему о прежней клятве и сказал: «Соблаговоли, брат мой, оказать мне помощь в этой

войне. Иди со своими войсками на подмогу мне, и если ты будешь на нашей стороне, то я знаю, что победа будет за нами».

Услышав это, царь Аршак с большой радостью согласился идти на помощь (персидскому царю Шапуху; поэтому он приказал своему спарпету Васаку набрать и приготовить войска. Васак очень скоро исполнил приказ царя, организовал войско в четыреста тысяч человек, состоящее из хорошо вооруженных отборных вояк, полных мужества, готовых положить жизнь за родину – копьеносцев, меченосцев, секироносцев, воинов с топорами и метких и сильных лучников, не отступающих перед противником бойцов, конницу всю в железных доспехах, защищенную шлемами и щитами со своими знаменами, значками и многозвучными военными трубами.

Царь Аршак выстудил со многими нахарарами, прошел по своему государству через Алдзник и вторгся в страну Арва-цастан⁵², возле города Мцбина, где должно было произойти сражение. Прибыл туда, увидел, что обе стороны эту местность наметили для сражения. А греческие войска уже пришли и сосредоточились там, и стали лагерем в большом множестве, как песок на морском берегу, а персидские войска еще не дошли до места, назначенного для сражения. А войска армянского царя достигли места сражения раньше персов и стояли в ожидании. Армянские войска стали тяготиться своим праздным сидением без дела, не хотели ждать прибытия персидских войск, а хотели сами одни, без персидских войск, напасть на греческого царя и покончить с делом войны. В армянских войсках каждый человек по своей воле делал смелые выступления, больше же всех торопился их полководец Васак, который рвал удила, не хотел дожидаться прибытия персидских войск, а норовил сам ввязаться в бой и кончить войну.

И все армянские войска бросались к своему царю Аршаку и просили, чтобы он не задерживал их до прихода персидского царя Шапуха, а позволил исполнить то, ради чего они пришли – разрешил напасть (на греков) сейчас же, не дожидаясь войск чужой страны. Они тяготились праздным сидением и

предпочитали умереть, чем пребывать в чужой стране. Тогда царь Аршак разрешил им начать боевые действия.

И Васак, полководец и спарапет Великой Армении, организовал и подготовил все армянское войско. Он вооружился и в назначенное время со всеми своими боевыми силами, с айраратским войском напал на (греческое) войско. (Греки) были преданы мечу, все до одного перебиты, так что ни одного человека из них не осталось в живых. И столько взяли армяне добычи у греческого войска, что не было ей меры и числа. Все нагрузились и насытились сокровищами и несметным имуществом.

После этого армянский царь со своими войсками остался там, пока прибыл персидский царь Шапух со своими бесчисленными войсками. Приехав и увидев доблестный подвиг армянского войска, которое вступило в сражение, одержало победу и все закончилось, он очень удивился. Он воздал великие понести армянскому царю Аршаку, как и всем армянским вельможам, а также армянскому спарапету Васаку.

Персидский царь Шапух обратился со следующими словами к своим войскам: «Какими достойными наградами и каким воздаянием можем мы отплатить этому армянскому царю Аршаку, который совершил такое дело, показал такую храбрость, разгромил такого врага, ввязался в такое сражение, победил в этом сражении, стяжал нам такое имя. Ибо если б были мы со всеми арийскими войсками, то и тогда вряд ли смогли бы достичь такого успеха, а вместе (с армянским войском) справились бы с этим делом; армянский же царь со своим войском вместо нас вступил в бой, совершил такой подвиг, который никто совершить бы не мог. Итак, какими благами мы можем отплатить ему». И он стал думать, что дать ему.

Персидские нахарары ответили царю Шапуху и сказали: «Как хочешь, чем хочешь, ты можешь отблагодарить его. Золота и серебра, шелковых тканей и жемчугов много у тебя, дай ему, что желательно тебе». Персидский царь Шапух в ответ своим князьям сказал: «То, что вы говорите, это не любовь, давайте установим неразрывную любовь с армянским царем Аршаком, так,

чтобы он навсегда неразлучно оставался с нами. Дам я армянскому царю Аршаку свою дочь в жены и такие обширные земли, чтобы, приезжая из Армении к нам, он мог от Армении до Тизбона ехать и останавливаться в своих имениях, пока доедет до нас. В отношении царя так поступим, а полководцу Васаку и другим вельможам и военачальникам дадим золота, серебра, шелковых тканей и жемчугов». Вельможи и советники персидского царя одобрили эти его слова и подтвердили эти слова, что, мол, следует так поступить.

И персидский царь Шапух стал усиленно просить и настаивать на том, чтобы царь армянский Аршак поехал с ним в Асорестан, желая там оказать ему большие почести и сделать своим зятем. Царь же Аршак и все его войско считали для себя обременительным делать столь длинный путь, ибо каждый из них, по свойственному армянскому человеку обыкновению, истосковался по дому своему. А когда Андовк, нахапет Сюник-ского гавара, узнал, что персидский царь Шапух хочет дать свою дочь в жены армянскому царю Аршаку, очень испугался, и в мысли его закралось подозрение. Он понял, что если Аршак возьмет в жены дочь персидского царя, то после этого, очевидно, его дочь подвергнется бесчестью. Ибо дочь Андовка Парандзем, бывшая женою Гнела, в это время была женою армянского царя Аршака, поэтому Андовк подозревал, что если царь возьмет другую жену, то обесчестит тем его дочь.

С тех пор Андовк стал размышлять и искать какого-нибудь пути или средства, чтобы расстроить великую любовь между обоими царями. Прежде всего он дал много золота армянскому полководцу Васаку, также подкупил всех вельмож, чтобы добиться срыва великой любви, существовавшей между обоими царями. Все вельможи дали свое согласие, будучи ослеплены полученным ими в подкуп золотом. Далее Андовк привлек к соучастию в своем замысле одного из вельмож персидского царя, его приближенного советника, чтобы через него каким-нибудь путем или средством коварно посеять раздор между персидским царем Шапухом и Аршаком. Андовк дал

ему несметное количество золота и подучил его сказать царю Аршаку наподобие предсказателя: «Спаси себя, ибо персидский царь твердо решил схватить тебя и убить». «Когда ты это скажешь, – говорил Андовк, – то предложи (царю) посоветоваться с нами, и вельможи подтвердят твои слова». Советник персидского царя пришел к армянскому царю и стал ему говорить то, чему подучил его злодей Андовк. Он говорил: «Царь армянский Аршак, спаси себя, ибо персидский царь Шапух решил схватить тебя и убить». Царь Аршак был ошеломлен, услышав эти слова и сказал: «За столь великие мои заслуги такое, значит, у них вознаграждение?» Тогда приказал царь Аршак позвать к себе всех своих вельмож, всех советников, спарапета Васака, своего тестя Андовка и вообще всех бывших там нахараров, и рассказал им все то, что слышал от перса. И все они в один голос сказали ему: «Мы это давно слышали, но не решались сказать тебе. Но это достоверно так. Теперь, царь, подумай о том, как спасти себя и нас». Тогда царь Аршак дал тому персу много золотых и серебряных вещей в награду за то, что тот сказал ему те слова. Царь Аршак придумал средство: они (армяне) сговорились, подготовились и ночью поднялись сколько народу было в армянском лагере, сели на коней и бежали. На месте они оставили свои шатры и палатки, свое снаряжение и оборудование, свое имущество и лагерь, и тайком уехали, так что из персидского лагеря никто об этом ничего не узнал, пока не рассвело.

Утром, когда пришло время идти к персидскому царю с утренним приветствием, и цари и великие князья пошли приветствовать персидского царя с добрым утром, только армянский царь Аршак со своими вельможами нигде не появился. Тогда персидский царь Шапух приказал своим людям пойти посмотреть, что случилось в лагере армянского царя Аршака, что он так долго не идет к персидскому царю Шапуху с утренним приветствием. Они пошли и увидели, что лагерь пуст, никого там нет, ибо (войска) оставили свои шатры и палатки, занавески и пологи, постели и обстановку, и снаряжение, и даже свои сокровища, и ушли, захватив только оружие свое. И те, кто пошли в (армянский) лагерь, вернулись и рассказали все это персидскому царю

Шапуху. Услышав все это, персидский царь Шапух, будучи мудрым человеком, умом своим постиг в чем дело и сейчас же сказал: «Это бегство армянского царя вызвано моими людьми. Наши люди, наши царедворцы подговорили мужа того – Аршака – бежать». И многих из своих старших вельмож он послал верхом вдогонку за армянским царем в качестве послов, чтобы они клятвенным обещанием любви и согласия предложили ему вернуться и вместе расследовать злые наветы и наказать (виновных). Но армянский царь не пожелал слушать речей посланцев персидского царя Шапуха и более не вернулся в персидскую страну. И с того дня возгорелась война, пошли бои и сражения между армянским царем Аршаком и персидским царем Шапухом, которые продолжались более тридцати лет.

Глава XXI

О том, как возникла первая война между персидским царем Шапухом и армянским царем Аршаком, и как победил армянский царь Аршак

После бегства армянского царя Аршака от персидского царя Шапуха, персидский царь восемь лет молчал, вражды не проявлял, а постоянно ласково говорил и умолял армянского царя Аршака жить с ним в любви и согласии согласно мирному договору. Ибо персидский царь в то время был в большой опасности и тревоге, по случаю непрерывных войн, которые вели против него греческие цари. Армянский же царь Аршак вовсе не желал ни слушать его, ни ехать к нему, ни посланцев слать, ни же какие-нибудь дары и подарки посылать, совершенно не желал сблизиться с ним, имени их даже слышать не хотел. А персидский царь часто посылал к нему дары и послов и сам энергично воевал с греческими царями.

В дальнейшем, когда установился мир между греческими царями и персидским царем Шапухом, греческий царь написал договорную грамоту, приложил к ней печать и прислал персидскому царю. И в той договорной грамоте было написано-следующее: «Отдаю тебе город Мцбин, находящийся в Арва-стане, и Сирийскую Месопотамию, и от внутренних областей Армении отказываюсь; если можешь завоевать их и подчинить своей власти, я им на

помощь не пойду». Итак, греческий царь, попав в затруднительное положение, вынужден был подписать такой договор и отправить персидскому царю и таким образом избавиться от него.

Когда же установился мир между греческим царем и персидским царем, тогда персидский царь Шапух организовал свои войска и пошел войною на армянского царя Аршака. Пограничная стража армянского царя, стоявшая в Атрпата-канском Гандзаке, заблаговременно об этом известила царя Аршака, еще до прихода (Шапуха) в пределы Атрпатакана.

Армянский царь Аршак, как узнал об этом, приказал своему спарпету Васаку собрать все свои войска и пойти навстречу, и дать отпор персидскому царю Шапуху. Васак спешно сосредоточил в одном месте войско, сделал смотр всему армянскому войску, и оказалось шестьсот тысяч конных, хорошо вооруженных копьями воинов, единомышленных, верных людей. С ними двинулся армянский спарпет Васак, настиг и вступил в бой с персидским царем. (Армяне) изрубили своими мечами все (персидское) войско, и только персидский царь Шапух один спасся бегством верхом на коне. А они (армяне) преследовали, забирали пленных, опустошали и жгли персидскую страну и оберегали место сражения, т. е. границы с Персией.

Глава XXII

О том, как после этого в трех местах в Армении произошли бои с персидскими войсками и как победа опять осталась за армянами

В то время персидский царь Шапух собрал свои войска в несметном количестве, как песок на морском берегу, и много слонов, которым не было числа. Он разделил свои войска на три отряда; во главе первых двух отрядов поставил Андикана и Азаравухта, а во главе третьего отряда стал сам царь. И царь приказал войскам с трех мест вторгнуться и напасть на армянскую страну. Об этом тоже заблаговременно стало известно армянскому царю Аршаку и его полководцу Васаку. Они тоже набрали войска в стране, в огромном множестве без числа и счета; и, хотя очень спешили, но все же

персидские войска успели вторгнуться в Армению и продвинуться по трем направлениям.

Тогда и армянский царь Аршак разделил свои войска на три части, один отряд он дал спарапету Васаку, второй отряд его брату Багосу, который не имел равного себе по храбрости и отваге, а умом был слаб, третий же отряд взял сам царь Аршак. И он приказал выступить, идти прямо навстречу персидским войскам.

Спарапет Васак пошел и нашел первый отряд персидских войск под начальством Азаравухта, уже успевший дойти до местности, называемой Еревеал в гаваре Вананд, и вступил в бой с персидскими войсками. И персидские войска потерпели поражение, обратились в бегство и рассеялись. Полководец Васак нагнал их и перебил все разбежавшиеся персидские войска. Они (армяне) никого не оставили в живых и забрали много добычи и слонов. В тот же месяц, в ту же неделю, в тот же день Багос со своими войсками достиг второго отряда персидских войск с военачальником Андиканом во главе, которые сосредоточились и стояли лагерем возле рыбных промыслов Ареста. Персидские войска вскоре узнали о прибытии Багоса и приготовились сразиться с армянскими войсками. Багос поспел со своим отрядом; (армяне) атаковали персидский фронт, перебили вообще все персидское войско, вместе с ним убили и Андикана. И вот Багос встретил отряд слонов, заметил, что один из слонов очень богато украшен и имеет царские знаки; Багос подумал, что на этом слоне находится царь, он сошел с коня, обнажил меч и напал на слона; подняв оружие, он пролез под слона и ударил в брюхо; слон упал на него, и оба они вместе умерли, потому что (Багос) не успел выбежать из-под слона. В этом сражении умер только один Багос – военачальник армянского войска; от персидского же войска никого в живых не осталось.

В тот же год, в ту же неделю, в тот же день, – ибо все три сражения имели место в один и тот же день, – прибыл со своими войсками царь Аршак и нашел самого царя Шапуха, который, сосредоточив свои войска, стоял лагерем в Басеан-ском гаваре, в местности, называемой Осха. И вот царь Аршак ночью

напал на персидский лагерь, всех предал мечу, едва один царь Шапух верхом на коне спасся бегством в персидскую страну.

Тогда вестники победы от трех армянских отрядов встретились друг с другом. Кроме Багоса, павшего в одном из боев, больше никто не погиб; богом дарована была большая удача и победа. А (армянские войска) совершили набег на персидскую страну, опустошили ее до местности, называемой Хартизан. И забрали они много сокровищ, оружия, украшений и большую добычу, и сверх меры разбогатели.

Глава XXIII

О Меружане Арцруни, который восстал против армянского царя Аршака, перешел к персидскому царю Шапуху и еще больше разжигал войну, и о том, как он отрекся от бога и как с тех пор стал мешать и препятствовать армянской стране до конца

В то время восстал против армянского царя один из великих нахараров из рода Арцруни по имени Меружан. Он отправился и предстал перед персидским царем Шапухом и присягнул ему в том, что будет его верным слугою навсегда. Он отрекся от своей жизни, то есть от своего бога, так как отказался от христианства, свидетельствовал о себе, что он не христианин, принял маздеизм⁵³, то есть религию магов, поклонился солнцу и огню и признал, что только те боги истинны, которым поклоняется персидский царь. Он заключил с персидским царем Шапухом такой договор: «Если де в будущем Шапух сумеет одержать победу над армянами и захватить их страну, и я смогу вернуться в свою страну и в свой дом, то прежде всего, сказал он, я в своем собственном доме воздвигну капище, то есть дом поклонения огню. Он поклялся жизнью и смертью пополнить обещанное словом и делом. (Затем) стали готовить персидское войско в большем количестве, чем раньше, для нашествия на армянскую страну; их предводителем был злодей Меружан. Под предводительством Меружана (персы) неожиданно напали на армянскую страну и предавали ее огню и опустошению, мужчин бросали на растоптание

слонам, женщин же сажали на колья телег, захватили верхние гавары армянской страны, всех жителей перебили.

Пока царь Аршак находился в низовых гаварах в Ангел-туне из-за провианта и фуража, персидские войска разрушали Миджнашхар⁵⁴ (центральную часть страны). Тогда армянский полководец Васак собрал войско и сумел за это время организовать и снарядить конницу в десять тысяч отборных, храбрых всадников, с которыми выступил с большой быстротой и настиг персидское войско. Полководцы персидского царя, узнав, что армянский спарапет Васак собрал войско, чтобы идти на них, ограбили оставшихся в стране, забрали пленных и с поспешностью бежали в свою страну. За ними следом пустился Васак Мамиконян и настиг их (в то время) когда они проходили через Атрпатакан. Войска персидского царя оставили пленных и бежали вместе с Меружаном. (Армянские войска) освободили из плена несметное и несчетное множество людей и с миром вернулись к царю Аршаку.

Глава XXIV

О Меружане, о том, как он восстал и подстрекал персидского царя Шапуха и вел войну; как он стал предводителем у персидского царя Шапуха и совершал разбойничьи набеги на армянскую страну, как он увез в плен останки царей Аршакуни и как полководец Васак отбил у него пленных и победил врага

После этого злокозненный Меружан, подстрекая персидского царя Шапуха, вызвал сильный гнев его на царя Аршака. И персидский царь Шапух собрал войско, разослал лазутчиков следить за армянским царем Аршаком. И пока армянский царь Аршак находился со своим войском у границ Атрпатакана, опасаясь с этой стороны, так как тут он ожидал персидские войска, – они, под предводительством Меружана, с другой стороны вторглись в армянскую страну. Они прошли через Алдзник, Мец-Цопк, Ангел-тун, гавар Андзит, Цопк Шахуни, гавар Мзур, Даранали и Екелеац. Персидский царь Шапух вторгся в эти гавары с бесчисленным войском и наводнил их.

Они предавали страну огню и опустошению, набивали несчетное множество людей своими мечами, женщин и детей сажали на колья на телегах, частью же бросали под молотильные доски, молотили. Множество мужчин бросали под ноги слонам на растоптание и бесчисленное множество малых детей уводили в плен. Много замков срыли, много сильных крепостей разрушили. Они взяли и разрушили большой город Тигранакерт в гаваре Алдзник, во владениях бдэшха, и сейчас же угнав оттуда в плен сорок тысяч семейств, сами напали на Мец-Цопк. Часть крепостей, имевшихся тут, они взяли, другую часть не сумели взять. Оттуда пошли и осадили сильную крепость Ангел в гаваре Ангел-тун, так как там находились усыпальницы многих армянских царей Аршакуни, и с давних пор там были скоплены предками большие сокровища. Пошли, осадили крепость и когда вследствие неприступности места не сумели взять, то оставили и ушли. И много других крепостей оставили и прошли мимо, так как не могли одолеть укрепления. В их руки попала только крепость Ани в гаваре Даранаги, ибо злодей Меружан нашел средство, чтобы взять эту сильную крепость. Они поднялись наверх, разрушили крепостные стены и вывезли из крепости несметные сокровища. Они разрыли могилы прежних армянский царей, – храбрых мужей Аршакуни, – и кости царей увезли в плен. Не могли только они разрыть усыпальницу царя Санатрука, представлявшую собою огромное неимоверно крепкое и искусное сооружение. Уйдя оттуда, они повели наступление с другой стороны, двигаясь вперед в сторону Басена, с намерением напасть с тыла на войска армянского царя.

После того, как все это случилось, прибыл печальный вестник к царю Аршаку и сказал ему: «Ты здесь в Атрапатакане сидишь, ждешь врага спереди, а враги, зайдя тебе в тыл, перебили жителей страны и теперь идут на тебя». Услышав это, армянский царь Аршак и полководец его Васак произвели смотр своим войскам. Под начальством полководца Васака оказалось в это время готового войска, годного для войны, около шестидесяти тысяч человек, отборных вояк, которые единодушно, единомышленно и охотно шли на войну, чтобы сражаться за своих жен и детей, жизнь свою положить за страну, за свои

жилища, биться за свои церкви, за служителей святых церквей, за свою веру и во имя бога, за своих прирожденных царей Аршакуни. Ибо даже останки умерших царей и много народа было оторвано от места своего и угнано на чужбину.

И спарапет Васак двинулся вперед со своими шестьюдесятью тысячами, оставив позади себя царя Аршака со служителями в стране маров, в укрепленном месте. Сам же прибыл в Миджнашхар (центральную часть) Армении, в гавар Айрарат, и нашел там персидские войска, которые сосредоточивались там, стояли лагерем в огромном множестве, как песок на морском берегу. Тогда Васак со своим отрядом, прибыв туда, ночью неожиданно напал на лагерь персидского царя. И (армяне) тут же на месте перебили мечами все персидское войско, и только один царь едва спасся бегством верхом на коне. Остальных же преследовали и выгнали из своих пределов, и столько взяли у них добычи, что не было ей числа и счета. Всех вообще они истребили своими мечами и отняли у них останки своих царей, которые персы везли в плен в персидскую страну. Ибо они по верованиям своей языческой религии говорили: «Мы для того перевозим останки армянских царей в нашу страну, чтобы слава царей и счастье и храбрость этой страны, вместе с останками царей, перешли в нашу страну». Таким образом Васак отбил у них всех пленных из армянской страны, а останки царей, которые отнял у них Васак, были отвезены и похоронены в укрепленном селении по названию Алдзк в гаваре Айрарат, в одном из узких и трудно доступных ущелий большой горы Арагац. Сами же они приняли меры к тому, чтобы умиротворить страну, привести ее в благоустройство, разместить пленных, восстановить то, что было сожжено и разрушено. Но и на этот раз злодей Меружан вместе с персидским царем бежал и спасся. После того царь Аршак с полководцем Васаком оберегали свою страну, зорко охраняя оба входа⁵⁵ на границе во все дни своей жизни.

Глава XXV

О том, как царь Аршак совершил набег на персидскую страну, разорил и разгромил лагерь персидского царя Шапуха в Тавреше

После этого армянский царь Аршак собрал и сосредоточил войско в огромном количестве, как песок, и, выступив, пошел на персидскую страну. Васак взял армянский отряд, призвал на помощь также гуннов и аланов и (вместе с ними) пошел на помощь армянскому царю против персов. В это же самое время и персидский царь, двинувшись со всеми своими войсками, пошел на армянскую страну навстречу им, а те быстро достигли Атрпатакана, где нашли персидское войско стоявшим лагерем в Тавреше⁵⁶.

Спарапет Васак с двумястами тысяч войска напал на персидский лагерь. Царь бежал один верхом на коне. (Армяне) взяли в добычу весь караван⁵⁷ персов, целиком перебили многочисленное персидское войско и взяли несметную добычу из лагеря. Совершили набег на всю Атрпатаканскую страну, разорили страну, разрушили до основания и привели оттуда пленных так много, как звезды (на небе); всех людей этой страны предали мечу и сами, став на страже границ страны, с большой бдительностью охраняли их.

Глава XXVI

О персе Вине и о четырехстах тысячах (войска), которые шли на армян и потерпели поражение от армянских войск

После этого персидский царь Шапух собрал четыреста тысяч войска во главе с Вином против армянского царя Аршака. И Вин выступил и совершил набег на все пределы армянской страны. Узнав об этом, армянский царь Аршак нагрянул на персидские войска, перебил и предал мечу вообще все их войско, а оставшихся обратил в бегство до пределов Персии. (Армяне) перебили их, и сами, вернувшись, удерживали поле сражения.

Глава XXVII

О персидском полководце Андикане, который с четырьмястами тысяч пошел на армянскую страну за добычей, и о том, как армянский

**спарапет Васак выступил против него со ста двадцатью тысячами и
разбил его и его войска**

После этого персидский царь послал против армянского царя хорошо организованный отряд в четыреста тысяч отборных вояк, чтобы захватить армянскую страну, сжечь и опустошить. Их военачальником был Андикан, который выступил и совершил набег на армянскую страну. Против него выступил армянский спарапет Васак Мамиконян со ста двадцатью тысячами, убил его и разгромил его войска, забрал их украшения, никого не оставил в живых, и сам храбро удерживал поле сражения.

Глава XXVIII

Об Азаравухте, одном из персидских нахараров, которого царь Шапух послал с восьмьюстами тысяч громить страну, и о том, как Васак выступил против него с одиннадцатью тысячами, ударил, убил его и разгромил его войска в пределах Алдзника

Азаравухт прибыл с персидскими войсками, чтобы сжечь и опустошить армянскую страну, разрушить до основания. Он направился на страну Алдзник, желая оттуда развернуться по всем пределам армянской страны. Против него выступил Васак с одиннадцатью тысячами, разгромил и перебил его войска, оставшихся прогнал в персидскую страну, а самого Азаравухта убил.

Глава XXIX

О Дмавунде Всемакане, которого персидский царь Шапух послал с девятьюстами тысяч тапаристанского [58](#) войска против армянского царя Аршака, и армянский полководец Васак выступил против него, разгромил его и его войска

После того прибыл Дмавунд Всемакан из рода Кавосакан, с девятьюстами тысяч войска, которых послал персидский царь Шапух в армянскую страну воевать с армянами. Тогда войска армянской страны их полководец. Васак, организовавшись, подготовились и выступили воевать против них. Персидские войска потерпели поражение от них и обратились в бегство. Васак

настиг их, разгромил, перебил, никого в живых не оставил и Всемакана убил среди войск, а сброд прогнал вон из своих пределов.

Глава XXX

О Вахриче, который прибыл с четырьмя миллионами войска и воевал с царем Аршаком, и о том, как он со всем своим войском попал в руки армянского спарапета Васака

Затем прибыл Вахрич, сын Вахрича, с четырьмя миллионами персидского войска, которых послал царь Шапух на армянскую страну, чтобы разграбить земли армянского царства и перебить его войска. Они дошли до местности по названию. Малхазан. Тогда против них выступил полководец Васак с сорока тысячами; ударил и перебил их войска, убил также Вахрича. И перебил персидские войска, и не оставил никого в живых, и бдительно охранял пределы своей страны.

Глава XXXI

О Гуманде Шапухе, который непомерно похвалялся перед персидским царем Шапухом и пошел на армянскую страну с девятыстами тысяч войска, и о том, как они, потерпев поражение, позорно были изгнаны из армянской страны

После этого персидским царем Шапухом был послан Гуманд Шапух с девятыстами тысяч войска, который похвалялся перед царем. Он прибыл в армянскую страну, имея при: себе в качестве вожатого злокозненного Меружана – из армянской страны, из рода Арцруни. Прибыв, он застал врасплох пограничников, охранявших армянские границы. Поэтому они вторглись и распространились по всей армянской стране, грабили, разрушали, опустошали всю армянскую страну. Тогда армянский полководец Васак, приведя в готовность войска, настиг и напал на царский отряд и в первую голову убил Гуманда Шапуха. Затем армянские войска настигли рассеявшиеся персидские войска, всех перебили, не оставив никого в живых. Но только один злодей Меружан бежал на коне и укрылся в персидской стране.

Глава XXXII

О нахапете Дехкане, который был с большим войском послан персидским царем Шапухом на армянского царя Аршака, и армянский спарапет Васак настиг и перебил их

После всего этого персидский царь Шапух собрал и сосредоточил несметное и несчетное множество войска, как песок морской, четыре миллиона хорошо вооруженных вояк, копьеносцев. И нахапета Дехкана, который был родом сородичем армянских полководцев, то есть Мамиконянов, царь Шапух послал в армянскую страну, против армянского царя Аршака.

Он прибыл к армянским границам, но не нашел обленившимися и сонными армян; они были в полной боевой готовности. И полководец Васак выступил против них с семьюдесятью тысячами, разгромил, перебил все персидские войска, убил родственника своего нахапета Дехкана, а остальных, погнав перед собою, преследовал на конях. Но Меружан Арцруни, который вел их, спасся бегством.

Глава XXXIII

О Сурене Пахлаве, который тоже прибыл с большим войском и подобно прежним потерпел поражение

Персидский царь Шапух вновь набрал войско, организовал и приготовил множество отрядов, бесчисленное количество слонов и отборных и воинственных бойцов. Под начальством Сурена Пахлава, приходившегося родственником армянскому царю Аршаку, и под водительством Меружана он послал (их) против них (армян). Тогда и армянский полководец Васак выступил против них с тридцатью тысячами. Он ударил Сурена, убил его, перебил его войска. Но Меружан бежал.

Глава XXXIV

Об Апакане Всемакане, который тоже принял участие в этой войне и подобно предшественникам потерпел неудачу

После Сурена появился Всемакан, прибывший с несметным множеством войск; Меружан же был назначен персидским царем Шапухом предводителем,

чтобы вести войну против армянской страны. Тогда армянский спарапет Васак был послан им навстречу. Он убил Апакана Всемакана и разгромил его войска, и не оставил никого из них в живых. Только злодей Меружан бежал.

Глава XXXV

О начальнике охраны Зике, который с большим войском был послан царем Шапухом на войну против армян и был разбит, как его предшественники

После этого персидский царь Шапух послал начальника своей охраны Зика на войну в Армению и назначил к ним предводителем Меружана. И он собрал большой отряд с таким множеством людей, как песок морской. Они пришли, достигли армянской страны. Против них выступил армянский полководец Васак. Зика он убил, половину войска перебил, а другую половину, погнав перед собою, обратил в бегство. Но и на этот раз не сумели поймать Меружана Арцруни.

Глава XXXVI

О персе Сурене, который после Зика тоже пришел воевать и, попав в руки Васака, погиб вместе со своими войсками

После смерти Зика персидским царем Шапухом был послан воевать с армянским царем Аршаком перс Сурен с шестьюстами тысяч войска, и предводителем при нем был Меружан. Тогда армянский спарапет Васак собрал все войска нахараров и ночью в пешем строю напал на укрепленный лагерь персов, с десятью тысячами отборных людей, вооруженных мечами. Все персидское войско они перебили и уничтожили, захватили в плен перса Сурена и привели его к царю Арша-ку, который приказал побить его камнями до смерти; а Меружан спасся бегством.

Глава XXXVII

О Гревшолуме, который был послан персидским царем с девятьюстами тысяч против армян, и на этот раз также победа осталась за армянами
Гревшолум тоже был послан войною на армянскую страну. Он тоже был родственником армянского царя, но по приказу царя Шапуха с девятьюстами

тысяч войска пришел воевать с армянами. Тогда армянский полководец Васак организовал, подготовил все отряды войск и пошел войною на него. (Армяне) обратили всех в бегство и погнали перед собою. А Гревшолум и Меружан бежали.

Глава XXXVIII

Об Аланайозане, который с четырьмя миллионами войска пришел от персидского царя воевать против армянского царя, и о том, как он, попав в тяжелое положение, потерпел поражение от Васака

А Аланайозан, пахлав из рода Аршакуни, расхваставшись перед царем Шапухом, выступил (против армян) и достиг границ Армении. Это обстоятельство заблаговременно стало известно армянскому царю Аршаку. Он тоже организовал свое войско через своего спарапета Васака, сосредоточив под его начальством всех армянских нахараров. Они пошли против персидских войск, всех вообще перебили, остальных погнали в персидскую страну и сами бдительно охраняли свои границы.

Глава XXXIX

О великом персидском нахараре Боекане, пришедшем с четырьмястами тысяч, которых перебил и уничтожил армянский спарапет Васак

После этого великий персидский нахарар Боекан с четырьмястами тысяч прибыл в Атрпатакан; они хотели напасть на армянскую страну. Ему навстречу выступил Васак со своим армянским отрядом, разгромил все персидское войско и Бое-кана убил в Тавреше. Там он сжег дворец персидского царя и, найдя там портрет персидского царя, изрешетил его стрелами. Но только Меружан, приехавший с ними, бежал.

Глава XL

О Вачакане, который прибыл в Армению со ста восьмьюдесятью тысячами и хотел завоевать Армению, а армянский спарапет прогнал его и его войска

Один из персидских нахараров по имени Вачакан со ста восьмьюдесятью тысячами совершил нашествие на армянскую страну. Тогда армянский

полководец Васак собрал все армянские войска, оставил царя Аршака в сильной крепости Дарюнк, и сам, армянский полководец Васак, с армянскими войсками напал на лагерь Вачакана. Убил Вачакана, перебил персидское войско. Только Меружан, предводитель их, с немногими спасся бегством.

Глава ХLI

О Мшкане, который с тремястами пятьюдесятью тысячами совершил поход на армянскую страну и как он был разбит Васакom и его войсками
Один из персидских нахараров, по имени Мшкан, тоже пришел воевать с царем Аршаком. Тогда армянский полководец Васак построил армянское войско против них лицом к лицу, и с большим ожесточением они напали друг на друга. Армянский отряд одержал верх над персидскими войсками, перебил их, никого в живых не оставил, убили и самого Мшкана, а Меружан бежал.

Глава ХLII

О Маручане, который с шестьюстами тысяч пришел на царя Аршака, и о том, как их перебил и уничтожил спарапет Васак

Великий нахарар по имени Маричан пришел войною на армянскую страну. Он с шестьюстами тысяч вторгся в армянскую страну, имея с собою предводителем Меружана Арцру-ни. Тогда Васак со всеми армянскими войсками вступил с ними в бой, разгромил, перебил, уничтожил персидские войска, убил также Маручана. Только Меружан бежал.

Глава ХLIII

О зиндкапете [59](#), который с девятьюстами тысяч пришел на армянского царя, а полководец Васак, настигнув, нанес сокрушительный удар и перебил персидские войска

Некий зиндкапет – военачальник войск персидского царя – с девятьюстами тысяч прибыл в пределы Атрпатакана. Армянский полководец Васак поспешил выйти им навстречу, ночью напал на укрепленный лагерь персов, всех предал мечу и зиндкапета убил в лагере. Только злокозненный Меружан бежал и спасся.

Глава XLIV

О царевиче Папе, о том, как он одержим был бесами и вместе с ними совершал мерзости

Сын Аршака Пап родился от матери Парандзем сюнник-ской, бывшей ранее женою Гнела, которого убил царь Аршак и жену его Парандзем взял себе в жены и имел от нее сына, который назывался Папом. И когда его родила мать, то, будучи нечестивой женщиной и не имея страха божьего, посвятила она его бесам, и многие бесы вселились в младенца и вертели им по своему желанию. Он был вскормлен, вырос и стал совершать грехи – предавался блуду...

Глава XLV

Об андердзапете Сакстана ⁶⁰, который был послан с четырьмястами тысяч персидским царем Шапухом, которого тоже обратил в бегство армянский полководец Васак

После этого персидский царь Шапух собрал свои войска – в четыреста тысяч человек – и военачальником над ними назначил андердзапета Сакстана. Они двинулись в сторону Армении и, прибыв, развернулись и вступили в войну с армянским царем Аршаком. И все великие армянские нахарары, собравшись вместе, держали совет; они ни в коем случае не соглашались, чтобы царь Аршак тоже участвовал с ними в войне. После того полководец Васак со всеми вельможами и нахарарами Великой Армении разгромил и перебил все персидские войска, убил также и андердзапета Сакстана. Но только Меружан Арцруни спасся бегством.

Глава XLVI

О виночерпии Шапстане, который с пятью миллионами пошел на армянскую страну, а их разгромили и перебили армянские войска

Виночерпий Шапстан с пятью миллионами выступил в поход на армянскую страну и, приблизившись, хотел вторгнуться в армянскую страну. Тогда организованный и готовый отряд армянского царя и армянский полководец Васак вышли навстречу персидским войскам и столкнулись с ними;

разгромили и перебили персидские войска, убили также персидского виночерпия Шапстана. Но только Меружан спасся бегством.

Глава XLVII

Об андердзапете магов, который пришел со ста восьмьюдесятью тысячами воевать с армянским царем и погиб подобно предыдущим

После того андердзапет магов пришел со ста восьмьюдесятью тысячами воевать с армянским царем Аршаком. Тогда пришли и собрались в одном месте все войска армянской страны и полководец спарапет Васака, который был наставником армянского царя Аршака. Как ни спешили они, но едва смогли в Малхазане настигнуть их. Когда оба отряда столкнулись друг с другом, персидские войска потерпели поражение и бежали от полководца Васака и всех армянских войск. Там был убит андердзапет магов и перебито было войско его до последнего человека. Только Меружан верхом на арабском коне бежал.

Глава XLVIII

Об амбаракапете [61](#), который, с девятьюстами тысяч выступив, сразился с войсками армянского царя и в Саламасе погиб от армянских войск и полководца Васака

Потом Амбаракапет персидского царя с девятьюстами тысяч пришел в Саламас – в гаваре Корчайк – и в укрепленном месте устроив лагерь, хотел воевать с армянским царем Аршаком. Тогда подоспел армянский полководец с десятью тысячами отборных войск, устроил засаду в нескольких местах и ночью напал на лагерь. Всех вообще предали мечу, никого не оставили в живых. Только Меружан, оказавшись вне отряда, бежал.

Глава XLIX

О Мрикане, который с четырьмястами тысяч пришел воевать с армянским царем и погиб от руки Васака и армянских войск

Потом некий Мрикан, большой персидский военачальник, с четырьмястами тысяч пришел воевать с армянским царем Аршаком. Тогда и армянские войска во главе с полководцем Васаком, расвирепев, как звери, как львы,

набросились на них, перебили персидские войска, и Мрикана убили. Но Меружан и на этот раз бежал.

Глава L

О том, как разрушилось и развалилось армянское царство, как многие из армянских нахараров восстали и протянули руку персидскому царю Шапуху, и как вскоре разбрелись в разные стороны и оскудело армянское царство

Тридцать четыре года наша армянская страна воевала с персидским царем, после сего обе стороны утомились, устали, потерпели поражение, пали духом. И началось разложение в лагере армянского царя, стали оставлять своего царя Аршака и уходить, и это разложение началось с великих вельмож. Сперва бдэшх Алдзника и бдэшх Ноширакана, и Махкер-туна, и Нихоракана, и Дасна⁶², и все Алдзникское нахарарство, их войска и алдзникский род восстали против армянского царя Аршака, поехали и предстали перед персидским царем Шапу-хом, а сами построили стену с той стороны Армении, которая называется Дзора, поставили ворота и свою страну отделили от Армении.

После этого бдэшх Гугарка, а после него владетель гавара Дзора, владетель гавара Колб, с ними также владетель Гард-манадзора, и все те, кто находились в этих краях, около и вокруг них, вместе восстали против царя армянского Аршака и поехали и предстали перед персидским царем Шапухом. Против армянского царя Аршака восстали также укрепленный гавар Арцах, укрепленный гавар Тморик и укрепленная страна Кордик; также и владетель гавара Кордик поехал и предстал перед персидским царем.

После этого от армянского царя отложились собственные владения армянского царского дома в стране Атрпайакан⁶³; от армянского царя отпала укрепленная страна Маров, от армянского царя отпала также страна каспов, оставил армянского царя и удалился владетель Андзита Саламут и с ним князь Мец-Цопка, которые отправились (служить) греческому царю. Оставшийся Миджнашхар усомнился в своем царе и не хотел слушаться его и делать то, что он хотел. И царство (Армянское) сильно расшаталось.

И Ваган, из рода Мамиконянов, брат спарапета Васака, соблазнился словами Меружана Арцруни, который был сыном его сестры. Он тоже восстал против армянского царя Аршака и поехал и предстал перед персидским, царем Шапухом. Он снискал его расположение, отрекся от своей христианской религии и согласился служить религии магов, то есть поклоняться огню, воде и солнцу, отрекся от христианской веры, в которой родился. И он угоден стал персидскому царю и клеветническими наветами разжигал его против царя Аршака и против своего танутэра Васака, напоминал также о смерти Вардана, мол из-за тебя умер. После того он стал любимцем царя Шапуха, и он отдал Вагану в жены свою сестру Ормиз-духт, даровал ему тот бардз (букв.: подушку) и патив, которые ранее были у его предков, сделал его своим доверенным зятем, превознес его среди своих войск и обещал ему крупнейшие поместья. А число армян с тех пор стало убывать и убывать.

Глава LI

О том, как оставшиеся в стране с полным единодушием собрались к армянскому католикосу Нерсесу, жаловались на своего царя Аршака, отвернулись и отпали от него

И все люди царства армянской страны собрались и пришли к великому патриарху Нерсесу – вельможи, нахарары, наместники, владельцы гаваров, правители краев, гордзакалы, дасапеты шинаканов (букв.: старейшины сельчан); все они, собравшись вместе, стали говорить с Нерсесом и сказали: «Владыко, ты сам знаешь, что вот уже тридцать лет при нашем царе Аршаке мы ни одного года не имели покоя от войн, всегда утирали пот со своего лица мечами, стрелами, остриями копий. Мы не можем больше терпеть, не можем больше воевать, лучше и нам подчиниться персидскому царю, как сделали наши товарищи, оставившие его и ушедшие к персидскому царю. Мы тоже поступим так, как они, потому что больше не мажем воевать. Если царю Аршаку нужно воевать с Шалуном, то пусть воюет с помощью Васака и тестя своего Андукана, но из этой армянской страны никто, ни один человек не пойдет

ему на помощь. Если он хочет, пусть воюет, не хочет, пусть не воюет, нас не касается, мы его оставили».

А святой Нерсес говорил с ними как следует: «Подумайте хорошенько, говорил он, вспомните заповедь господню о согласии, о том, чтобы слуги повиновались господам своим. Вот вы все стоите тут и являетесь свидетелями того, что все вы приобрели свое положение благодаря роду Аршакуни. Одни из вас ими назначены владетелями гаваров, другие правителями стран, третьи старейшинами крупных селений и деревень, и владеете сокровищами и различными дастакертами. Ибо мерзкий род Аршакуни, хотя и виновен перед создателем богом, но всех вас он вытащил из грязи и устроил вашу жизнь, дав одному гордз⁶⁴, другому патив (знаки отличия), одному княжество, другому гордзакалутюн. Ибо хотя царь Аршак грешен перед богом и обязан уплатить создателю своему с лихвой за грехи свои, понести кару, но бог в своем великом и безмерном человеколюбии пожалел его и из-за него вас.

А вы вот желаете попасть на услужение к язычникам, утратить жизнь в боге, отвергнуть ваших прирожденных государей, данных вам богом, служить иноземным государям и принять их безбожную религию. Не дай бог, чтобы вы полюбили эту (религию), одобрили ее и согласились отложиться от своего царя, поклоняющегося богу. Ибо, если б Аршак в десять тысяч раз был хуже, но все же он верит в бога, как бы он ни был грешен, все же он ваш царь. Вы сами передо мною сказали, что столько лет вы воюете за себя и за ваши души, за страну, за ваших жен и детей, и, что главное, за ваши церкви, за вашу веру во имя Иисуса Христа, и господь всегда посылал вам победу во имя свое. Теперь вы вместо создателя своего Христа хотите служить безбожной религии магов и ее служителям, оставив нашего создателя и забыв его заповедь о том, что надо быть верным земным господам, которых он назначил. Может быть и господь бог рассердится на вас и истребит вас, предаст вас в руки язычников, чтобы вам пришлось вечно рабски служить им, и чтобы иго рабства никогда не снималось с вас. И, если вы с жалобой обратитесь к господу, он не услышит вас, потому что сами вы идете в рабство к языческим господам и безбожным

невежественным людям (предаётся) язычникам и жестокосердым господам; и много ожидает вас бедствий, от которых вы не сумеете отвернуться».

А те, кто собрались там, подняли крик, перекликались друг с другом, возмущались, шумели и говорили: «Вставайте, пойдём, – говорили они, – удалимся восвояси, ибо этих слов мы не хотим слушать». Они разбрелись и уехали каждый к себе домой.

Глава ЛП

О царе Шапухе, о том, как он в это время прекратил войну против армянского царя Аршака и коварно пригласил его к себе для заключения мира

Тем временем персидский царь Шапух усиленно молил царя Аршака, посылая ему подарки и грамоты, и любезно приглашал к себе, чтобы отныне установить взаимную любовь и мир, и великую дружбу. А царь Аршак, хотя и хотел воевать, но все войско армянской страны на это не соглашалось. Поэтому он волей-неволей решился послать грамоту с изъявлением покорности персидскому царю Шапуху, как подобало слуге своему государю. Со своей стороны, он послал ему подарки в знак примирения.

Глава ЛШ

О том, как царь Шапух вторично пригласил армянского царя Аршака к себе, и он поехал и окончательно погиб

После этого персидский царь Шапух опять послал посланца к армянскому царю Аршаку и сказал: «Если между мною и тобою установлен мир, то приезжай на свидание со мною, и впредь мы будем друг с другом как отец и сын. А если не приедешь, то значит, ты хочешь войны между нами». А Аршак просил его дать торжественное клятвенное обещание, чтобы можно было ему ехать без боязни, и тот по установленному в персидском царстве обычаю для торжественной клятвы велел принести соли, приложил к ней перстень с изображением вебря⁶⁵ и послал Аршаку, что если де и после этой клятвы он не приедет, то пусть готовится к войне.

Когда весь народ армянской страны увидел и услышал это, то стали требовать, принуждать и торопить своего царя Аршака, чтобы он собрался, поехал и представился персидскому царю Шапуху. Тогда армянский царь Аршак – волей-неволей – взял с собою армянского полководца спарапета (Васа-ка), своего воспитателя, отправился с ним из армянской страны в персидскую страну, к персидскому царю Шапуху. Поехал, предстал перед персидским царем Шапухом. Когда их увидели, то схватили обоих их, царя Аршака и спарапета Васака, и держали их на свободе в гвардейском отряде из азатов. И царь Шапух призвал царя Аршака, сильно побранил его, как своего слугу, а он признал себя виновным перед ним и повинным – смерти. После этого их опять передали гвардейскому отряду для присмотра за ними.

Глава LIV

О том, как Шапух, вопросив волхвов и кудесников, испытал намерение Аршака и заключил его в крепость Ануш, или как он приказал лютой смертью казнить армянского спарапета Васака

Потом персидский царь Шапух призвал волхвов, звездочетов и кудесников, поговорил с ними и сказал: «Много раз я хотел выказать любовь свою армянскому царю Аршаку, но он меня всегда оскорблял. Я с ним заключил мирный договор, и он мне поклялся на главной святыне христианской религии, которая называется евангелием; он эту клятву нарушил. Я хотел ему сделать много добра, как отец сыну, а он мне за добро отплатил злом. Я призвал иереев церкви города Тизбона, полагая, что они его притворно привели к присяге и дали возможность нарушить ее. Когда я их стал осуждать, как повинных смерти, то их главный иерей Мари сказал мне: «Мы честно его привели к присяге, а если он нарушил свою клятву, то же евангелие приведет его к вашим ногам». Я их не послушался и приказал им – семидесяти лицам отрубить головы в одной яме, а их единоверцев приказал предать мечу. То евангелие, на котором поклялся царь Аршак и которое считается главной (книгой) их христианской веры, я перевязал цепью, и оно так хранится в моей сокровищнице. Но мне пришли на память слова иерея Мари, я вспомнил, что

он говорил: «Не убивай нас, ибо я знаю, что-то же евангелие приведет царя Аршака и поставит на колени перед тобою». Вот слова его действительно исполнились. Ибо царь армянский Аршак вот уже тридцать лет воюет с арийцами, и ни разу мы не могли его победить, а теперь он сам своими ногами пришел ко мне. Но если б я знал, что он будет впредь соблюдать договор со мной и даст искреннее обещание быть покорным, то я бы отпустил его с большими почестями и миром в его страну».

И кудесники сказали ему в ответ: «Сегодня ты нам дай срок, завтра мы тебе ответим». На следующий день все маги и звездочеты собрались, пришли и сказали царю: «Теперь, когда пришел к тебе армянский царь Аршак, как он говорит с тобой, каким языком говорит и как держит себя?» Царь сказал: «Он считает себя одним из моих слуг, старается быть прахом моих ног». Они сказали: «Сделай так, как мы скажем тебе. Держи их здесь, пошли в армянскую страну людей и повели привезти оттуда, из пределов Армении, два выюка земли и сосуд с водой. Потом повели пол в твоей палатке наполовину посыпать привезенной из Армении землей. Потом ты сам возьми армянского царя Аршака за руку и поведи сперва в ту сторону палатки, где местная земля, и задавай ему вопросы. Потом, взяв его за руку, поведи в ту сторону, где посыпана армянская земля, и послушай, что он будет говорить, и тогда узнаешь, будет ли он верен обету тебе и договору или нет, когда ты его отпустишь в Армению. Ибо если, встав на армянской земле, он станет гневно с тобой говорить, то знай, что как только он очутится в армянской стране, в тот же день заговорит с тобою тем же языком, возобновит ту же войну с тобою, те же сражения, продолжит ту же вражду».

Персидский царь, выслушав кудесников, послал в Армению людей с арабскими верблюдами за землею и водою, которые нужны были для волхвования. Через немного дней возвратились они и привезли то, за чем были посланы. И царь Шапух приказал половину пола в своей палатке засыпать армянской землей и сверху полить водой, а в другой половине оставить свою местную землю. И он, велел привести к себе армянского царя, а другим людям

велел удалиться, и, взяв его за руку, прошелся с ним. И когда они, прохаживаясь по шатру, ступили на персидскую землю, то он сказал: «Царь армянский Аршак, ты зачем стал мне врагом; я же тебя как сына любил, хотел дочь свою выдать за тебя замуж и сделать тебя своим сыном, а ты ожесточился против меня, сам от себя, против моей воли, сделался мне врагом, и вот целых тридцать лет воевал со мной».

Царь Аршак сказал: «Согрешил я и виновен перед тобою, ибо хотя я настиг и одержал победу над твоими врагами, перебил их и ожидал от тебя награды жизни, но враги мои ввели меня в заблуждение, запугали тобою и заставили бежать. И клятва, которой я клялся тебе, привела меня к тебе, и вот я перед тобою. И я – твой слуга, в руках у тебя, как хочешь, так и поступай со мною, если хочешь, убей меня, ибо я, твой слуга, весьма виновен перед тобою и заслужил смерть».

А царь Шапух, снова взяв его за руку и прикидываясь наивным, прогуливался с ним и повел в ту сторону, где на полу насыпана была армянская земля. Когда же Аршак подошел к этому месту и ступил на армянскую землю, то, крайне возмущившись и возгордившись, переменил тон и, заговорив, сказал: «Прочь от меня, злодей слуга, что господином стал над своими господами. Я не прощу тебе и сыновьям твоим и отомщу за предков своих и за смерть царя Артавана⁶⁶. Теперь вы, слуги, похитили у нас, у ваших господ бардз (букв.: подушку, т. е. ранг царя царей), но я не допущу этого, покуда мы вновь не займем своего места».

И опять (Шапух) взял его за руку и повел на персидскую землю. Тогда (Аршак) стал каяться в словах своих, преклонился перед ним, в ноги ему поклонился, крайне сожалел и раскаивался в том, что сказал. А когда вновь (Шапух), взяв за руку, повел его на армянскую землю, то пуще прежнего он начал говорить. И опять (Шапух) отводил его с этой земли, и тот начинал каяться. Так с утра и до вечера много раз он испытывал его, и каждый раз, когда (Аршак) ступал на армянскую землю, становился надменным и грозил, а когда ступал на местную землю, то выражал раскаяние.

Вечером, когда наступил час ужина персидского царя, то обычай был таков, что для армянского царя ставили гах рядом (с персидским царем), на одной и той же тахте; был такой обычай, что персидский царь и армянский царь восседали на одном и том же гахе; а в этот день приготовили сперва гахи для прочих присутствовавших там царей, а потом, в самом конце, ниже всех приготовили место для Аршака, где на полу посыпана была армянская земля. Сначала уселись все, каждый на подобающем месте, а потом привели и посадили царя Аршака. Некоторое время сидел (Аршак) насупившись, потом он встал и сказал парю Шапуху: «То место мое, где ты сидишь; встань оттуда, я (должен там сидеть, ибо это место нашего рода (Аршакуни), а когда я вернусь в свою страну, то жестоко тебе отомщу».

Тогда персидский царь Шапух велел принести железные цепи, надеть на шею Аршака, заковать его ноги и руки, отвести его в крепость Андмиш, которая называется также крепостью Ануш⁶⁷, и держать в заключении до самой смерти.

На следующий день царь Шапух приказал привести к себе Васака Мамиконяна, полководца-спарапета Великой Армении. Начал бранить его персидский царь Шапух, и так как Васак был ростом мал, сказал ему: «А, лиса, это ты тот смутьян, который столько лет нас мучил, это ты столько лет избивал арийцев? Ну, как теперь ты? Лисьей смертью умерщвлю я тебя». Спарапет Васак сказал в ответ: «Ныне видя, что я мал ростом, ты меры моего величия не познал, ибо до сих пор я был для тебя львом, а теперь лисою стал. Но пока я Васак был, я великаном был. Я одной ногой стоял на одной горе, а другой ногой – на другой горе. Когда на правую я опирался ногу, проваливалась правая гора. Когда на левую опирался ногу, проваливалась левая гора». Царь Шапух спросил: «Ну, скажи мне, что это за горы, что проваливались под твоей стопой?» Васак сказал: «Из тех гор – одной горою был ты, другою горою был царь греческий. Пока бог благоволил ко мне, я и тебя проваливал под землю и греческого царя, пока было на нас благословение отца нашего Нерсеса, и бог не отворачивался от нас. Пока мы слушались его и поступали по его совету, то

умели мы давать тебе уроки, но теперь сами мы с открытыми глазами вверглись в пропасть. Теперь делай, что хочешь». И персидский царь приказал резать армянского полководца Васака, содрать с него кожу и набить сеном и послать в ту же крепость Андмиш, что зовется Ануш, где и был заточен царь Аршак.

Глава LV

О плене, бедствиях и разрушениях, постигших армянскую страну. Об уводе в плен в Персию царицы Парандзем и о лютой смерти ее. О разрушении армянских городов и о гибели страны до основания

Потом персидский царь Шапух послал на армянскую страну двух из своих князей, одного имя было Зик, другого – Карен, с пятью миллионами войска, чтобы они разгромили и разорили армянскую страну. Они пошли на армянскую страну. Когда царица армянской страны, жена царя Аршака Парандзем увидела, что войска персидского царя наполнили армянскую страну, взяла с собою около одиннадцати тысяч отборных вооруженных бойцов из азатов и, уклоняясь от встречи с персидскими войсками, отправилась в крепость Артагерс, в гаваре Аршаруник. Потом подошли все персидские войска, расположились вокруг крепости, окружили, осадили. А засевшие в крепости рассчитывали на неприступность месторасположения ее, а (персы), разбив лагерь, расположились вокруг крепости по ущельям. Так они сидели тринадцать месяцев вокруг крепости и не могли взять крепость, потому что местность была весьма неприступна. Они разрушили и опустошили всю страну, проникли в окрестные гавары и страны, грабили, забирали людей в плен и скот и гнали к себе в лагерь, из других мест привозили съестные припасы и ели, держа крепость в осаде.

Папа же, сына Аршака, не было в это время в армянской стране, ибо он был у греческого царя. А все войско, состоявшее из азатов, узнав обо всем этом, искало себе помощи. Военачальником их был Мушег, сын спарапета Васака. Они отправились к своему царевичу и вели переговоры с греческим царем, убеждали его прийти им на помощь. А в армянскую страну они часто засылали

послов к царице страны Парандзем, чтобы она защищала крепость и не сдавалась в руки персов. И от сына ее Папа часто приходили послы, каждую неделю, через потайную дверь каким-то образом они проникали в крепость, подбодряли царицу. Таким образом, осада крепости продолжалась тринадцать месяцев. А послы все уезжали и приезжали, твердя: «Держись крепко, сын твой Пап идет и ведет на помощь императорское войско». Эти ободрения продолжались долго, и они все говорили: «Еще немного, еще чуточку потерпи и помощь подоспеет».

На исходе четырнадцатого месяца на беженцев, укрывшихся в крепости, обрушилась кара божья. Среди находившихся в крепости начался мор, посланный богом. В то время, когда в присутствии царицы Парандзем сидели в покоях, ели, пили и веселились, вдруг умерло его человек за один час, а за другой час еще двести человек, случалось и так, что за время обеда за столом умирало до пятисот человек. И так умирали изо дня в день. С тех пор как начался мор и месяца не прошло, как все перемерли, около одиннадцати тысяч мужчин и шести тысяч женщин. И месяца не прошло, как все находившиеся в крепости перемерли.

И в крепости осталась только царица Парандзем с двумя служанками. Тут тайно пробрался в крепость евнух Айр Мардпет и стал поносить царицу, как какую-то непотребную женщину. Он поносил и род Аршакуни, говоря, что они, де, зловерные и злокозненные люди, которые погубили страну: «Поделом вам то, что случилось с вами, и то, что еще должно случиться». Тайно он вышел и бежал. А царица Парандзем, видя, что осталась одна, открыла ворота крепости ипустила в крепость персидское войско. (Персы) вошли, схватили царицу и спустили с крепости. Потом персидские полководцы поднялись в крепость, забрали как добычу сокровища армянского царя, которые хранились в крепости, и все свезли вниз. Девять дней и девять ночей все время свозили все, что нашли в крепости Артагерс, и увезли вместе с царицей.

После этого они пришли к большому городу Арташату, взяли его, разрушили стены, забрали хранившиеся там сокровища, и всех жителей города увели в плен. Из города Арташа-та увели в плен девять тысяч семейств евреев, которых привел в плен из Палестинской страны царь Тигран Аршакуни, и сорок тысяч семейств армян, которых увели (в плен) из города Арташата. Из городских строений деревянные подожгли и сожгли, каменные срыли, так и стену; все здания города разрушили до основания, камня на камне не оставили, город, лишив всех жителей, превратили в безлюдную пустыню.

Собрав всех пленных, (персы) переправили их через мост Тапер, сосчитали пленных и окружили войсками, вооруженными палицами, и персидские военачальники сказали иерею города Арташата Звиту: «Выходи из среды пленных и уходи куда хочешь». Иерей Звит не согласился на это и сказал: «Куда вы погоните стадо, туда же погоните и меня, их пастыря; не подобает пастырю оставлять свое стадо, а должен он жизнь свою положить за своих овец». Сказав это, он вошел в толпу пленных и пошел в плен в персидскую страну со своим народом.

(Персы) взяли также город Вагаршапат, срыли, разрушили его до основания. Из этого города они тоже увели в плен девятнадцать тысяч семейств. Во всем городе не оставили ни одного дома, все сломали и разрушили. Совершая набеги, они всех совершеннолетних мужчин избивали, а женщин и детей брали в плен. Они захватили все крепости армянского царя, сосредоточили в них большие припасы и оставили там гарнизоны. Взяли также большой город Ервандашат, вывели оттуда двадцать тысяч семейств армян и тридцать тысяч семейств евреев, а город разрушили до основания. Потом взяли город Зарехаван в Багреванде, оттуда тоже забрали в плен пять тысяч семейств армян и восемь тысяч семейств евреев, а город разрушили до основания. Взяли также большой город Заришат в гаваре Алиовит, (взяли в плен) четырнадцать тысяч семейств евреев и десять тысяч семейств армян, а город тоже разрушили до основания. Взяли также укрепленный город. Ван, в гаваре Тосп, сожгли, срыли

до основания. Оттуда тоже увели в плен пять тысяч семейств армян и восемнадцать тысяч семейств евреев.

Все это множество евреев, которое увели в плен из армянской страны, великий армянский царь Тигран привел из Палестинской страны в древние времена, когда он взял в плен и привел в Армению первосвященника евреев Гиркана. Великий царь Тигран всех этих евреев в свое время поселил в городах Армении. А в это время (персы) разрушили эти города, пленили их жителей, с ними вместе всю армянскую страну и гавары. Из всех этих гаваров, краев, ущелий и стран, вывели они пленных, пригнали всех в город Нахчаван, который был средоточием их войск. Этот город они тоже взяли и разрушили, и оттуда вывели две тысячи семейств армян и шестнадцать тысяч семейств евреев и увели вместе с другими пленными. В армянской стране оставили остиканов⁶⁸ и надзирателей, чтобы держать в подчинении оставшееся население страны, а сами, взяв царицу Парандзем с сокровищами и многочисленными пленными, пошли в персидскую страну и привели их в персидскую страну к царю Шапуху.

Когда царицу Парандзем привели в персидскую страну и представили царю всех пленных и сокровища из Армении и царицу Парандзем, то персидский царь выразил большую благодарность своим полководцам. Персидский царь Шапух захотел надругаться над родом (Аршакуни), над армянской страной и царством. Приказа собрать все свое войско, своих вельмож и низших служителей, и весь народ подвластной ему страны и выставить перед всей этой толпой царицу Армении Парандзем. И он велел построить на площади для соблазна некое сооружение, поместить в нем царицу и предоставить (всем) совершать с ней гнусный и скотский акт совокупления. Так они убили царицу Парандзем.

А все множество пленных они увели и поселили частью в Асорестане и частью в стране Хужастан.

Глава LVI

Мученическая смерть иерея Звита в персидской стране

Когда всех пленных из Армении привели в персидскую страну, то иерея города Арташата Звита тоже привели в цепях к персидскому царю Шапуху. Персидский царь Шапух посмотрел на Звита и увидел, что он высокого роста, стройный молодой человек, но волосы на голове седые, хотя борода еще черная. И как только начал говорить, сказал: «Видите злость этого человека? Уже по волосам видно, что он колдун, потому что волосы на голове у него седые, а борода черная». А иерей в ответ сказал: «Если говорить тебе хочется, то говори и делай, что хочешь, а что до волос моих, то знай, что они правильно поседели раньше, ибо им гораздо больше лет, раз они по крайней мере на пятнадцать лет раньше выросли, чем борода моя». Царь велел держать его до следующего утра. На следующий день он велел вывести его в цепях на площадь. Пришли царские остиканы и опросили, может быть он согласится принять религию магов, чтобы не умереть. Он не согласился и с радостью хотел умереть ради бога. Когда он пришел на место казни, просил палачей разрешить ему немного помолиться. И выступив вперед, он стал на колени и сказал:

Глава LVII

Молитва Звита перед смертью

«О наш создатель, который из ничего создал небо и землю, и море, который создал нас из земли, и нас земных снабдил разумом, словом и жизнью. Ты даровал нам свое знание, которое сообщил людскому роду через святых пророков, твоих предтеч; потом ты сам сошел (с неба), сделался человеком, появился на земле и ходил среди людей, и свою совершенную мудрость даровал своим созданиям, через своих апостолов проповедовал последователям своим в мире. И через святых учителей, которых поставил, как светочи в церкви своей, всех сделал мудрыми. И меня, недостойного, удостоил ты стать служителем твоим, мне страдальцу дал возможность воспитываться и учиться у служителя твоего святого и великого первосвященника Нерсеса и быть рукоположенным им в иереи, и быть посвященным им в священники тебе. В этом сане подготовил меня к тому, чтобы испытать подвижническую

чашу спасения, которую я выпью, славя имя бога, и обращу молитву свою к господу перед всем его народом. Тебе слава и могущество и власть и любимому твоему едиnorodному сыну Иисусу Христу и твоему животворящему святому духу, от века, ныне, и присно, и во веки веков».

Когда все это он сказал, то собравшаяся многолюдная толпа сказала: аминь. Тогда палачи обозлились, что позволили ему так долго говорить, и потому сейчас же повели его на место казни. А он с большою радостью подставил шею и умер от удара меча.

Глава LVIII

О приезде персидского царя Шапуха в Армению, об избиении всего оставшегося в стране населения и о неисчислимых бедствиях, которые оно испытало

После этого персидский царь Шапух со всеми подвластными ему войсками выступил и прибыл в армянскую страну. Предводителями у него были Ваган из рода Мамиконянов и Меружан из рода Арцруни. Пришли они, напали на армянскую страну, всех забрали в плен и собрали в одном месте. И многие из армянских нахараров оставили свои семьи, жен, детей, бежали, рассеялись в разные стороны. А напавшие собрали всех жен армянских нахараров и привели к персидскому царю Шапуху.

Лагерь персидского царя Шапуха находился в гаваре Багреванд, на развалинах города Зарехавана, разрушенного ранее пришедшими персидскими войсками. Сюда собрали, привели к персидскому царю всех пленных, взятых из оставшегося в армянской стране населения. И приказал персидский царь Шапух всех совершеннолетних мужчин бросить слонам на растоптание, а всех женщин и детей посадить на колья телег. Тысячи и десятки тысяч народа было перебито, и не было числа и счета убитым. А жён, бежавших нахараров и азатов, он приказал привести на площадь конских состязаний в городе Зарехаване. И приказал раздеть тех благородных женщин и рассадить тут и там на площади, а сам царь Шапух верхом на коне проезжал между женщинами, и тех, которые ему нравились на глаз, он поодиночке отводил к

себе для гнусного сношения, ибо шатер его был разбит возле площади, куда он и заходил совершать мерзостное деяние. Так он поступал с этими женщинами много дней. И все совершеннолетние мужчины Сюникского рода были перебиты, женщины умерщвлены, а мальчики по его приказанию были оскотлены и уведены в персидскую страну. Все это он делал, чтобы отомстить Андов-ку, за то, что он вызвал войну с персидским царем Нерсехом. И персидский царь Шапух приказал построить в наиболее неприступных местах Армении крепости и, назначив комендантов, разместил по частям благородных женщин по этим крепостям и приказал комендантам, чтобы буде их мужья не явятся с изъявлением покорности ему, то перебить их жен, которых он оставил у них. И в армянской стране он оставил правителями над ними Зика и Карена с многочисленным войском, а власть над оставшимся населением он передал Вагану и Меружану, а сам отправился в Атрпатакан.

Глава LIX

О Вагане и Меружане, о том, как много зла причинили они стране, в бытность свою в армянской стране, и как Ваган и жена его были убиты их сыном

После того Ваган Мамиконян и Меружан Арцруни, те два гнусных и нечестивых мужа, которые отреклись от заветов богопочитания и согласились почитать безбожную религию маздеизма, начали разрушать в армянской стране, во всех гаварах и повсюду христианские церкви и дома молитв. И многих людей, которые попадали в их руки, они заставляли отказаться от почитания бога и принять религию маздеизма. Далее Ваган и Меружан приказали крепостям, чтобы они заставили жен нахараров, мужья которых бежали, принять религию маздеизма, а если они не согласятся, то всех казнить лютой смертью. Коменданты крепостей, получив этот приказ, стали притеснять находившихся у них женщин, как было приказано. И когда ни одна из них не согласилась отречься от христианства, то всех казнили лютой смертью, во всех крепостях, где они были заключены.

У Вагана была сводная сестра из рода Мамиконянов, сестра Вардана, по имени Амазаспуи, которая была женой владельца Рштуникского гавара Гарегина. Ее муж Гарегин бежал тогда, когда персидский царь Шапух пришел в армянскую страну, а княгиня Рштуни содержалась в цитадели города Вана, в гаваре Тосб. А нечестивые Ваган и Меружан приказали коменданту крепости притеснять княгиню, а если она не примет религию маздеизма, то в таком случае свесить ее вниз с высокой башни и убить. Когда Амазаспуи не согласилась принять религию маздеизма, то ее повели на высокую башню, находившуюся на высокой вершине скалы, обращенной к озеру со сторону реки. Ее раздели донага, как мать родила, и, привязав ноги веревкой, повесили вниз головой с того высокого места, и так она умерла в висячем положении. Тело ее было белое, лучезарное и оставалось висеть как дивное видение. Тело ее светилось сверху снежной белизной, и многие люди изо дня в день приходили смотреть на нее, как на дивное видение для страны. Увидев Амазаспуи в таком виде, одна женщина, ее кормилица, надела короткий кафтан, который называется анаколос, подпоясалась кушаком и стояла, ждала внизу высокой башни, под высокой вершиной скалы, где повешена была ее питомица, пока все ее тело развалилось. И по мере того как кости падали вниз, она собирала их и клала за пазуху, и так она собрала все кости своей питомицы и отнесла к себе домой. И до того были злы те два мужа, что даже близких своих не щадили, а безжалостно мучили как чужих, так и своих. Во многих местах они построили капища, насильственно обращали людей в веру маздеизма, а в своих собственных владениях построили много капищ и своих детей, и родственников обучали религии маздеизма. Тогда один из сыновей Вагана, по имени Самвел, убил отца своего Вагана и мать свою Ормиздухт, сестру персидского царя Шапуха, а сам бежал в страну Халдик⁶⁹.

ПЯТАЯ КНИГА

Главы истории армянской страны – дома сынов Торгома

Глава I

**О воцарении Папа, находившегося в греческой стране, и приезде в
Армению, и вступлении в управление своей страной, и о том, как ему
удавалось все, что он предпринимал**

После всего этого Мушег, сын Васака, собрал всех людей из азатов, сколько их осталось, и вместе с ними отправился к греческому царю. И представил он мольбу армянской страны, рассказал о всех страданиях, которые претерпели они, и попросил императора поставить царем над армянской страной Папа, сына Аршака. Великий царь греческий поставил Папа, сына Аршака, царем над армянской страной, как он и просил его, и большую оказал помощь греческий царь, послав вместе с царем Папом в армянскую страну стрателата по имени Терентия и комита Адэ с шестью миллионами войска.

Они прибыли в армянскую страну; и Мушег сделался армянским лолководцемспарапетом вместо отца своего Васака. И все те люди в армянской стране, которые разбежались и скрывались, возвратились и собрались в одном месте. И царь, и все люди страны, и владетели больших и малых гаваров стали искать великого патриарха Нерсеса. Они, собравшись, искали великого католикоса Нерсеса, потому что знали, что он может молиться и просить бога о ниспослании благоденствия армянской стране и спасении от врагов, ибо, что бы он ни просил у бога, бог ему давал. Кроме того, он по своей мудрости мог бы давать им полезные советы. Поэтому они считали важным для себя разыскать того человека, который бы мог дать им полезные и мудрые наставления, и, глядя по обстоятельствам, своевременно давать полезные советы, дабы они могли итти по предстоящему им пути.

Тогда сам царь Пап поехал и разыскал патриарха Нерсеса (и) стал вместе со всею армянскою знатью умолять его, чтоб он, как отец всех армян, руководил ими, полезными наставлениями и молился за них богу. С большим трудом удалось им наконец уговорить его поехать с ними в царский стан, потому что со времени смерти Гнела до этого времени царствования Папа он не приезжал в царский стан. Теперь же им с большими мольбами удалось повезти его с собою в царский стан. И он был блюстителем и наставником их,

распорядителем и руководителем и всегда за них молился богу, мудро руководил ими и всегда принимал участие в их заботах, утолял их печаль своими молитвами и со всеми во всем поступал как отец.

После того спарапет Мушег привел в порядок и организовал все отряды армянских войск и сделал смотр всем войскам, собравшимся под его начальством, числом в десять тысяч бойцов. И организованные, вооруженные и готовые к войне отряды он вывел на парад с развевающимися знаменами и значками и показал в торжественной обстановке своему царю Папу, великому первосвященнику Нерсесу и греческим военачальникам Терентию и Адэ. И армянский царь Пап выразил большую благодарность полководцу Мушегу и пожаловал ему величайшие награды. Так же благодарили его военачальники ромеев. Патриарх Нерсес тоже благословил полководца Мушега и сказал: «Да благословит тебя господь Христос, да ниспошлет тебе успех и дарует тебе победу во все дни твоей жизни; через тебя, через твой род да спасет он армянскую страну навеки».

И армянский полководец Мушег организовал и приготовил отряд и с этим армянским отрядом пошел в качестве авангарда впереди царя Папа и греческого императорского войска. И достигнув во главе авангарда Миджнашхара Армении, Мушег в гаваре Даранали произвел смелое нападение (на врага) и убил персидских военачальников Зика и Карена, все войска их предал мечу, никого не оставил в живых. И заняв всю страну до самой границы, до города Гандзака в Атрпатакане, держал ее в руках.

И армянский царь Пап вступил в армянскую страну и стал царствовать там. Он взял все те сильные крепости, которые были захвачены персами, овладел также крепостью Даронк в стране Ког, где хранились сокровища Аршакидов в очень большом количестве; ибо комендантами были там преданные люди. И хотя с тех пор, как армянского царя Аршака увели в Персию, персы все время нападали на эту крепость, но не смогли ее взять, до того времени, когда царь Пап прибыл в армянскую страну, и эти сокровища целиком достались царю Папу. А греческие войска были размещены в Еранде и Бахишне и

распределены по всем гаварам армянской страны. Но только злодей Меружан бежал один верхом на коне.

И армянский полководец Мушег объехал страну, разрушил маздеистические капища, а маздеистов, сколько их попадалось, спарапет Мушег приказывал ловить и сжигать на огне. И многих комендантов крепостей казнили лютой смертью, и многих именитых азатов, пользовавшихся почетом у персидского царя, задержал Мушег и велел содрать с них кожу, набить сеном и выставить на стенах. Так он поступал во многих местах в отместку за своего отца Васака. И стали вновь обстраивать все те места, которые были разрушены врагами, восстанавливать церкви, и царство постепенно стало обновляться, и дела постепенно стали поправляться и сопровождаться успехом. А мудрый патриарх святой Нерсес руководил, просвещал, наставлял и упорядочивал: строил убежища для бедных, по прежней своей привычке, внедрял в управление страной наилучшие порядки, какие он видел при прежних царях. В особенности же он упорядочил богослужение для епископов, иереев и диаконов и обучал их; восстановил полностью здания церквей и часовен и благоустроил их.

А армянский спарапет Мушег по приказу своего царя Папа организовал свое войско, выступил к рубежам страны и оставался там, чтобы бдительно охранять границы и защищать страну.

Глава II

Об армянском полководце Мушеге, о том, как он напал на персидского царя Шапуха и учинил страшный разгром, так что Шапух один верхом на коне спасся бегством

Мушег, сын Васака, стрателат Великой Армении, отобрал сорок тысяч отборных и верных мужей из азатов и соплеменников, воодушевленных одним желанием и одной волей, приготовил для них лошадей, оружие и провиант и, взяв их с собой, пошел и засел на границе Атрпатакана, чтобы защищать армянскую страну. В то же время и персидский царь Шапух организовал и снарядил войско, и со всеми своими силами двинулся и прибыл в страну

Атрпатакан, и предводителем одного отряда его войска был Меружан, а основное войско царя осталось в Тавреше.

И армянский полководец и спарапет Мушег со своими сорока тысячами напали на лагерь (врагов) и разгромил их. Персидский царь Шапух спасся бегством один верхом на коне; а все остальное множество его войска Мушег во главе с армянским войском предал мечу. Многих убили, многих персидских вельмож пленили, и взяли в добычу сокровища персидского царя, захватили также царицу цариц вместе с другими женами. Спарапет Мушег захватил также весь царский шатер; а всех вельмож, числом до шестисот человек, армянский полководец Мушег приказал зарезать, содрать с них кожу и набить сеном и послал армянскому царю Папу. Так он поступил, чтобы отомстить за отца своего Васака.

Но оскорблять жен персидского царя Шапуха полководец армянский Мушег никому не позволил, а приказал приготовить для них паланкины и всех их отпустил на свободу к их мужу, царю Шапуху. Из персов тоже отпустил людей вместе с ними, чтобы они целыми и невредимыми отправились к персидскому царю Шапуху. Персидский царь удивился добродетели, храбрости и благородству Мушега, не нанесшего ему никакого оскорбления в отношении жен. В те времена у Мушега был белый конь, и персидский царь Шапух, когда при угощении в час веселья своего войска брал (чашу) вина в руки, говорил: «Белоконный пусть пьет вино». И на одной чаше он велел нарисовать изображение Мушега верхом на белом коне, и во время веселья эту чашу ставил перед собою и постоянно повторял одно и то же: «Белоконный пусть пьет вино».

А Мушег и все армянское войско взяли несметную добычу из персидского лагеря и непомерно разбогатели сокровищами и имуществом. Из добычи они выделили большую долю для царя Папа, также и для тех армянских войск, которые остались с царем Папом. Из добычи выделили также долю для греческих полководцев, которые были при армянском царе. Выделили также долю из взятой большой добычи и всем войскам.

Но когда армянские войска вернулись в свою страну, то многие из армянских войск обвиняли перед царем Папом спарапета Мушега, почему, мол, он отпустил на свободу жен персидского царя, нашего врага. По этой причине армянский царь Пап довольно враждебно относился к Мушегу долгое время.

Глава III

Об Айре Мардпете, о том, как царь Пап приказал убить его

Царю Папу рассказали о тех оскорблениях, которые Айр Мардпет нанес матери царя Папа, царице Парандзем, о надругательствах, которые он учинил ей, когда она была в осажденной крепости, ибо тогда он тайком пробрался в крепость, надругался над царицей, как над непотребной женщиной, и, выйдя, бежал. Все это рассказали царю. И вот, когда Айр Мардпет разъезжал по своим владениям в гаваре Тарон, и Мушег, армянский спарапет был в том же гаваре, в своем замке Вогакан⁷⁰, на реке Евфрат, то от армянского царя Папа приехал гонец к армянскому полководцу Мушегу и привез ему указ. В указе было приказано Мушегу лютой смертью казнить Айра Мардпета. Получив этот приказ, (Мушег) коварно послал человека к Айру Мардпету и пригласил его к себе в гости в замок Вогакан. Стояли холодные зимние дни, и река Евфрат замерзла. И приглашенный к нему для великих почестей Айр Мардпет прибыл в крепость Вогакан. Полководец Мушег приказал воинам схватить его, раздеть донага, как мать родила, связать ему ноги пониже колен, спустить на реку и посадить на речной лед. Там он и издох. На следующий день пошли и увидели, что головной мозг его от холода вытек из носу. Вместо него на должность Айра Мардпета (был назначен) некто, по имени Глак, который раз уже при царе Аршаке или при отце его Тиране исполнял ту же должность Мардпета.

Глава IV

О второй войне, имевшей место в гаваре Багреванд возле авана Багаван, между армянским царем Папом и персидскими войсками

После этого персидский царь снова собрал всю свою силу и могущество и со всеми войсками двинулся и пришел в страну Атрпатакан. Сам с небольшим количеством войск остался там, а все множество войск послал на войну против

царя Папа. Персидское войско совершило набег на Армению и дошло до Миджнашхара Армении. Тогда армянский царь Пап приказал сосредоточить войска в Багаване. Греческое войско, которое находилось в Еранде и Бахишне, тоже пришло и сосредоточилось около царя Папа, и они вырыли ров вокруг своего лагеря около горы Нпат, недалеко от реки Евфрат, организовались и подготовились к сражению.

Тогда армянский спарапет Мушег собрал все армянские войска числом более девяноста тысяч, организовал и привел в готовность. Когда же персидский царь Шапух распределял свои войска (чтобы послать их) против армянской страны и против греческих войск, то там у персидского царя находился албанский царь Урнаир. И вот Урнаир выступил перед персидским царем Шапухом и просил себе награды, говоря: «Храбрый из мужей, окажи милость и прикажи мне в виде награды самому со своим отрядом выступить против армянского войска царя Папа, ибо арийским войскам подобает выступить против греческих войск, а я со своим отрядом выступлю против армянских князей». Царь Шапух одобрил это, поблагодарил его и дал приказ. Но Меружан Арцруни в ответ сказал Урнайру: «Ты хочешь взять в охапку колючки, будет весьма удивительно, если сумеешь собрать». И Меружан через одного человека тайком послал весть армянскому полководцу Мушегу: «Знай и готовься, Мушег, ибо албанский царь Урнаир с большой похвалой просил предоставить тебя ему в награду, так что ты знай, что тебе делать».

Но когда персидские войска пошли походом на армян, то с ними был также и албанский царь Урнаир со своим отрядом. Албанский царь вступил в разговор с теми, кто находился при нем, и сказал: «Ныне же я вас предупреждаю, чтобы вы помнили, что когда мы заберем в плен греческие войска, то многих из них надо оставить в живых, мы их свяжем и отведем в Албанию и заставим их работать как гончаров, каменотесов и кладчиков для наших городов, дворцов и других нужд».

Когда оба войска – персидское и греческое – приблизились друг к другу и готовились уже вступить в бой, то армянский царь Пап сам тоже вооружился

и приготовился принять участие в бою. Но греческий полководец Терентий не позволил ему вступать в бой. Он сказал: «Греческий царь нас послал ради тебя, дескать, поезжайте, охраняйте его. И вот, если с тобою что случится, то мы с каким лицом предстанем перед нашим царем и какой ему дадим ответ; если мы здесь останемся в живых без тебя и прибудем к нашему царю, то мы головой будем отвечать перед нашим царем. Ты, царь, делай то, что мы говорим тебе, возьми патриарха Нерсеса, поднимись на гору Нпат, сядь в неприступном безопасном месте, и пусть святой патриарх Нерсес помолится и попросит бога ниспослать нам победу. Оттуда ты будешь смотреть сверху и увидишь наши старания и подвиги во время сражения, храбрость и трусость каждого, которые проявятся перед тобой».

Царь Пап согласился с этим предложением, взял с собою великого патриарха Нерсеса, поднялся и сел на горе Нпат. Греческие же и армянские войска опустились на место боя. Затем пришел также армянский полководец спарапет Мушег, принес к патриарху Нерсесу свои знаки и оружие для благословения, перед тем, как идти в бой. В это время царь Пап вспомнил старые разговоры и сказал: «Я вспомнил, что Мушег – друг персидскому царю Шапуху. Разве это не тот Мушег, который отпустил жен персидского царя Шапуха в паланкинах и с отрядом стражи. И то я слышал, что он ведет переговоры с персами. Пусть он не вступает в бой».

Тогда армянский полководец Мушег обратился к великому первосвященнику Нерсесу, прося его заступничества перед царем Папом. А царь Пап сказал патриарху Нерсесу: «Ты не заступайся, потому что как только он спустится, то присоединится к персидским войскам». Но (Нерсес) еще больше стал просить за него. И так как в то время царь ни в чем ему не отказывал, то сказал Нерсесу: «Пусть будет по-твоему, но раньше ты потребуй, чтобы он поклялся на деснице твоей в том, что не изменит нам и потом отпусти его в бой». Тогда призвали Мушега к царю. Он пришел, в ноги поклонился царю, потом, взяв десницу патриарха Нерсеса, поклялся. Также он взял руку царя Папа и поклялся, сказав: «Я буду жить и умру для тебя, как мои предки для твоих

предков, как мой отец для твоего отца Аршака. Я так же (умру) для тебя, только ты не слушай людей злословящих».

Затем армянский патриарх Нерсес благословил его великим благословением, а армянский царь Пап приказал подать своего коня и свое копьё храброму полководцу Мушегу. Но тот не взял. «Я, царь,» – сказал он, – «буду действовать тем, что у меня есть, а потом, что бы ты мне ни дал, я к твоим услугам». Он принес свой знак и оружие к Нерсесу, чтобы он благословил. Потом он сел верхом на коня вместе со своим отрядом и, построив к бою армянское войско справа от греческого войска, двинулся вперед на правом фланге.

А царь Пап и патриарх Нерсес остались на горе Нпат; и святой Нерсес, воздев распростертые руки к небу, просил господина пощадить верующих и святые церкви свои, приобретенные его благородной кровью, не предавать своего народа в руки безбожных язычников, дабы никогда язычники не могли сказать: а где бог их?

И пока он возносил молитвы к богу, армянское войско всем фронтом, как огонь, ринулось на персидское войско, а отряд Мушега, опередив все остальные отряды, стремительно бросился вперед, так что скрылся с глаз царя, и знаки Мушега более не видны были царю. Когда знаки более не были видны, Пап начал кричать и сказал Нерсесу: «Ты погубил и сжег меня; говорил же я тебе, не посылай этого человека в бой; вот он перекинулся к персидским войскам и много вреда нам он причинит». Патриарх Нерсес сказал: «Не думай таких вещей, царь; он не изменит нам; ты сам увидишь тот подвиг, который совершит твой слуга на твоих глазах».

А царь Пап неотступно просил патриарха Нерсеса, говоря: «Молись все время, умоляй бога, пока еще идет бой». Когда он уж очень пристал, то патриарх Нерсес сказал царю Папу: «Если ты обратишь свое сердце к господу, то он сжалится над тобою и над страной; если очистишь себя от скверных дел, он примет тебя и не выпустит из своих рук, не предаст тебя в руки твоих врагов. А я кто такой, что умоляешь меня, будто я, бедный человек, могу молить бога,

чтобы он вопреки своей воле не делал того, что желал, и тем изменить его решение. Ибо это он создал все из ничего, он держит в руках своих всю вселенную с ее обитателями, подобными саранче, он измерил небеса пядью и поместил в меру прах земли я взвесил на весах горы и на часах весовых холмы. Кто уразумел дух господя я был советником у него и вместе с отцом вершат все суды? И теперь еще восток и запад, север и юг положил он на весы, и еще держит высоко весы, и, глядя по тому, на какую сторону склонится чаша весов от тяжести каждого греха, сообразно тому и будет судить свои создания. Ибо он знает меру деяний своих созданий и всем воздает соответственно их делам, ибо теперь время бранить, порицать и судить; ибо теперь не люди выступили друг против друга сражаться и воевать, а судья судей восстал, чтобы судить мир. Следовательно, этот час – время суда. Кто осмелится в этот час открыть уста перед ним, или кто может знать намерение господя, да еще поучать его, ибо все от него (исходит) и через него (делается) и ему слава во веки. Ибо, если господь воздает нам по нашим делам, то мы не можем противиться его воле и просить у него чего-либо, а должны сказать: справедливо ты поступил во всем с нами, о господи, праведен ты, и все дела твои истинны; пути твои правы, и все суды твои истинны. Ты совершил истинные суды над нами во всем, что навел на нас, ибо по истине и по суду навел ты все это на нас за грехи наши. Ибо согрешили мы и поступили беззаконно, отступивши от тебя, и во всем согрешили, заповедей твоих не слушали; не их и не поступали, как ты повелел нам, чтобы благо нам было от тебя. И все, что ты навел на нас, и все, что ты сделал с нами, сделал по истинному суду – ибо суды твои благи. Но не предай нас навсегда ради имени твоего. Избави нас силою чудес твоих и дай славу имени твоему, господи, дабы никогда не оставались в стыде уповающие на тебя. Да постыдятся со всем могуществом своим, и сила их да сокрушится, и да познают, что ты господь бог един и славен во всей вселенной. И всюду во всем да наполнится только твоя всемогущая воля, ибо ты могуч, и силен, и справедлив во всем, и милостив к скорбящим и страждущим. Пользу нашу ты знаешь, господи, предоставь нам, что тебе угодно; ибо если полезны нам

страдания, то умножь их, и если угодна тебе милость, даруй нам ее. Ибо какова воля господя на небе, да совершится так, и каким жезлом хочешь наставить нас, мы в твоих руках во всякое время. Прости, господи, беззакония, грехи и преступления рабов твоих, ибо кто тот человек, который не совершает преступлений или не грешит перед тобой; ибо никто и ни один человек не праведен на земле. Ибо только ты без греха, и только ты справедлив, который создал нас из ничего и даровал нам эту жизнь, и показал нам путь к жизни и спасению, и нас земных сделал мудрыми и разумными, и стал нашим искупителем, чтобы сподобить нас бессмертию. Вспомни церковь свою, добытую святою твоею кровью, и то, что посвящено тебе, не отдавай собакам; ты всегда милосерден, отстрани гнев свой и негодование от верующих в тебя и спаси церковь свою, о господи, боже наш».

И так (Нерсес), стоя на горе, говорил это и много подобного и еще больше этого в присутствии царя Папа, тоже стоявшего на горе, и возносил он многие и разнообразные молитвы до вечера, до заката солнца, когда кончилось сражение.

А во время сражения бог оказал помощь грекам, и победа досталась армянскому войску. Персидские войска потерпели поражение, обратились в бегство и рассеялись по полям, по высоким горам и глубоким ущельям. Их преследовали греческие и армянские войска, настигали, избивали вообще и старых, и малых, немногие из многих, у которых были хорошие кони, сумели спастись бегством. За бегущими бросились армянские войска, многих перебили по дороге и таким образом преследовали персидские войска до Гандзака в Атрпатакане, до границ Армении.

И армянский спарапет Мушег бил жестоким боем персидские войска и, дождавшись встречи с албанским отрядом, разгромил и эти войска. Он настиг также албанского царя Урнаира, когда тот бросился бежать. Подъехав близко, он концом своего копья долго бил его по голове, приговаривая: «Будь благодарен, что ты царь и носишь венец на голове, я царя не убью, если даже

мне достанется за это». И он позволил ему бежать вместе со своими всадниками в албанскую страну.

А когда все армянские войска вернулись, то не было числа тем вражеским головам, которые армянский полководец Мушег доставил к армянскому царю Папу. Так и все нахарары и вельможи и все, всякий в свою меру. Это была большая победа для армянской страны и для греческого войска. Они обогатились большой добычей – сокровищами, оружием, украшениями, золотом и серебром, многими предметами утвари, лошадьми, мулами и верблюдами, отнятыми (у персов). Добыча была очень большая, числа и меры не было ей.

Но вот подло оклеветали полководца Мушега перед великим царем Папом, сказав: «Знай, царь, что весьма вероломно поступает он (Мушег) по отношению к тебе и ждет твоей смерти, ибо он всегда отпускает на свободу твоих врагов; много раз ловил твоих врагов и опять отпускал; так он отпустил царя Урнаира и даровал жизнь твоему противнику, который уже находился в его руках». По этой причине происходили частые раздоры между царем Папом и полководцем Мушегом, и часто по этой причине (Пап) бранил его. А полководец Мушег отвечал царю Папу и говорил: «Я перебил всех своих товарищей, а те, кто носит венец, не мои товарищи, а твои. Поди, как я убил своих товарищей, так и ты убей своих, а я на царя, на человека, носящего венец, не поднимал, не поднимаю и не подниму руки. Если хочешь меня убить, то, убей, я же, если в руки мне попадет царь, как часто случалось, не убью царя, который носит венец, если б даже меня убили».

Царь Пап, услышав эти слова, прослезился, сошел с трона, схватил Мушега, обнял его, плакал, обхватив шею Мушега, и сказал: «Повинны смерти все те, что дерзает злословить на Мушега, этого храброго и почтенного мужа. Он человек, который происхождением так же благороден, как мы, и его предки так же были благородны, как наши предки; его предки оставили царство страны ченов и приехали к нам, и жили и умирали для наших предков; и отец его умер за моего отца, и сам он верно служил нам, и много раз бог руками

его, молитвами и мольбами отца нашего чудесного Нерсеса посылал нам победу и даровал нам мир. Как могут мне сказать, что Мушег ждет моей смерти? Он чистосердечный человек, если иноземных царей он пощадил по своему благородству, то как он может поднять руку на прирожденных своих государей». И тогда царь Пап пожаловал полководцу Мушегу много наград и почестей и много деревень.

Глава V

О другой войне между армянами и персами в Гандзаке Атрпатаканском, и об уведомлении Урнаира, и об одержании победы и на этот раз армянским войском

Албанский царь Урнаир тайно послал весть Мушегу, послал к нему человека и осведомил его, говоря: «Очень благодарен тебе за то, что ты не убил меня; бог предал меня тебе в руки, а ты пощадил меня; этой твоей любви я не забуду, покуда я жив. Но я уведомляю тебя, что персидский царь Шапух готовится со всеми своими войсками неожиданно напасть на тебя». Тогда греческий стрателат организовал все подначальные ему войска и, выступив с ними из атрпатаканской страны со стороны Гандзака, пошел к пределам Армении. Также и армянский полководец Мушег сосредоточил в одном месте все армянские войска, состоявшие из девяноста тысяч отборных мужей, хорошо вооруженных, с копьями в руках, не считая щитоносцев. Эти тоже согласно полученным сведениям заблаговременно поспешили к своим границам. Только царь остался в армянской стране. Патриарх Нерсес тоже остался в стране и приказал во всей стране возносить молитвы за войска, пошедшие на войну.

А персидский царь Шапух со всеми своими войсками прибыл на место военных действий и увидел, что греческие войска и армянские войска находятся в полной боевой готовности. Оба фронта сшиблись друг с другом, и персидское войско потерпело поражение. Особенно полки копьеносцев, яростно нападавая, мужественно сражались и валили с коней на землю своих противников на глазах у персидского царя Шапуха. Когда валили на землю,

все армянские бойцы одобрительно кричали: «Бери, храбрый Аршак». Всякий раз как в этой войне убивали врага, его посвящали своему прежнему царю Аршаку, говоря: «Будь жертвой нашему царю Аршаку». Когда соперникикопьеносцы из азатов группой нападали на персидских копьеносцев и сваливали их, то с воодушевлением говорили: «Бери, храбрый Аршак», а когда этих соперников резали и обезглавливали, то говорили: «Будь жертвой Аршаку».

А все множество легионов, то есть греческое войско щитоносцев, как и армянские щитоносцы, защищали тыл армянского войска, укрывшись за щитами, наподобие укрепленного города в тылу (сражающихся). Когда персидские войска начинали несколько теснить греческие войска или армянские полки копьеносцев, они входили за прикрытие греческих легионов щитоносцев или армянских щитоносцев, как в крепость, и отдыхали. А отдышавшись немного, они вновь выходили оттуда и нападали и бесчисленное количество персов валили, убивали и обезглавливали, произнося те же поощрительные слова о царе Аршаке; и бесчисленное множество персидских войск было перебито.

Потом, когда персы чуть начинали одолевать их, они опять укрывались как в крепость за легионами щитоносцев, которые раздвигали свои щиты, впускали их и опять сдвигали. В этот день греческое войско, и их стрателат Терентий, и армянские полки, и их спарапет Мушег рубили и уничтожили персидские войска. Персидский царь Шапух с немногими людьми бежал с поля сражения. А эти поставили пограничную стражу и вернулись в великолепном состоянии к своему царю Папу, стяжав славное имя и огромную добычу.

А царь Шапух, прибыв в подвластную ему страну, выражал свое удивление по поводу храбрости сражавшегося войска, того, что он сам видел. «Удивился я, говорил он, тому, что я видел. С детства начиная, я бывал в сражениях и войнах, много лет я уже состою царем, у меня и года не проходило без войны, но самая горячая схватка была та, которую я видел в этот раз. Ибо, когда армянские копьеносцы шли вперед, то так наступали они, будто это была

высокая гора или огромная, мощная, незыблемая башня, а когда мы их несколько теснили, то они укрывались за ромейскими легионами, которые; раздвинув сомкнутые щиты, впускали их к себе, словно как в крепость, огороженную стеною. И там, передохнув немного, они снова выходили и бились, пока не истребили арийские войска. Еще другому обстоятельству я удивляюсь, это – единодушной верности и царелюбию армянского войска, ибо столько лет их государь Аршак потерян для них, но они воодушевлялись им во время боя. Когда они сваливали своих соперников, то всегда говорили: «бери, Аршак», а его не было среди них; они же из чувства любви и верности, которое они питали к своему прирожденному государю, каждого убитого ими противника посвящали ему. Или тот яростный отряд Мушега; мне так казалось, что из этого отряда извергается пламя и огонь, и знаки так сверкали, будто пламя пожара полыхает в тростниках. Столько уже лет, как государь их Аршак потерян для них, находится в крепости Андмиш, в стране Хужастан, а они по любви своей так считали, будто он стоит во главе их как царь или находится в их отряде и руководит военными действиями, и они стоят перед ним и служат ему. Да, говорил он, блажен тот, кто является государем армянского войска, столь верного, единодушного и преданного войска».

Глава VI

О Глаке Мардпете, который был назначен правителем пограничной области, о том, как он стал сообщником персидского царя и обещал предать в его руки армянского царя, и об убийстве Глака по приказу царя Папа

Греческий полководец Терентий и полководец армянских войск Мушег оставили Глака⁷¹ Мардпета, который по должности своей назывался отцом царя в Гандзаке, в качестве правителя пограничной области, находившейся на границе между Персией и Арменией. Оставили при нем тридцать тысяч отборного войска – хорошо вооруженных копьеносцев, со щитами, защищенных панцырями в полной готовности. А Терентий и Мушег со всеми своими войсками пошли (в Армению) к царю Папу. А Глак Мардпет тайно

послал посланцев к персидскому царю Шапуху и обещал предать в его руки армянского царя Папа, греческого полководца Терентия и армянского полководца Мушега и (за это) получил от него в награду очень много сокровищ. Но остальные великие нахарары, находившиеся при нем, Гнел – владетель гавара Андзевацик – и другие, оставшиеся там, тайно об этом сообщили царю Папу.

Тогда царь Пап послал гонцов к Глаку Мардпету сказать: «Собери войска, находящиеся под твоим начальством, и сдай Гнелу Андзеваци, а сам поскорее приезжай, ибо я должен послать тебя к персидскому царю Шапуху с заявлением о том, что я подчиняюсь ему». Услышав это, Глак Мардпет очень обрадовался про себя, думая, что ему будет легко теперь осуществить свое намерение, как обещал персидскому царю Шапуху; теперь, мол, найден путь для того, чтобы на словах усыпить Папа, сделать его беспечным и спокойным и сразу неожиданно поставить над его головой персидского царя. Сам про себя радовался, что сделался посредником между двумя царями, поспешно послал конного гонца в Араратский гавар в большое село, по названию Ардеанк, в царское поместье, к армянскому царю Папу, и сам приехал, предстал перед ним и был принят с большими почестями. Ко времени ужина царь Пап приказал одеть Глака Мардпета в благородные одежды. На него надели долгополую одежду и штаны. Одежда была несуразно велика и складками ниспадала вниз, и настолько просторна, что он был весь окутан ею и не мог приладить на себе. Надев эту просторную одежду, он подпоясался кушаком, на котором висела шашка, и меч привязал к поясу, а с пояса ниспадала складка одежды и прикрывала шашку и меч. Надев штаны и обувь, он привязал к бедру кинжал, но складка штанов ниспадала на кинжал и закрывала его до голени, и Глак не догадывался, что эта просторная одежда и есть беда на его голову. В девять часов вечера позвали Глака и сказали: «Тебя приглашают во дворец на ужин». Когда его ввели в коридор царского дома, – коридор был длинный и имел многочисленные ерды для света (отверстия в потолке для света), – и вели по коридору, кругом стояли секироносцы, прикрытые щитами, а все световые

ерды (световые отверстия) были закрыты. И щитоносцы, окружив его, теребили его. Он же, хотя хватался рукою за оружие, но никакого оружия достать не мог, потому что оно застревало в складках одежды.

Сам Глак был крупный плечистый человек, с крепкими и крупными костями, но секироносцы окружили его, подняли и так отнесли к дверям в царскую столовую. Царь, увидев, что его несут туда, сказал: «Не сюда, не сюда, а отнесите его в гардеробную». И воиныщитоносцы, связав ему руки назад, повели его по коридору в гардеробную, то есть туда, где цари надевали венец. Там Глак начал говорить и сказал: «Скажите царю, положим я заслужил эту смерть, но тебе подобало убить меня на площади, а не в комнате, где хранятся венцы, и венец свой замарать кровью». Он только это успел сказать, сейчас же в гардеробной зарезали его, отрезали голову, посадили на копье и выставили на дворцовой площади.

Глава VII

О смерти Аршака, царя армянского, о том, как он пал от своей руки в стране Хужастан, в крепости Андмиш, и причиной его смерти был Драстамат

В те времена был еще жив армянский царь Аршак и находился в подвластной персидскому царству стране Хужастан, в крепости Андмиш, которая называется также крепостью Ануш. В это время прекратились военные действия персов против армян, ибо царь кушанов Аршакидской династии, сидевший в городе Балхе⁷², затеял войну с персидским царем Шапухом из Сасанидской династии. Царь Шапух собрал все персидские войска и повел их на войну против него, также он собрал всю конницу, приведенную в плен из армянской страны, я повел с собою, даже взял с собою на войну евнуха армянского царя Аршака.

У армянского царя Аршака был евнух, преданный царедворец, любимый евнух⁷³, пользовавшийся большою властью и большим почетом, по имени Драстамат. Когда началась война между кушанским царем и персидским царем, то кушанские войска весьма притеснили персидские войска, многих из

персидских войск перебили, многих забрали в плен, а остальных прогнали, обратили в бегство. А евнух Драстамат, как во дни армянского царя Тирана, так и во дни сына его, армянского царя Аршака, был правителем гавара Ангелтун и верным хранителем сокровищ крепости Ангел и всех царских крепостей, находившихся в той стороне. Также сокровища, находившиеся в крепости Бнабех в стране Цопк, находились в его ведении, и подушка его была выше подушек всех других нахара ров. И так как эта должность и это так называемое мардпетство Айр поручались евнухам с древнейших времен существования царства Аршакуни, то и этого евнуха Драстамата, князя Ангелтуна, увели в плен в Персию тогда, когда был взят армянский царь Аршак.

Этот Драстамат был в том сражении, в котором кушаны разгромили персидского царя Шапуха. Драстамат выказал чудеса храбрости, так сражался за царя Шапуха, что спас его от смерти, много перебил кушанов и много вражеских голов преподнес ему. Он спас персидского царя Шапуха, когда в суматохе боя враги окружили его и стали теснить. А когда персидский царь Шапух вернулся в страну Асорестан, то он принес большую благодарность Драстамату за его услуги, и сказал ему царь персидский Шапух: «Проси у меня, чего хочешь; дам, что попросишь, не откажу». И Драстамат сказал царю: «Мне (лично) ничего не нужно от тебя, но ты разреши мне поехать и повидать прирожденного государя моего, армянского царя Аршака. И на один день, когда я прибуду к нему, повели освободить его от оков и разреши мне вымыть ему голову и помазать благовонным маслом, облачить его в благородные одежды, накрыть для него стол, поставить перед ним кушанья, подать ему вина и усладить его музыкой, один целый день». Царь Шапух сказал: «Тяжела для меня просьба твоя, ибо с тех пор, как существует персидское царство, и крепость та была названа Ануш, не было среди смертных человека, который бы осмелился напомнить о комлибо, заключенном царями в ту крепость, и назвать этого человека, заключенного в ту крепость, а уж подавно, если это царь и мой товарищ заключен в ту крепость, мой противник, столько времени,

мучивший нас. Но ты обрек себя на смерть, напомнив об Ануше, что вовсе не дозволяется законами Арийского царства от самого начала. Но так как велики твои заслуги передо мною, то пусть будет исполнена твоя просьба, ступай, то, что ты попросил, будет дано тебе. Но было бы лучше, если б ты для собственной пользы просил либо страны, либо гавары, либо сокровища. Но раз ты попросил это, то пусть это будет исключением из законов Арийского царства. Ступай, да будет дано тебе то, что ты попросил взамен твоих заслуг». И он дал ему верного телохранителя своего и грамоту за царской печатью, с разрешением отправиться в крепость. Андмиш и, как пожелает, как просил, так поступить с заключенным Аршаком, бывшим некогда армянским царем. И Драстамат прибыл с телохранителем и царской грамотой в крепость Ануш и увидел прирожденного государя своего; и освободил он Аршака от железных оков, от ручных и ножных кандалов и от тяжелой цепи, стягивавшей ему шею, вымыл ему голову, выкупал его, облачил его в благородные одежды, накрыл стол для него, усадил его, поставил перед ним ужин по обычаю царей и поставил ему вина, как подобает царям; он старался оживить его, утешить и развеселить музыкой гусанов⁷⁴.

Когда пришло время десерта, то ему подали фрукты – яблоки, огурцы и амич⁷⁵– и дали нож, чтобы он мог резать и есть, как хочет. А Драстамат, стоя на ногах, очень веселил его и утешал. А когда он выпил, и вино ударило ему в голову, он охмелел и почувствовал гордость в себе и сказал: «Горе мне, Аршаку, и это я, до чего я дожил и именно со мной случилось, это происшествие?» Сказав это, он вонзил себе в сердце нож, который держал в руке и которым собирался резать фрукты или амич, и тотчас же умер на месте, где сидел. Драстамат, увидев это, бросился к нему, вытащил нож из его тела и вонзил себе в бок. И он тут же умер в тот же час.

Глава VIII

О том, как прекратилась война со стороны персов, после чего спарапет Мушег стал воевать с теми, кто восстал против армянского царя, и

**рядом жестоких сражений отвоевал много земель. Раньше всего о
владениях армянского царя в Атрпатакане**

Потом, когда прекратилась война с персами, и (армяне) с этой стороны были обеспечены, тогда армянский спарапет Мушег стал громить тех, кто восстал против царства Аршакуни. Сперва он отвоевал владения армянского царя в Атрпатакане. Все гавары атрпатичев⁷⁶ он опустошил, много пленных взял у них, остальных покорил и обложил данью, и взял у них много заложников.

Глава IX

О Ноширакане

Мушег разгромил также восставших страны Ноширакан, которые восстали против армянского царя. Взял страну, опустошил и забрал пленных, а у остальных взял заложников и жителей страны подчинил и обложил данью.

Глава X

О Кордуке, Кордике, Тморики

Спарапет Мушег ударил и по этим гаварам, восставший против армянского царя, а именно по Кордуку, Кордику и Тморику; взял пленных, опустошил, оставшихся обложил данью и взял у них заложников.

Глава XI

О марах

Страну маров он также жестоко разгромил, потому что они тоже восстали против армянского царя; многих из них взял в плен, остальных обложил данью и взял у них заложников.

Глава XII

Об Арцахе

Он разгромил и страну Арцах в большом сражении, многих жителей взял в плен, у остальных взял заложников и обложил их данью.

Глава XIII

Об Албанах

Пошел войною также на страну албанов и жестоко разгромил их. Отнял у них много гаваров, которые ими были захвачены – Ути, Шакашен и Гардманадзор.

Колт и сопредельные им гавары. Реку Куру сделал границей между своей страной и Албанией, как было раньше. Многих из главарей убил, остальных обложил данью и взял у них заложников.

Глава XIV

О каспах

Потом спарапет Мушег жестоко отомстил стране парсиев⁷⁷ и городу Пайтакарану, ибо жители этой страны отложились от армянского царя и изменили ему. Спарапетполководец Мушег, прибыв туда, многих из них казнил, отрубив головы, многих взял в плен, а остальных обложил данью, взял у них заложников и там оставил правительственных чиновников.

Глава XV

Об иверах

Потом спарапет Мушег пошел на иверийского царя, жестоко притеснил и разгромил его, покорил всю иверскую страну, предал мечу всех азатов и все нахарарские роды, которых нашел. Спарапет Мушег приказал распять на кресте Пар[н]авазеанов в иверийской стране, а бдэшха Гугарка, служившего раньше армянскому царю и под конец восставшего, схватив, обезглавил и истребил мужское поколение его рода, а женщин и дочерей увел в плен. И вообще всех нахараров в этой стране, восставших против армянского царя, обезглавил, весь гавар вновь покорил и взял заложников, а остальных обложил данью. И заняв территорию до старой границы, которая была между Арменией и Иверией, то есть до большой реки Куры, вернулся оттуда.

Глава XVI

О гаваре Алдзник

После того полководец Мушег обратился на страну Алдзник и нанес жесточайшие удары этой стране, ибо они (жители ее) тоже восстали против армянского царя. Бдэшх Алдзника был схвачен, в его присутствии были убиты его жены, а дети были уведены в плен. Остальных (жителей) он (Мушег) обложил данью и оставил в Алдзнике тоже правительственных чиновников.

Глава XVII

О МецЦопке

Оттуда он пошел походом на МецЦопк, который тоже восстал. Мушег разгромил МецЦопк, предал мечу знатные роды, взял заложников и знать обложил данью.

Глава XVIII

Об Ангелтуне

В Ангелтуне тоже многих он перебил и предал мечу. Но так как страна эта издревле была остан аркуни (т. е. царской областью), то жители области и сами пребывали в повиновении и платили дань.

Глава XIX

О гаваре Андзит

Потом Мушег предпринял поход на гавар Андзит и разгромил его вместе с сопредельными гаварами, ибо они тоже восстали против царства Аршакуни. Владетелей гаваров он предал мечу, взял заложников, покорил и всех вообще обложил данью и подчинил армянскому царю Папу.

Глава XX

Об армянском спарапете Мушеге

Храбрый армянский полководец и спарапет (Мушег) во все дни своей жизни был полон рвения, верой и правдой служил всегда и работал для пользы армянской страны и государства. Ночью и днем он был на работе; прилагал все усилия, вел войны, не допускал, чтобы хоть пядь земли была отторгнута от пределов армянской страны. Он жизнь свою положил за армянскую страну. Полководец Мушег всегда мужественно воевал ради своего доблестного имени, ради своих прирожденных государей, ради жителей страны, ради христианской веры, ради верующих в бога и крещеного во имя Христа народа, ради церквей, посвященной им утвари, ради храмов во имя христовых мучеников, ради служителей бога, ради сестер, братьев, близких родственников, верных друзей. Он жизнь свою положил за страну, жизни

своей не щадил, во все дни своей жизни он работал для прирожденных своих государей Аршакуни.

Глава XXI

О патриархе Нерсесе, о том, какой он был человек и что творил

А армянский патриарх Нерсес восстанавливал все разрушенные места в армянской стране, опекал и утешал, лечил и оберегал всех неимущих, для прокаженных и неимущих готовил убежища. Всюду строил церкви, обновлял разрушенные, восстанавливал и исправлял все нарушенные порядки. Назидал и ободрял, наставлял и порицал, являл многие знамения и величайшие чудеса, совершал много чудесных исцелений. И законом строго стращал; кого благословлял, тот делался благословенным, кого проклинал, тот делался проклятым. Во всех пределах армянского государства и во всех гаварах он умножил число служителей (церкви), всюду назначил блюстителей – епископов, и все время, пока был жив, внимательно следил за делами, находившимися в его ведении и власти.

Глава XXII

О царе Папе, о том, как он был одержим бесами и как он себя вел

А царь Пап, когда еще был новорожденным младенцем, нечестивая мать его Парандзем посвятила его бесам, поэтому он с детства был одержим бесами. Так как он всегда исполнял волю бесов, то и не хотел искать исцеления, а всегда возился с бесами, и бесы чародейственно показывались на нем, и каждый человек с открытыми глазами видел на нем бесов. Ибо, каждый день, когда люди приходили к царю приветствовать его с добрым утром, то видели, что (бесы) в образе змеев выползали из-за пазухи царя Папа и обвивали его плечи. Все, кто видел, боялись подходить близко, а он им говорил в ответ: «Не бойтесь, они мои». И все люди всегда видели такие существа на нем. В нем угнездились в большом количестве бесы и всегда показывались людям, которые приходили повидать царя. Когда же к царю входили патриарх Нерсес или святой епископ Хад, то бесы исчезали, делались невидимыми...

Глава XXIII

О том, как святой Нерсес порицал царя Папа и враждовал с ним изза его грехов

А святой армянский патриарх Нерсес всегда давал отпор царю Папу, бранил его, порицал его на основании многих установленных данных. И за многочисленные его злодеяния он не позволял ему ступать на порог церкви и входить в церковь. Всегда бранил его, порицал и наставлял его, чтобы он отказался от пагубных дел, исправился, всегда призывал его к покаянию. Он приводил ему выдержки из священного писания, устрашал его вечными муками последнего суда, чтобы заставить его отрезвиться и исправиться, и пойти по пути справедливых порядков и чистых дел.

А царь Пап его вовсе не слушался и даже противился ему и враждовал с ним, ждал его смерти и хотел его убить, но из страха перед греческим царем он не осмеливался даже на словах оскорбить его открыто или применить строгость к нему, а не то что умертвить его. Но и народ (армянской) страны, и войска не допустили бы так поступить с человеком, от которого зависели все люди армянской страны, из-за его праведных дел, святого поведения, мирного руководства, а также за явленные им чудесные знамения; все смотрели на него, как на небесного ангела. И царь питал злобу к нему, искал способа убить его, но открыто высказывать даже не осмеливался это, а не то его войска убили бы его. Ибо все люди прибегали к его молитвам, и вообще все очень любили его – и великие и малые, почтенные и отверженные, азаты и шинаканы.

Глава XXIV

О смерти великого первосвященника Нерсеса, о том, как убил его царь Пап

А царь Пап все время враждовал с великим первосвященником за то, что тот порицал его за злодеяния и грехи, ибо человек божий Нерсес всегда порицал его. Он (царь) не хотел образумиться, исправиться и не мог сносить постоянных нареканий порицателя, поэтому он задумал убить великого первосвященника бога – Нерсеса. Но так как нельзя было делать это открыто,

то он лицемерно так представил, будто исправился и умолял первосвященника бога назначить ему покаяние. Он пригласил его в свой дворец в местечко Хах в гаваре Екелиац, велел приготовить для него ужин, упросил божьего человека сесть на царское седалище, будто таким образом он сумеет очиститься от своих злодеяний и тогда он принесет покаяние.

Посадив его на первое место, сам царь, сняв мантию, стоял на ногах во время ужина, подавал чистое вино человеку божьему Нерсесу и тут, примешав к напитку⁷⁸ смертоносный яд, поднес ему. Выпив чашу (Нерсес) сейчас же догадался (в чем дело), начал говорить и сказал: «Благословен господь наш бог, удостоивший меня испить эту чашу и ради господя принять эту смерть, к которой стремился я с детства. Итак, я приму эту чашу опасения и призову имя господне, чтобы он меня удостоил достичь света – удела святых и получить свою долю наследия. А тебе, о, царь, подобало, как царю, открыто приказать убить меня; ибо кто бы мог запретить тебе или кто бы мог удержать твою руку и отвести от того дела, которое ты хотел совершить? А ты, господи, прости им это деяние, которое они совершили против меня, прими душу раба твоего, ты, дарующий покой всем труженикам и свершитель всех благ».

Сказав это и много такого, он встал и ушел в свои покои. Вместе с ним вышли из царской трапезной и пошли все великие армянские нахарары, и спарапет армянский Мушег и Айр Мардпет, и вообще все те, кто был в трапезной, пошли с ним в его покои. И войдя в свои покои, он раскрыл подрясник и показал около сердца посиневшее место, величиною с хлебец. Великие нахарары предлагали ему тюраке (териак)⁷⁹ и противоядия, чтобы спасти его, но он не принял, отверг и сказал: «Для меня великое благо то, что мне привелось умереть за бдительное отношение к заповедям Христа. Вы сами знаете, что все, что я говорил вам, говорил публично; нужно было, чтобы и смерть достигла меня публично, чего я желал; но мне выпал благой жребий вместе с избранниками (бога), и мой удел приятен мне. Благословляю господя, даровавшего мне этот жребий, и очень рад, что скоро расстанусь и уйду из этого незаконного и нечестивого мира». Еще много другого сказал он им,

предостерег их, просил всех строго блюсти себя и соблюдать заповеди господни.

После этого кровь хлынула комьями изо рта его и продолжала вытекать около двух часов. Потом он встал, стал на колени и просил даровать прощение своему убийце. Затем он помянул в молитве всех людей, близких и дальних, презренных и почтенных, помянул в молитве даже тех, кого вовсе не знал. Окончив молитву, он, воздев к небу руки и очи, оказал: «Господи Иисусе Христе, прими мою душу». Сказав это, он испустил Дух.

И тело человека божьего святого Нерсеса взяли служители церкви и епископ Фавстос, глава служителей Трдат, и армянский спарапет Мушег и Айр Мардпет, и все азатское царское войско и из местечка Хаха, где совершилось убийство, отвезли в селение его, в местечко Тил. Святого похоронили с пением псалмов, гимнов, с зажженными лампадами, с большой церемонией и многими поминовениями. Но когда еще не было погребено тело святого, сам царь Пап пришел, обвил тело и похоронил в усыпальнице мучеников. А царь Пап прикидывался невинным, будто ничего не знает и не сам совершил это дело.

Глава XXV

О видении, явившемся святым мужам пустынноикам Шалите и Епифану, когда они еще жили в горах

Было два пустынноика монаха, которые жили в горах. Один, по имени Шалита, был сирийцем и жил на горе Арюц, другой, по имени Епифан, был греком по происхождению и жил на большой горе на месте богов (капищ), которое называют Атор Анаит (т. е. престолом Анаиты). Они оба были учениками святого великого Даниила, о котором мы упомянули выше. И вот, когда оба они сидели каждый на своей горе, в тот час, когда умер святой Нерсес, каждый из них видел со своей горы открытыми глазами среди бела дня, что человек божий Нерсес как будто возносится в облака; ибо ангелы божьи уносили его ввысь, и сонмы их встречали его. Пустынноики, увидев это видение, удивились этому явлению. Но Шалита, живший на горе Арюц, будучи опытным человеком, понял, что скончался святой Нерсес, и сам он видит его душу. А

Епифан так понял, что святой Нерсес в теле своем вознесен был на небо. И вот оба они, спустившись со своих гор, со всею поспешностью прибыли в гавар Екелиац, порасспросили, узнали, что святой патриарх Нерсес скончался, и пришли в селение Тил и увидели место, куда он был положен. Тут эти преданные люди, встретив друг друга, в присутствии народа рассказали то, что видели. И были мужи те ангельского поведения, росли и жили в пустыне, могли также творить величайшие чудеса, и всем были известны и знакомы дела их.

Глава XXVI

О святом Шалите

Этот Шалита был святым человеком, был учеником великого Даниила, с детства рос в пустыне и с пустынниками питался травой. После кончины святого Нерсеса отправился в гавар Кордук, творил знамения и чудеса, жил среди львов, и более двадцати львов всегда сопутствовали ему повсюду. Бывало, когда чтонибудь болело у зверей, приходили они, окружали его, дергали его и знаками объясняли, чтобы он вылечил. Раз большой лев занозил лапу тростником; пришел лев к святому Шалите и, подобно человеку, подняв лапу, показал рану и знаками просил полечить его. А святой Шалита вытащил тростник, засевший в ране, плюнул на рану и, сняв платок с головы, повязал им лапу льва и вылечил.

Так он творил тысячи всяких чудес, и звери были спутниками его жизни, когда он скитался в пустыне во все дни его жизни. Когда он приходил к реке, то в обуви проходил по речной воде, не промолив обуви. А когда он приходил в какое-нибудь село, то знамениями и чудесами многих заблудших обращал в святую веру и исцелял больных.

Он был очень стар. Все ждали его смерти, чтобы овладеть его телом. Святой Шалита, зная, что многие люди ждут, чтобы овладеть его телом, просил бога, чтобы никто не мог везть его тело. И однажды, когда он по обыкновению переходил через реку в Кордуке, пока стоял на воде, вдруг погрузился в воду и скрылся святой Шалита, согласно своей просьбе, как и просил. Печальное

известие распространилось по гавару, собралось огромное множество людей, которые запрудили реку и отвели воду в другую сторону, и искали тело святого Шалиты, но нигде не могли найти, ибо он заранее просил об этом бога, и просьба его была исполнена.

Глава XXVII

О святом Епифане

Блаженный святой Епифан был товарищем святого Шалиты и учеником великого Даниила; он тоже с детства рос в пустыне. После смерти великого первосвященника Нерсеса он поселился в МецЦопке, в пустынной местности по названию Мамбре, на реке по названию Мамушег. Он жил в пещерах, постоянно пребывал со зверями пустыни, и к нему собирались медведи и барсы. Он всегда находился в пустыне, совершал великие знамения и чудеса, многих заблудших обращал из язычества в христианство, в стране Цопк он настроил монастыри, назначил учителей повсеместно в стране Цопк, и был святой Епифан светом для страны Цопк и всемерно просвещал народ.

Он пошел также в страну Алдзник, просвещал и там; настроил в стране Алдзник монастыри и построил часовню во имя мучеников в городе Тигранакерте, и там совершали поминовение святых, чтобы их заступничеством спаслась страна, сам тоже совершал чудеса и вернулся в свое жилище. И около реки Мамушел был родник, из истоков которого выходило много рыбы, и многие люди ловили эту рыбу и пользовались. Однажды два брата поссорились между собой изза рыбы, и один убил другого. Епифан, услышав об этом, сказал: «Отныне пусть никто не ест рыбы оттуда». И сейчас же рыба там прогоркла, как желчь, и горькая она по сей день, и никто теперь там рыбы не ловит. Много и других чудес, и знамений совершал он.

В этих гаварах святой Епифан установил надлежащие порядки, а сам, взяв своих учениковотшельников, живших в горах и пустынях, пятьсот человек, — отправился в греческую страну. По дороге, когда они шли, им встретилась женщина одна. Проходя мимо женщины, Епифан стал испытывать учеников и сказал: «Какая красивая и приятная женщина!» Один из молодых учеников

сказал: «Женщина, которую ты похвалил, была слепа на один глаз». Святой Епифан сказал: «А ты зачем посмотрел ей в лицо; видно, у тебя нечистые помыслы». И сейчас же он этого молодого человека удалил от себя и прогнал. Сам пришел к большому морю, и они на судах переправились на пустынный остров. Остров этот был полон змей; гадюки и василиски обитали там, а также много лютых ядовитых зверей. По прибытии же святого Епифана на этот остров звери оттуда удалились, оставили остров и ушли. После этого никакого вреда им не причинялось, и они зажили там спокойно. Там стал жить святой Епифан и на том же острове скончался.

Глава XXVIII

О величайших знамениях и чудесах, явленных богом в Мамбре после ухода Епифана

Святой Епифан, удалившись из гавара Цопк, из места своего отшельничества, которое называлось Мамбре, оставил там многочисленных братьев монахов, одинаково верующих христианских иноков, живущих в горах отшельников, назначив, над ними главою одного иерея. Были среди них и такие, которые с детства никакой другой пищи не знали, кроме овощей, и пили воду, а вкуса вина даже не знали, каков он.

Был среди них брат один аскет, который держался предосудительного поведения и совершенно отказывался пить из животворящей чаши, дающей надежду на воскресение, то есть кровь господа нашего Иисуса Христа. Ибо он не мог верить в то, что вино на алтаре божьем действительно претворяется в кровь сына божьего, а думал, что оно остается тем же вином, поэтому он часто спорил со многими.

Однажды, когда совершали обряд благодарственной литургии в церкви, построенной святым Епифаном, и принесли святой хлеб и вино и поставили на алтарь, где служилась литургия, чтобы оно претворилось в кровь, то этот неверующий брат был там же в церкви. Иерей поднялся, стал перед святым престолом и, прежде чем служить литургию, воздел руки над престолом и сказал:

«Господи боже всемогущий, создавший все из ничего, создавший человека из земли живым и нетленным; люди преступили заповедь твою и вследствие этого грехопадения осуждены были на смерть, и ты справедливым своим судом изгнал их из сладостного рая в этот мир, из (земли) которого ты их создал, и они были обречены на смерть. Но ты, преблагий боже, не оставил их, а попечением и благодатью едиnorodного твоего (сына) обновил свои создания вторым рождением и во многих образах посетил свои создания. Послал ты пророков, явил разные чудесные силы и знамения руками своих святых, которые у разных народов стали твоими угодниками; дал законы, чтобы помочь, послал ангелов, чтобы надзирать. А когда пришло окончание времен, поговорил с нами через посредство своего едиnorodного сына, с которым создал ты мир, который является отображением твоей славы, образом твоего существа, который переносит все мощным словом, который, будучи по природе и по почету равным отцу, явился на землю как вечный бог, походил среди людей, получил плоть от святой девы, принял образ слуги и уподобился нам немощным, дабы сподобить нас своей славы. Ты нас спас от всякого соблазна и заблуждения, упразднил на земле всякое безнадежное маловерие, и всем своим созданиям ты даровал надежду и веру в воскресение и подобие твоему образу и лику, и всем вообще даровал жизнь той верой, которую укрепил в людях. (Все это сделал) не ради праведности нашей, ибо мы никакого блага не сделали на свете, а ради твоей милости и сострадания, которые ты распростер на нас, осмеливаемся просить тебя, сердцеведа, разбирающегося в сердцах и почках людей. Ты, господи, ведающий сердца всех, знаешь истинное подвижничество этого человека, который ведет строгую аскетическую жизнь, но в нем не хватает веры; так ты придай ему веры в размере одного горчичного зерна, чтобы он не пропал. О добрый пастырь, вышедший искать пропавшую овцу, жизнь свою положивший за своих овец, спаси его тоже от маловерия, которым он одержим, чтобы враг не похитил его, и чтобы созданный по образу и подобию твоему не подвергся вечной гибели».

Эту молитву совершил он перед литургией, потом начал литургию и завершил все священнодействие. Сказав: «Отче наш, иже еси на небесех», он стал на колени и еще долго молился. И в то время, когда он стоял на коленях и молился, маловерный брат, стоя на ногах, снизу, с амвона смотрел на алтарь и открытыми глазами увидел величайшее чудо. Он увидел Христа, сошедшего на алтарь, раскрывшего рану на боку, образовавшуюся от поранения копьем, и от раны на боку кровь сочилась по капле в литургийную чашу, стоявшую на алтаре. Маловерный брат монах, увидев это, ужаснулся и задрожал, заволновавшись и растерявшись, повалился на землю, с онемевшими устами, обессиленный и бездыханный лишился чувств.

А иерей, встав (с молитвы) закончил таинство святой литургии и когда спускал с амвона святое причастие, увидел того брата, который лежал без чувств на земле. Дав причастие кому следовало, он остатки опять отнес и поставил на алтарь. и, спустившись вниз, тронул брата и увидел, что он в обмороке лежит на земле. Принес воды, sprysнул ему на уста; когда же тот, наконец, вздохнул и очнулся, то встал и рассказал веденное им великое чудо. Тогда иерей захотел дать ему причастие, но тот брат не согласился и не принял причастия, так как считал себя недостойным. Но он вырыл себе яму и в ней семь лет приносил покаяние в грехе маловерия и через семь лет почел, что покаяние его завершилось, вышел (из ямы) чтобы причаститься вместе с другими. И опять опускался в ту же яму во все дни своей жизни, и в той же яме брат этот скончался. Затем скончался и тот иерей, и оба они были погребены внутри часовни, в обители Епифана, где это чудо явилось.

Глава XXIX

Об Иусике, который происходил из рода епископа Албиана и которого царь Пап назначил на место Нерсеса по своей воле, без великого архиепископа кесарийского, вследствие чего после этого прекратилась власть армянских католикосов рукополагать епископов

После смерти патриарха Нерсеса царь Пап назначил на его место епископа Иусика, который был из рода маназкертского епископа Албиана. Приказал он

ему занять место патриархов и иметь власть убитого им (Нерсеса), и он занял его место.

Но кесарийский архиепископ услышал, что великого патриарха Нерсеса убили и на его место назначили Иусика, без его повеления, вопреки прежнему обычаю, согласно которому везли к кесарийскому архиепископу для рукоположения. По этой причине кесарийский архиепископ весьма разгневался. Было созвано синодское собрание епископов Кесарийской области, которое написало гневную грамоту патриарху (Иусику). Также написана была грамота царю Папу и упразднена власть (армянских) католикосов (с установлением), что впредь армянский патриарх будет иметь право благословлять хлеб царской трапезы, но не будет иметь права рукополагать епископов для Армении, как искони было заведено. С того времени упразднилось право армянских (католикосов) рукополагать епископов, и с тех пор лица, предназначенные в епископы из всех гаваров и областей Армении, ездили в город кесарийцев и там рукополагались во епископы, ибо с того времени армянская страна лишилась этого права, и с тех пор не осмеливались рукополагать епископов; но тот, кто среди епископов был старшим, только садился выше и благословлял трапезу царей. А тот (Иусик) был христианином, но не осмеливался никого упрекать, ибо был труслив и покладист и только по воле царя достиг почета; он держался молча и спокойно во все дни своей жизни.

Глава XXX

О том, как оплакивали патриарха Нерсеса и тосковали по нем

После того, как Пап убил святого патриарха Нерсеса, все впали в глубокую печаль, и все люди армянской страны в один голос твердили и говорили: «Слава армянская закатилась, ибо праведник божий ушел из нашей страны». Князья и нахарары тоже говорили: «Теперь мы знаем, что наша страна погибла, ибо невинно пролилась праведная кровь, тем более, что он умер за бога». Армянский спарапет Мушег тоже говорил: «Невинно пролилась кровь божьего святого; отныне я уж не смогу пойти против врага или действовать

копьем против кого-нибудь. Ибо я знаю, что бог оставил нас, мы покинуты и не сумеем поднять головы, я знаю, что с этих пор не будет больше победы над врагами армянской страны, ибо победы мы одерживали благодаря молитвам усопшего и его рода». И во всех пределах Армении, от края до края, оплакивали его азаты и шинаканы, все жители дома Торгома, все вообще люди, говорящие на армянском языке.

Глава XXXI

О том, как после смерти патриарха Нерсеса царь Пап, движимый завистью, упразднил все те порядки, которые установил при жизни Нерсес

Армянский царь Пап, хотя и убил Нерсеса, патриарха армянской страны, но не довольствовался его смертью, а старался расстроить и уничтожить все те хорошие порядки, которые Нерсес установил в церкви. И стал он с завистью относиться к ранее установленным им порядкам. Открыто приказал разрушить сиротские и вдовьи приюты в стране, построенные Нерсесом в разных гаварах, и разрушить женские монастыри в разных гаварах и местечках, которые построил тот же Нерсес и укрепил стенами, чтобы предохранить от похищения (монахинь). Ибо блаженный Нерсес при жизни своей построил эти женские монастыри во всех гаварах, чтобы все давшие обет целомудрия верующие женщины собирались там и проводили жизнь в посте и молитве, и чтобы пропитание они получали от мира и от своих семей. Царь Пап приказал разрушить эти монастыри, а монахинь, давших обет целомудрия, отдать на мерзкое сожительство.

Опять тот же Нерсес основал больницы во всех краях, учредил для них продовольственные и лечебные средства, и назначил верных людей для надзора за больными и немощными, поручил это дело таким людям, которые имели страх божий и ждали пришествия Христа и вечного суда. Царь этих управителей прогнал с их должностей, а учреждения приказал разрушить и уничтожить. Он прогнал надзирателей управителей, назначенных над нищими и неимущими, и всей подвластной себе стране приказал: «Бедные пусть

выходят собирать милостыню, никто да не осмелится нести им туда что-нибудь, пусть они скитаются, просят, умоляют и потом получают какое-нибудь подаяние». И порядок приношения по издавна заведенному обычаю птуга и тасанорда⁸⁰ (десятины) в пользу церкви (он отменил), приказав по всей стране, чтобы никто не давал.

При жизни патриарха Нерсеса, из страха перед ним, никто не осмеливался в армянской стране отнимать чью-либо жену и оставлять свою жену, которую взял под фатой и свадебным венцом, с благословением, и не осмеливался брать другую жену.

При жизни Нерсеса, если кто-нибудь умирал, то никто не осмеливался вне церковного канона безутешно плакать над умершим, выть и рыдать, и причитать над умершим, а только со слезами, с пением приличествующих псалмов и гимнов, с лампадами и зажженными свечами провожали (тело) умершего. После же его смерти всякий получал разрешение царя нагло оставлять свою жену; были люди, которые меняли по десяти жен, и вообще все впали в беззаконие. По смерти Нерсеса, когда оплакивали умерших, мужчины и женщины составляли хороводы, при звуках труб, кифар и арф⁸¹, с растерзанными руками и лицами, при омерзительных, чудовищных плясках, совершаемых друг против друга, били в ладоши, и таким образом провожали умерших.

А во дни Нерсеса во всей армянской земле совсем не было видно бедных, просящих подаяния, а все люди заботились о них и носили все, что им нужно, в их убежища или приюты, так что они были обильно снабжаемы всем необходимым. После же смерти патриарха, если кто-нибудь заботился о покое бедных, то он подвергался тяжелым наказаниям со стороны царя.

Во дни Нерсеса в армянской стране с большою торжественностью совершалось богослужение, было множество священнослужителей, по установленному чину. При нем поминовения святых мучеников всегда совершались повсеместно в Армении с большою торжественностью при большом стечении народа. Отцы епископы во всех гаварах Армении

пользовались высоким уважением по их достоинству; монашеские установления как в населенных, так и в ненаселенных местах процветали. Все это после его смерти упразднилось и уничтожилось.

Во время первосвященничества Нерсеса во всех вообще гаварах, селах и деревнях Армении по приказу первосвященника были построены странноприимные дома и больницы, и все люди армянской страны милосердно доставляли средства питания, памятуя бедных, притесняемых страдальцев, чужестранцев, угнетенных, живущих в чужой стране и в чужом доме, прохожих гостей. Над ними святой Нерсес назначил управителей и определил содержание из разных мест. А после его смерти царь Пап все это разрушил, пограл честь церкви, упразднил многие порядки и благоустройство, установленные патриархом Нерсесом, и предал забвению. После его смерти многие люди обратились к прежнему идолопоклонству, во многих местах Армении воздвигли идолов с разрешения царя Папа, ибо некому было упрекать, некого было стесняться, а каждый смело поступал так, как хотел; поставили много изображений и поклонялись им.

Кроме того, царь Пап урезал от церкви ту землю, которую во времена великого первосвященника Григория пожаловал царь Трдат во всей армянской стране для обслуживания церкви, ибо из семи участков этих земель пять он отобрал в пользу казны и оставил только два участка. И по счету земель в каждой деревне оставлял двух служителей – одного иерея и одного диакона – а остальных, то есть братьев и сыновей иереев и диаконов, подчинил себе. Ему так казалось, что он так поступает вопреки воле Нерсеса, на зло ему, вследствие вражды, которую он питал к живому, обратив ее к умершему. А о том он не думал, что этим он сам себя губит.

И в это время во всей армянской стране ослабели порядки церковного служения.

Глава XXXII

О царе Папе, о том, как он отвернулся от греческого царя и как был убит греческими войсками

И царь Пап изменил свое намерение, отвернулся сердцем от греческого царя и захотел установить любовь и согласие с персидским царем. Стал опираться на персидского царя, послал к нему послов, чтобы установить согласие. Затем он послал послов, к греческому царю, (сказать): «Вместе с Кесарией еще десять других городов были наши, верни их; и город Урха (Эдесса) построен нашими предками, поэтому, если не хочешь, чтобы возникла ссора между нами, верни; в противном случае возникнет большая война между нами». Хотя Мушег и все армянские князья очень уговаривали царя не расторгать договора с греческим царством, но он не послушался их и явно показал свою вражду к греческому царю.

А греческие военачальники и их войско еще находились в армянской стране; имя одного из военачальников было Терентий, другого – Адэ. И греческий царь тайно послал посла к военачальникам, бывшим при его войсках в Армении, и приказал убить армянского царя Папа. Получив это приказание от своего царя, греческие военачальники в Армении ждали удобного случая, чтобы убить армянского царя Папа. Удобным оказалось то время, когда греческие военачальники Терентий и Адэ узнали, что армянский царь Пап один, что армянские вельможи и войска не находятся при нем и что лагерь царя Папа находится в поле, в гаваре Багреванд, в местности по названию Ху, а лагерь греческих войск находился близ лагеря армянского царя; тогда греческий полководец устроил торжественный прием и пригласил великого армянского царя Папа на ужин с большим почетом, согласно его сану, как приглашают царя на торжественную трапезу; все было устроено и приготовлено.

Царь Пап, придя на ужин, вошел и сел за еду и питье. И когда царь вошел в палатку греческого полководца Терентия, воины щитonosцы легиона, со щитами в руках, с секирами за поясами, стояли на страже внутри, кругом у стен палатки, также и снаружи (за палаткой) стояли наготове хорошо вооруженные (воины), а поверх оружия имели обыкновенную одежду. А царь Пап сам про себя думал, что так делают, чтобы оказать ему честь. И в то время,

как за ужином он ел, секироносцывоины стояли позади, окружив его со всех сторон. Когда начали пить, первую чашу веселья подали царю Папу, и сейчас же заиграли барабанщики и флейтисты, арфисты и трубачи со всем благозвучием (своих инструментов). Щитоносцамлегионерам был дан приказ, и в то время, как Царь Пап держал пальцами чашу с вином и глядел на пеструю труппу гусанов, и в то время, когда, левой рукой опершись на локоть, пальцами держал золотую чашу, а правую руку держал на рукоятке меча, привязанного к бедру, в то время, когда поднес он чашу ко рту, чтобы выпить и, глазами впившись смотрел на разношерстную толпу гусанов, греческим воинам был дан знак глазами. И два секироносцалегионера, которые стояли позади на услужении, со щитами с золотыми заклепками, внезапно вместе подняв секиры ударили царя Папа, один прямо рубил ему шею, другой секироносец ударил по кисти правой руки, которая лежала на рукоятке меча, и, отрубив, отбросил. Царь Пап упал ниц головою; чаша с вином, хлынувшая из горла кровь и тело его – все это вместе покатилося и свалилося на скатерть. И тут царь Пап умер. Когда в трапезной поднялся шум и смятение, владетель гавара Андзевацик Гнел встал с места, где сидел, обнажил меч и убил одного из легионеров, ударивших царя. Тогда полководец Терентий, вытащив свой меч, ударил по голове Гнела, раскрыл ему череп пополам. И больше никто не осмелился сказать им ни одного слова.

Глава XXXIII

О том, какой совет держали потом армянские князья и как они стерпели
И все великие армянские князья собрались вместе, и спарапет Мушег и Айр Мардпет и все князья говорили: «Как нам быть, что делать, отомстить ли нам за нашего царя или нет?» Наконец, на совете было принято следующее решение: «Мы не можем служить язычникамперсам и враждовать с греческим царем или же враждовать с ними обоими, потому что без помощи одного из них мы не можем обойтись». И на совещании было принято такое решение: «Что было – было. Будем опять служить греческому царю, подчинимся власти

греческого царя, пусть цари греческие поступают с нами, как хотят». И больше уже не думали о мести или о чем-либо таком, а молча стерпели.

Глава XXXIV

О воцарении после Папа царя Вараздата над армянской страной

После смерти армянского царя Папа греческий царь поставил царем над армянской страной некоего Вараздата, который был из того же рода Аршакуни. Он с большою пышностью прибыл в армянскую страну и стал царствовать в армянской стране. Он был молод годами, мужествен, могуч руками, храбр сердцем, но был легкомыслен, как дитя неразумное, незрел умом. Но когда его увидела вся армянская знать, тогда вельможи и нахарары съехались к нему, радуясь, что он стал их царем.

А армянский спарапет Мушег предводительствовал над армянами и бдительно охранял границы Армении и, как заведено было у него, следил за благоустройством страны и давал добрые советы молодому царю Вараздату. И всегда он заботился о царстве армянской страны, чтобы оно было благоустроено, и всегда благонамеренно старался, чтобы царство было прочно. Он советовался с греческими военачальниками и через них с императором, о том, что нужно в армянской стране строить города, в каждом гаваре, в котором один город, в котором два, с крепкими стенами, для размещения в них гарнизонов по всей Армении, до пограничного пункта Гандзака, служившего границей между Персией и Арменией; а также (решили) всех армянских азатов вооружить на императорские субсидии, равно как и войска армянской страны, чтобы таким образом принять все предосторожности против их врагов – персидских войск. И греческий царь с большою радостью соглашался исполнить это, чтобы всеми этими мерами прочно и неразрывно связать с собою страну и не дать персидскому царю завладеть армянской страной.

Глава XXXV

О том, как армянский царь Вараздат, вняв словам злоумышленных и безрассудных людей, убил армянского полководца Мушега

Но когда великие армянские нахарары увидели, что армянский царь Вараздат – легковверный юноша, не умеет отличать зла от добра, стали после этого водить царя по своему желанию, направлять его, как хотят. Он больше слушался молодых людей, которые были одного с ним возраста, чем мудрых старцев, которые бы могли дать ему полезные советы.

А Бат, нахапет рода Сахаруни, который был пестуном и воспитателем царя Вараздата, замыслил отнять у Мушега должность полководца и спарапета. Поэтому он начал нашептывать питомцу своему царю Вараздату о нем, говоря: «Исстари, с древних времен, Мамиконяны губили ваш род Аршакуни, потому что они с самого начала были вашими противниками; они поедали всю армянскую страну, в особенности Мушег, злой и коварный человек. Ибо он любил ваших врагов и ненавидел ваших друзей и всегда поступал с вами коварно, двулично и злонамеренно. Разве это не тот Мушег, который в царствование Папа, во время войны с персами, несколько раз имел возможность убить персидского царя Шапуха, но не убил, а отпустил на свободу врага. И раз еще захватил в свои руки жен царя Шапуха и бережно и заботливо в паланкинах отправил их вслед царю Шапуху. Разве это не тот Мушег, который поймал албанского царя Урнаира, но не захотел убить его, а отпустил врага на свободу? Это не тот Мушег, по приказу которого и по совету, которого греческие полководцы убили, даря Папа? Ибо это он поссорил греческого царя и настроил его против царя Папа, чтобы заставить убить его. Так нужно ему погибнуть от твоей руки, он не должен жить. И если ты не поспешишь, царь, то он задумал теперь построить в армянской стране много городов, удобных для военного постоя, чтобы разместить там греческие войска. И после того либо греческий царь отнимет у тебя армянское царство, либо этот Мушег убьет (тебя) и сам станет царем». И такими речами постоянно тайком настраивали царя, пока он согласился убить армянского полководца и спарапета по их желанию.

Потом стали советоваться, как схватить его, потому что очень боялись его. «Если он догадается,» – говорили они, – «то поднимет большую войну, и

никто не сможет устоять против его храбрости; нужно придумать какое-нибудь средство – употребить хитрость». И так они выжидали. И вот однажды армянский царь Вараздат приказал устроить большой ужин с большими приготовлениями и приказал пригласить к ужину всех старейших почетных людей, вельмож и полководца Мушега. Вараздат заранее подготовил отборных, сильных, крепких людей, чтобы они готовы были действовать – внезапно, врасплох, неожиданно напасть на Мушега. Он очень веселил гостей, много поил их вином и очень развлекал. Царь Вараздат заранее дал сигнал своим подготовленным убийцам, что «когда увидите, что спарапет Мушег опьянел до бесчувствия, я встану, как бы для того, чтобы выйти за нуждой, вы в это время окружите его». Все чрезмерно выпили, опьянели. Но Вараздат воздерживался от вина. Когда Вараздат заметил, что (все) опьянели до бесчувствия, он встал, как бы для того, чтобы идти помочиться, и все сидевшие за столом вельможи встали, чтобы почтить его. И вдруг люди, которым он приказал, двенадцать человек сразу сзади схватили Мушега, шесть человек за одну руку и шесть человек за другую. Когда царь встал (Мушег) посмотрел на него (вопросительно): за что, мол, это? И царь в ответ сказал ему: «Пойди к царю Папу, спроси и узнаешь, за что это?» Сказав это, царь направился к двери и вышел. И Мушег сказал: «За столько моих услуг, за пролитые мною кровь и пот, за то, что стрелами утирал себе пот, такое вознаграждение мне? Но лучше бы было, чтобы эта смерть постигла меня на коне»... Это он только успел сказать и больше ничего. Сейчас же Бат Сахаруни, воспитатель царя Вараздата, вытащив меч, висевший на бедре, вонзил в горло полководцу Мушегу и тут же отрезал ему голову. Тело его взяли и отвезли в его селение.

Глава XXXVI

О нелепых представлениях у семьи Мушега и других людей

И когда тело спарапета Мушега понесли в его дом, к его семье, то родственники его не верили его смерти, хотя и видели голову, отрезанную от туловища. Они говорили: «Он бесчисленное множество раз бывал в боях, и ни одной раны не получил, ни одна стрела не попадала в него, и никаким другим

оружием он не был ранен». Другие же надеялись, что он воскреснет и потому приставили голову к туловищу, пришили и поместили на кровле одной башни. Они говорили: «Так как (Мушег) был муж храбрый, то арлезы⁸² сойдут и воскресят его». Поставили стражу и ждали его воскресения, пока, наконец, разложился труп его. После того снесли его с той башни, оплакали и погребли, как надлежало.

Глава XXXVII

О возвращении Манвела из персидского плена, мщении за Мушега, изгнании из армянской страны царя Вараздата и о захвате им армянской страны в свои руки

А царь Вараздат должность полководца и спарапета поручил Бату, нахапету рода Сахаруни, который был его воспитателем, ложно оклеветавшим и убившим Мушега. Он стал вместо Мушега полководцем и спарапетом всех армян. Нахапетом же и танутэром рода Мамиконянов царь назначил Ваче из того же рода Мамиконянов.

В это время вернулись из персидского плена два брата из рода Мамиконянов, которых увел в плен царь Шапух; имя одного было Манвел, другого – Комс. Ибо в это время персидский царь, который был из рода Сасанидов, вел войну с великим царем кушанов, который был Аршакуни и сидел в городе Балхе. И когда персидские войска шли войною на кушанов, то персидский царь Шапух со своими войсками послал и тех мужей, которых привел в плен из Армении. С ними пошел и Манвел со своим братом Комсом. Когда во время сражения войска обеих сторон столкнулись друг с другом, персидское войско потерпело поражение от войск кушанов и, получив жестокие удары, обратилось в бегство. (Кушаны), настигнув войско персов, никого из них не оставили в живых, даже одного живого человека не осталось, чтобы весть принести. Но Манвел, сын Арташена, из рода Мамиконянов, и брат его Комс, совершив величайшие подвиги храбрости в том же сражении, спасли свою жизнь, и из персидских войск только эти двое пришли пешком и дошли до персидского царя целыми и невредимыми, совершив много подвигов.

Но персидский царь очень был огорчен тем, что войска его были перебиты; он еще больше обозлился и рассвирепел, когда увидел, что из всех его войск только они уцелели и пришли. Рассердившись на них, обругав, он прогнал их из пределов своей страны и отпустил их в их страну.

И они пустились в путь, направив стопы свои к своей стране. Оба брата шли пешком, оба они были огромных размеров, крепкого сложения, как великаны. В пути Манвел не мог идти пешком, ибо у него болели ноги. Тогда его брат Комс взвалил его себе на спину и понес этого невероятно огромного человека, делая по десяти фарсахов⁸³ (в день), пока не доставил его в армянскую страну. Когда Манвел со своим братом Комсом прибыл в армянскую страну и когда их увидел Ваче, который до их прибытия был нахапетом (Мамиконянов), то он вручил ему (Манвелу) свой княжеский патив, полученный от царя Варздата, потому что тот был старшим в роде. Таким образом Манвел получил патив танутэра и нахапета своего рода, а Ваче стал вторым.

Добившись славы своего владычества, Манвел прежде всего без приказа царя Варздата захватил власть полководца и спарапета. То, что искони принадлежало его предкам и что царь Варздат (отняв у них) пожаловал своему воспитателю Бату, эту власть Манвел вернул себе.

А после того армянский спарапет Манвел послал посланца к царю Варздату и сказал: «Мы всем родом с древних времен верою служили вам, Аршакуни, жизнью жертвовали нашей для вас, жили и умирали для вас; все наши предки первыми умирали в войнах ради вас; Васак, отец Мушега, погиб ради царя Аршака; мы всегда старались и мучились ради царствования вашего рода. И вот, вместо того, чтобы вознаградить нас за наши заслуги, вы, Аршакуни, перебили тех, кто не погиб от врагов и остался жив. Вот храбрый муж, мой брат Мушег, который с детства посвятил жизнь свою вам, перебил ваших врагов, а других прогнал, которого враги не смогли убить, ты его схватил и задушил, когда он сидел за столом. Но ты и не Аршакуни, а родился от блуда, потому и не узнал радетелей за Аршакуни. Мы даже не слуги вам, а товарищи вам и выше вас, ибо наши предки были царями страны ченов и вследствие

возникших между братьями раздоров, дабы не было большого кровопролития, мы удалились оттуда, и для того, чтобы обрести мирный покой приехали и обосновались (тут)⁸⁴. Первые цари Аршакуни знали, кто мы и откуда мы; но ты, так как не Аршакуни, то уйди из этой страны, чтобы не погибнуть от моей руки».

А царь Вараздат послал посланца с ответом и сказал: «Если я не Аршакуни, то как возложил на себя венец моих предков Аршакуни и овладел страной моих предшественников, л отомстил за дядю своего Папа брату твоему злодею Мушегу? Но что ты не из этой страны, это ты сам сказал, что мы из страны ченов, там были царского происхождения и сюда прибыли как чужестранцы. Значит, не обрекай себя на смерть подобно брату твоему (Мушегу), я по своему добронравию отпускаю тебя, соберись и уезжай в страну ченов, живи там в своей стране и царствуй в твоей стране. Если же не захочешь уехать, то умрешь от моей руки, как и Мушег умер».

После того, как много раз посланцы успели поехать и приехать и с каждым разом оскорбительнее становились речи, которыми они обменивались, тогда они (Вараздат и Манвел) назначили время для взаимной встречи в бою. В назначенный час они сошлись и вступили в бой друг с другом. Царь Вараздат со своим войском прибыл на место сражения в хорошем вооружении и боевой готовности. И спарапет Манвел еще в большей готовности. Он прибыл со своим отрядом туда же, и на Каринском поле отряды обеих сторон столкнулись.

Царь Вараздат и спарапет Манвел с копьями в руках выступили друг против друга соперниками. Когда царь Вараздат при выступлении поднял глаза, посмотрел на спарапета Манвел а и увидел величину его роста, красоту его фигуры, крепкое его сложение, его железные крепкоскованные неуязвимые доспехи с ног до головы, сильного коня и несокрушимые конские доспехи, то в мыслях он сравнивал его с высокой неприступной горой. Но, видя смерть перед глазами, он напал, ибо другой надежды на спасение не имел. Но так как царь Вараздат был молод и не очень сведуш, в бою, то, увидев его (Манвела)

в таком виде, подумал, что копьё не может пробить броню его (доспехов), поэтому он что было силы в руке ударил копьём в рот полководцу Манвелу, а Манвел схватил за древко копьё; оторвав от него острие, он выдернул через щеку и выбил себе много зубов, самое же копьё он вырвал из рук царя.

И царь Вараздат обратился в бегство перед полководцем Манвелом, а Манвел, настигнув его, держа в руке острие, древком копья бил по черепу царя Вараздата и так гнал его четыре аспареза⁸⁵. Сейчас же наехали сыновья Манвела Амаяк и Арташес, с копьями в руках, с намерением убить царя. Манвел же закричал вслед своим сыновьям: «Ой, не будьте цареубийцами!» Они, услышав голос своего отца, сейчас же поспешно отъехали от царя. В этот день царский отряд потерпел поражение от отряда Манвела. Не мало убитых лежало на поле; много было пронзенных, изувеченных, раненых, многие нахарары были убиты, и многие бежали от погони.

Покуда отряд Манвела преследовал бегущих, один сепух⁸⁶ из рода Мамиконянов по имени Амазаспян проходил мимо лежавших трупов и проколотых раненых. Среди них находился Гарегин, владелец гавара Рштуник, который лежал на земле, но был жив, цел и невредим. Этот Гарегин раньше был зятем Амазаспяна, женат был на его сестре Амазаспуи. Он, в бытность царя Шапуха в армянской стране, оставил свою жену и бежал. Затем персы увели эту Амазаспуи в гавар Тосп, в город Ван, и там повесили на высокой башне, стоящей на скале, и таким образом убили ее.

А в тот день, когда Гарегин лежал вместе с другими павшими, его шурин Амазаспян⁸⁷ проезжал мимо него. Гарегин окликнул его: «Господин Амазаспян, мне тоже помоги, прикажи привести коня, чтобы я мог сесть верхом». Амазаспян спросил: «Кто ты таков?» Он сказал: «Я Гарегин Рштуни». Амазаспян приказал сопровождавшим его щитоносцам: «Слезайте, положите щиты на него и охраняйте». Сам он проехал дальше, а щитоносцы слезли с лошадей, положили щиты на него и, став, охраняли, как было приказано.

В это время подъехал некто, по имени Данун, один из командиров⁸⁸ полка щитоносцев из войска Манвела; он увидел, что щитоносцы, спешившись, охраняют Гарегина. Спросил: «Кто он такой и почему вы, спешили и стоите тут?» Они сказали: «Это Гарегин, владетель Рштуникский, и нам Амазаспян приказал спешиться и охранять его». Данун страшно рассердился, взбесившись от возмущения, он сказал: «Быть может Амазаспян опять хочет сделать его своим зятем и выдать за него замуж сестру свою Амазаспуи, поэтому пощадил его, приказал охранять». И тут же, откинув ногу, он слез с коня, вытащил меч, подошел к нему, разрубил его на куски, убил и разбросал. А другие войска еще возвращались с битвы со многими захваченными в плен. Схватили также Бата, наушника царя Вараздата и убийцу Мушега, и его сына, которых привели к Манвелу, также схватили и привели к Манвелу и всех тех, кто способствовал делу (убийства Мушега). И спарапет Манвел учинил жестокий суд над нечестивым Батом. Но приказал сперва зарезать на его глазах его сына и потом обезглавить его самого; других тоже перебил таким же образом. А царя Вараздата изгнали из пределов армянской страны. Он уехал в греческую страну, там жил, там и умер.

А армянский полководец спарапет Манвел покорил страну, всех армянских вельмож и нахараров собрал к себе, сам сделался их вождем и главой и держал в своих руках власть. Стране давал приказы вместо царя и держал страну в благоустройстве. И жену царя Папа – царицу Зармандухт, и его сыновей Аршакуни он содержал поцарски и вывозил с почестями. Весьма мудро и весьма успешно он управлял армянской страной, сколько времени был жив. Имена юношей Аршакуни были: старшего – Аршак, младшего – Вагаршак. Спарапет Манвел их воспитывал как своих питомцев и их матери Зармандухт оказывал величайшие почести, как царице.

Но когда Манвел увидел, что все, что он делает, противоречит приказаниям греческого царя, то подумал, что надо иметь в ком-нибудь поддержку себе, поэтому, посоветовавшись с царицей, они вместе решили искать поддержки у персидского царя.

Глава XXXVIII

О том, как армянский спарапет Манвел вместе со всей армянской страной протянул руку персидскому царю и вначале привел марзпаном и правителем армянской страны Сурена, назначенного персидским царем, и получил величайшие награды от него, и о том, как потом вследствие ухищрений Меружана Арцруни возникло восстание и произошли войны

После этого армянская царица Зармандухт и спарапет Манвел послали к персидскому царю Гарджуйла Малхаза со многими другими армянскими нахарарами с грамотами, дарами и подарками (обещая) протянуть ему руку, подчиниться ему и верно служить ему и отдать ему армянскую страну. Гарджуйл и сопровождавшие его приехали ко двору персидского царя, поднесли грамоты царицы и армянского спарапета и передали заявление о покорности. Персидский царь, увидев их, принял их с большою радостью, почтил большими почестями и пожаловал Гарджуйлу большие награды.

(Царь) вместе с ним послал в армянскую страну перса Сурена, одного из своих знатных нахараров, и с ним десять тысяч хороню вооруженной конницы, (приказав) Сурену поехать в армянскую страну в подмогу спарапету Манвелу, чтобы защитить от врагов царицу Зармандухт. И послал персидский царь через Сурена короны и мантию и царское знамя для царицы Зармандухт, и короны для обоих юношей, сыновей ее – Аршака и Вагаршака. Также и для спарапета Манвела он послал царскую мантию, соболь и головной патив гаргмана⁸⁹ из золота и серебра и к головному пативу прикрепленные к маковке позади орла повязки короны, связанные в виде банта ашхараванд⁹⁰ и нагрудный патив аписак⁹¹, который носят цари, также ярко красный шатер с изображением орла на шатре, большие занавесы и пологи небесноголубого цвета. Он послал также золотой столовый сервиз спарапету Манвелу и лично от себя дал большую власть над армянской страной.

И Гарджуйл Хорхоруни прибыл в армянскую страну, при ведя с собою перса Сурена с десятью тысячами войска. Привезли подарки для царицы и ее детей,

как и для спарапета Манвела. Привезли также подарки для всех вельмож, для всех армянских танутэров и знатных людей. И когда царица Зармандухт и армянский полководец спарапет Манвел видели эту любовь и почет, оказанные персидским царем, с большою радостью и почетом приняли Сурена. Армянскую страну передали в руки Сурена и подчинились приказаниям персидского царя; установили, чтобы армянская страна давала персидскому царю дань, подарки и подношения. Также назначили марзпану Сурену доходы, жалование и жизненные припасы, равно как и для десяти тысяч корм и пищу, сколько было нужно. И с искренним сердцем они почитали персидского царя опорой себе ж своим государем и находились на службе у него. Армянскую страну часто навещали послы персидского царя; и (страна) свидетельствовала свою привязанность и верность царю, и часто царь посылал подарки царице Зармандухт и армянскому полководцу Манвелу, и Манвел стал близок и любезен персидскому царю, который его очень прославил и возвысил.

А Меружан Арцруни, когда увидел всю эту славу и почести, которыми персидский царь окружил Манвела, – ибо он почтил его как брата, или как сына, – то очень позавидовал славе Манвела и искал только средства, чтобы уронить его в глазах персидского царя, чтобы вместо него самому сделаться любимцем. Когда же никакого средства он не сумел найти и не сумел при помощи коварства втереться к персам, то он сам про себя выдумал злокозненное средство и намерение свое осуществил при помощи лицемерия. Он возложил надежду свою на наивность полководца Манвела, поэтому стал (показной) преданностью выпытывать его намерение, (показной) близостью задабривать его и выказывать заботу и попечение о нем. Затем он пришел и сообщил ему свое лживое измышление: «Знай, о Манвел, что от персидского царя прибыл посол, привезли Сурепу приказ, касающийся тебя, чтобы тебя схватить и связать, или тут же убить, или же, заковав ноги и шею в цепи, с большими предосторожностями доставить к персидскому царю. Теперь ты знаешь, подумай, что тебе делать». Услышав это, Манвел крайне изумился: «Я

против персов никакого преступления не совершал,» – говорил он, – «так почему же он так должен поступить с нами». А Меружан сказал Манвелу: «Я проверил и удостоверился, что это правда, и вследствие большой моей любви и заботы о тебе тайно сообщил тебе эту весть».

И когда Манвел поверил словам Меружана и убедился в верности того, что он слышал, то собрал к себе много войска армянский полководец Манвел и организовал отряд. И в то время, когда Сурен со своим войском мирно сидел в лагере, спокойно, без подозрений, без забот, с невозмутимым спокойствием, когда не было и намека на коварство и измену, как лживо сообщил злокозненный Меружан, армянский полководец Манвел внезапно неожиданно нагрянул и напал на лагерь Сурена и перебил целиком десять тысяч персов. А марзпана Сурена отпустил на одном коне, даровав ему жизнь. Сурен удивился этому, почему же он так поступил, и Манвел сказал Сурену: «Любя тебя как друга, я отпускаю тебя целым и невредимым, иди своей дорогой, но я больше не попаду в ловушку к персам».

Сам же Манвел приготовил войска, организовал отряды, ибо знал, что вызвал большую вражду и гнев персидского царя. С тех пор армянский полководец Манвел со всем войском вывозил царицу Зармандухт, жену царя Папа, как царя, как главу (над собою), а сам вел войны повсюду ради благоденствия страны против врагов и против своих соседей, которые были вокруг них, в особенности же против персидских войск во все дни своей жизни. А Меружан опять поехал к персидскому царю, чтобы оклеветать Манвела.

Глава XXXIX

О Гуманде Шапухе, который был послан персидским царем воевать с армянами и вместе со своими войсками был разбит и уничтожен Манвелом

Тогда персидский царь послал на Армению Гуманда с сорока восьмью тысячами войска, чтобы он напал и разорил страну. Они прибыли к границе Армении со стороны Атрпатакана. Услышав это, армянский полководец Манвел собрал свое войско, сколько мог набрать в то смутное время, двадцать

тысяч человек и поспешно выступил против (персидского) войска, предал мечу все персидское войско, убил также Гуманда и вернулся, одержав большую победу.

Глава XL

О Варазе, о том, как он был послан персидским царем и как был разбит и уничтожен Манвелом подобно первому

После этого один из полководцев персидского царя по имени Вараз прибыл в армянскую страну со ста восьмьюдесятью тысячами войска воевать со спарапетом Манвелом и со всем армянским войском. Тогда армянский полководец спарапет Манвел организовал и подготовил десять тысяч хорошо вооруженных конных и пошел воевать с Варазом. Он разбил, перебил и истребил их и Варазу тоже убил, взял большую добычу – оружие и украшения войск и вернулся с миром.

Глава XLI

О Мркане, которого персидский царь опять послал с большим войском на армянскую страну и на Манвела и был разбит и уничтожен Манвелом, подобно предыдущим

После всего этого персидский царь послал на армянскую страну Мркана с четырьмястами тысяч войска. Он с многочисленным своим войском прибыл в армянскую страну и, заняв часть страны, стал лагерем на равнине Артандан. Манвел ночью напал на его лагерь и там же в укрепленном лагере всех предал мечу, убил также Мркана, много взял добычи у них и никого в живых не оставил.

Глава XLII

О мире, продолжавшемся семь лет

После этого в продолжение семи лет персы более не вторгались в пределы Армении, и страна умиротворилась. И собрались к полководцу Манвелу рассеявшиеся по стране люди, съехались, сплотились и зажили беззаботно; а армянский полководец Манвел предводительствовал над ними. Потом приехали к полководцу Манвелу оставшиеся из Сюникского рода трое

юношей, которые спаслись от персидской резни и из которых одного звали Бабиком, другого Самом, а третьего Вагинаком. Армянский полководец Манвел принял их, помог им, послал их в их страну. Вабика назначил владельцем этой страны и двух остальных тоже соответственно их чину, и Бабик стал его соратником на всю его жизнь. Армянский спарапет Манвел назначил также во всех гаварах нахапетов и тэров (владельцев) гаваров и мирно управлял всеми. И вся армянская страна жила в мире под покровительством Манвела, покуда он был жив. Все люди в армянской стране в довольстве проводили свои дни: ели, пили, веселились эти семь лет господства Манвела, до раздела армянской страны и до распада царства.

Глава XLIII

О Меружане Арцруни, который пошел с войсками на Манвела и был убит им

А Меружан Арцруни давно уже, еще во дни царя Аршака, восстал против армянского царя, добровольно протянул руку персидскому царю, принял религию маздеизма и отступился, от христианской веры. Он много раз водил персидские войска, много бедствий причинил армянской стране и еще находился при персидском царе. Вот этот Меружан подстрекнул персидского царя и, взяв у него много войска, пришел в армянскую страну. Он очень бахвалился перед персидским царем, что-либо поймает Манвела и связанным приведет к персидскому царю, либо же отрежет ему голову и доставит персидскому царю.

Он прибыл со всем множеством персидского войска в армянскую страну, оставил персидское войско в лагере в гаваре Корчайк, а сам со своим собственным отрядом, состоявшим из головорезов, отделился от арийского войска. Он намеревался тайком внезапно напасть на Манвела и стяжать себе имя; он хотел сам один обделать это дело, лично завершить военный подвиг и тем заслужить себе славу. С этой целью он так сказал полководцам арийского войска: «Я сначала пойду поразведая, сказал, а потом поведу вас на них, так будет легче захватить их в наши руки».

И сам он со своим отрядом двинулся и прибыл в гавар Ког и, остановившись там, послал лазутчиков в лагерь Манвела. Лазутчики разведали и узнали, что лагерь Манвела находится в гаваре Багреванд, в аване Багаван, около развалин города Зарехаванда. Лазутчики разведали лагерь Манвела, узнали, где находится табун войсковых лошадей и донесли об этом ему (Меружану). Он задумал отбить войсковой табун. Увлечшись этой мыслью, он весело и хвастливо говорил войскам: «Завтра в этот час Манвел будет мною охвачен, связан и повергнут на землю, и на его глазах жена его Вардануш будет обещена». И он выступил, чтобы спешно выполнить свой замысел.

Дорога, по которой двигался отряд, лежала через горы, которые местные жители называют Елджерк (Рога). Когда Меружан со своим отрядом проезжал по этой дороге, ему встретились путники. Меружан спросил их: «Через какие места лежит дорога на Багреванд?» Путники ответили: «Через Рога»⁹². Меружан очень растерялся и опечалился от этих слов и приказал схватить путников и жестоко побить. Сам же, поехав по этой дороге, стал ворожить, испытывать счастье, бросал жребий, но при этом колдовстве ничто не сулило ему удачи, на которую он рассчитывал.

Поэтому в страшном гневе он с лазутчиками отправился туда, где был табун, чтобы захватить лошадей. Но когда они прибыли туда, то табуна лошадей там не нашли. Ибо бог послал удачу армянскому отряду тем, что спарапет Манвел велел всему армянскому отряду в этот час выехать на охоту; поэтому табун лошадей был пригнан на село, и вот уже собрались было люди сесть верхом, как прискакал печальный вестник к армянскому полководцу Манвелу и сказал: «Остерегайся, Меружан Арцруни с большим войском идет на тебя».

Согласно этому сообщению весь отряд армянского войска и спарапет Манвел приготовились, пошли на поклонение святым мощам Иоанна (Крестителя), находившимся в том же селении, дали обет, помолились богу, призвали судью праведного в помощь себе, чтобы он не оставил их своею помощью. Выступив оттуда, они отправили для безопасности царицу Аршакуни с двумя ее сыновьями Аршаком и Вагаршаком, также и своих жен с ними в укрепленное

место на большой горе по названию Вараз. Манвел приказал юному Артавазду, сыну Ваче, поехать с женщинами, а тот воспротивился, не согласился. Он был еще в отроческом возрасте и по армянскому обычаю, как поступали с детьми, голова отрока Артавазда была обрита, и оставлены были только хохолок и коса. Когда он не согласился поехать с женщинами, Манвел поднял плеть и стал стегать Артавазда по голой голове, запретив ему вследствие малолетства итти в бой. А он (Артавазд) для отвода глаз поехал с (женщинами), но потом вооружился, приготовился, чтобы принять участие в бою.

Отослав царицу со всей прислугой в неприступное место, сами они вооружились, подготовились к бою и собрались вместе. С раскрытыми значками и развернутыми знаменами выступил он из авана (Багаван) на запад, и тутто им навстречу вышел нагрянувший на них Меружан со своим войском. Преступный злодей Меружан роздал многим лицам оружие свое и украшения, и знаки своего шлема, и многим в своем отряде он придал свою внешность, а сам своих знаков на себе не имел. Манвел со своим войском, завидев отряд, словно как лев, как вепрь, набросился на них, врезался в их отряд, обращая внимание на тех, кто имел на себе знаки Меружана. Многим врагам, на которых были знаки Меружана, они сносили головы, считая, что убивают Меружана, а потом видели, что это не он.

Тогда спарапет Манвел поговорил с соратником своим Вабиком и сказал: «Видишь, как нас обманывает этот колдун Меружан? Но раньше в мирное время я много раз бывал с ним, и знаю одну его приметку, а именно, когда он садился на коня, то бедра его до колен плотно не касались (коня), а отставали от коня. Давай последим вдвоем за этой приметой, быть может сумеем опознать этого ловкого колдуна».

И оба они, проследив, заметили и опознали Меружана по этой приметке, хотя он и изменил свою внешность и не имел на себе своих знаков. Тогда крикнул Манвел, вызвал вперед Меружана и сказал: «Ах ты, колдун, до коих же пор ты будешь обманывать нас и заставлять убивать других вместо тебя. Мы,

наконец, узнали тебя, что ты именно стоишь вот там, и сегодня нет тебе спасения от нас, ибо бог обрушил сегодня на твою голову твои злодеяния и предал тебя в наши руки». Меружан, услышав это, сейчас же, подняв копье, выступил вперед и стал против Манвела. Но так как оба они были крупного сложения, то, когда бились на копьях оба вышибли друг друга и упали с коней. Тотчас же соратник Манвела Бабик, владетель Сюникского гавара, подъехал и, пронзив копьем (Меружана) в бок, пригвоздил его к земле, и он больше встать не мог. А спарапета Манвела его конюхи подняли и посадили на коня. Голову Меружана отрезали и все (его) войска, увидев, что Меружан умер, обратились в бегство. А отсюда отряд Манвела, воодушевившись, напал на войско Меружана; разгромили, перебили, живого человека не оставили.

Юный же Артавазд тайком от Манвела участвовал в бою. Вооружившись тайком от отряда Манвела, отправился он на берег реки Евфрат и перебил там множество вооруженных людей из отряда Меружана. А один из них, имевший на себе знаки Меружана, увидев Артавазда, презрительно усмехнулся бойкому безбородому юноше с красивым лицом. Затем он, намотав знак на копье, напал на него (Артавазда). А тот из всех сил пустил стрелу в него, и стрела, пройдя насквозь через тело, упала на землю. Затем, взяв копье, он бросился за бегущими и поражал мечом войска Меружана. Больше всех перебил (народу) юноша Артавазд, сын Ваче, и вернулся, стяжав большое имя и большую добычу, оставленную вражескими войсками.

Но в этот день произошла великая невознаградимая утрата, ибо конь Ваче, второго брата Манвела, опрокинул его через голову и убил. Так же конь Гарджуйла Малхаза понес его и убил, ибо оба они ехали на невыезженных норовистых конях.

А Манвел вернулся и поехал в лагерь царицы. Он повез с собою также голову Меружана. Но Самвел, сын Вагана, не был с Манвелом, ибо он вернулся в лагерь. Когда женщины, бывшие в лагере Манвела, увидели голову Меружана, то подняли вопль и крик, думая, что это голова Самвела, сына Вагана, ибо оба они – Мёружан и Самвел – были похожи друг на друга. Но потом они

пригляделись к голове Меружана, с которой свисала коса, узнали, что это голова не Самвела, а Меружана Арцруни. Но они сказали: «Все же и он был нам братом»⁹³. Затем принесли в лагерь тело Ваче, отца Артавазда, также и тело Гарджуйла Ма[л]хаза Хорхоруни. Совершили большой траурный обряд и оплакали их.

Принесли также человека со знаками Меружана, которого убил стрелой Артавазд. Когда это увидели, то все поразились, ибо стрела прошла насквозь через все тело. Это обстоятельство спасло (Артавазда) от смерти⁹⁴.

А те персидские войска, которые Меружан оставил в гаваре Корчайк, когда услышали, что Меружан убит, и отряд его уничтожен, сами тоже бежали в персидскую страну, и в армянской стране установился продолжительный мир.

Глава XLIV

О том, как спарапет Манвел поставил на царство юношу Аршака и потом сам умер

Совершив все эти дела полководец спарапет Манвел вместе с царицей Аршакуни и двумя юношами Аршаком и Вагаршаком, со всем армянским войском, с великими вельможами и нахарарами отправился и прибыл в гавар Карин, и все танутеры с ним. И спарапет Манвел отдал свою дочь Вардандухт в жены юноше Аршаку Аршакуни и сделал его своим зятем. Также он сыграл свадьбу для брата его Вагаршака и отдал ему в жены дочь аспета Багратуни из гавара Спер, а эти Багратуни искони были венценалагателями царей рода Аршакуни. Очень торжественно была отпразднована свадьба, и было великое ликование и радость в армянской стране. Затем, опять собрав в одно место людей армянской страны, (Манвел) возвел на престол армянской страны юношу Аршака, а Вагаршака назначил вторым к нему. И это вызвало большую радость и ликование во всей армянской стране.

После этого полководец спарапет Манвел заболел смертельной болезнью. Он призвал своего сына Арташира, передал ему свою власть танутэра и свою должность полководца спарапета. Приказал ему быть послушным и покорным царю Аршаку, быть верным, стараться и работать, воевать за армянскую

страну. «С радостью прими смерть за страну, подобно твоим храбрым предкам. Ибо, – сказал он, – это справедливое и угодное богу дело, и если так будете поступать, бог не оставит вас. На земле оставьте имя храброго, а справедливость свою посвятите небу. Не бойтесь вовсе смерти, а уповайте на того, кто создал все и утвердил. Держитесь вдали от коварства, порока и зла, и чистым сердцем и верностью служите господу богу. Смело умирайте за благочестивую страну, ибо это и есть смерть за бога, за его церкви и за верующих, за прирожденных государей этой страны – за Аршакуни». После этого он написал грамоту греческому царю и поручил его покровительству армянскую страну и царя Аршака.

Затем, когда все собрались вокруг него и он лежал больным в постели, были тут царь Аршак, и Варданухт – жена царя, и все армянские старейшины, вельможи и нахарары, вообще все знатные люди, мужчины и женщины, то Манвел перед всеми ними открыл все свои члены, обнажил себя и показал свое тело, «а котором не было живого места, размерами хотя бы с монету, а все оно покрыто было ранами, полученными в боях, так что числом больше пятидесяти шрамов от ран, было даже на детородном органе, который он обнажил и показал всем. И он заплакал и сказал: «С детства я рос в войнах, мужественно относился ко всем ранам, которые получал, почему же не привелось мне умереть в бою, и я умираю как скотина. Как бы было хорошо, если б я умер на войне за страну, за то, чтобы не попирались церкви и верующие в бога. Как бы было хорошо, если б мне было суждено умереть за прирожденных государей нашей страны, за Аршакуни, за жен и детей, за благочестивых людей, братьев, товарищей и близких друзей. Я очень смело вел себя (в боях), и все же мне было суждено умереть худшей смертью – лежа в постели».

Это и много такого сказал он в присутствии царя Аршака и всех. Он обратился с просьбой к царю Аршаку и сказал: «Я жил под богом как ревностный христианин. Не устраивайте по мне безутешного плача и стенаний подобно язычникам. Ибо не надо оплакивать тех, кто надеется вновь воскреснуть и

вернуться к жизни при (втором) пришествии Христа; я до сих пор жил в уповании и страхе божьем, и вы не отступайте от заповедей господних, пекитесь о справедливости и еще больше о милосердии. Ибо великий патриарх Нерсес это проповедывал нам всегда и сам при жизни так поступал; что сам делал, то и других учил делать; он оказывал милосердие бедным, бездомным, пленным, покинутым, чужестранцам, странникам, и он говорил: «Нет ничего более значительного и почетного перед богом, как милостыня и подаяние». И плач, и стенания над мертвыми он считал тяжким грехом, и при жизни своей упразднил этот обычай в армянской стране, и в его дни никто не осмеливался плакать и стенать, а после его смерти безумные люди осмеливались это делать. Но надо мною пусть никто не плачет, и да будет грех на его душе, если кто это сделает. Но я не имею права после своей смерти запрещать кому-нибудь делать, что я не желаю, но кто меня любит, пусть в память обо мне так поступит. Не бойтесь смерти на войне, где я не умер, ибо ничего без бога не случается».

Это и много такого он говорил, роздал несметные сокровища бедным и нуждающимся, и это делал своими руками; большую долю своего имущества он отдал церквам и часовням, много сокровищ отдал старшим служителям церкви, потом сам умер.

Но когда умер великий спарапет Манвел, никто не обратил внимания на его приказание относительно плача, а все люди армянской страны, все азаты и шинаканы плакали, стенали, оплакивали горько. Ибо каждый человек оплакивал его как своего отца за ласковость, человеколюбие, кротость, заботливую благотворительность, оплакивали достопамятного строителя страны, Манвела. Все, раскрыв уста, вздыхали о нем, все горько рыдали по своему храброму полководце, своему спасителю, своему победоносному, именитому и многостыжавшему (спарапете), который ушел и разлучился с ними.

КНИГА ШЕСТАЯ

Конец. Окончание предыдущего, ранее не вошедшие в предыдущие

повествования повести [95](#)

Глава I

О разделе армянской страны на две части. О воцарении (над половиной армянского народа) Аршака по приказанию греческого царя и воцарении Хосрова над другой половиной по приказанию персидского царя; о том, как они, разделив армянскую страну на две части, установили границу между собою и как урезаны были границы у обеих сторон

Но после смерти армянского полководца Манвела Аршак не мог укрепить своего царства в стране, а многие из армянских нахараров отделились от него, ушли к персидскому царю, предали ему армянскую страну и попросили у него царя из рода Аршакуни. Он с большою радостью согласился со своей стороны своим приказом назначить царя из того же рода Аршакуни, и через него привлечь на свою сторону армянскую страну. Тогда нашел он из того же рода армянских царей Аршакуни юношу по имени Хосров, возложил на его голову венец и дал ему в жены сестру свою Зрвандухт, все свои войска придал ему в помощь и представителя своего Зика назначил воспитателем к царю Хосрову. Так они отправились и приехали в армянскую страну.

Царь Аршак, увидев их, уступил и сам удалился к пределам Греции. И стали поддерживать – царя Аршака греческий царь, а царя Хосрова – персидский царь.

Тогда греческие войска пришли на помощь царю (Арша-ку), находившемуся в гаваре Екелеац, а персидское войско и царь Хосров были в гаваре Айрарат. Потом послы и посланцы греческого и персидского царей стали посещать друг друга, и оба царя – греческий и персидский, посоветовались друг с другом и пришли к соглашению. Они нашли удобным сначала разделить между собою армянскую страну. Они говорили: «Между нами обоими лежит это могущественное и богатое царство; было бы хорошо таким путем ослабить и расстроить это царство; сначала разделим на две части с этими двумя царями Аршакуни, которых мы назначили, потом постараемся их умалить, довести до

крайней бедности и заставить служить нам, чтобы промеж нас они не могли поднять головы».

Так рассудив, они разделили страну на две части; часть персидская осталась за царем Хосровом, а часть греческая за царем Аршаком. Но и у них в разных местах были отторгнуты и урезаны многие гавары, и от стран обоих только малая часть осталась за обоими царями. Но основные гавары армянского царства в обеих частях оба армянских царя Аршакуни – Аршак и Хосров – полюбовно поделили, установив границы между собою, и обе части армянской страны стали подчиняться каждая своему царю. Но часть Хосрова была больше, чем часть Аршака. И у обоих много гаваров было отторгнуто; и тогда, и после того армянское царство разделилось, распалось, уменьшилось и потеряло свое прежнее величие.

Глава II

О епископах, которые в то время были известны в армянской стране, в части Хосрова, находившейся под властью персов. Сперва о Завене

Этот Завен был из рода знаменитого епископа Албиана из селения Манавазкерт. Был он человеком злодейского, крутого и завистливого нрава. И он в свое время ввел обычай, приучил всех священников носить воинскую одежду. Они оставили обычай апостольских церквей, стали поступать каждый по своему разумению, потому что священники больше не одевали подрясников до пят, как было заведено, а стали носить короткую военную одежду до колен. Свои одежды они украшали разноцветной тесьмой, надувались и важничали, и священники без разбора одевались в меха павших зверей, что тоже не подобало. Сам Завен наряжался в пышные одежды, обшитые разноцветной тесьмой, одевал меха собольи, горностаевые, волчьи, накидывал на себя лисий мех и так, не стесняясь, выходил на алтарь и садился. Был обжорлив, жаден, вел развратную жизнь Завен во все свои дни. Он три года занимал престол до своей смерти.

Глава III

О Шааке из Корчайка, который вместо Завена стал во главе епископов

После смерти этого Завена вместо него стал во главе епископов Шаак из Корчайка и пробыл два года. Был он христианином, но не противился порядкам, введенным Завеном, и не отменил их. Два года он был руководителем и преставился с этого света.

Глава IV

Об Аспураке из Маназкерта, который стал во главе епископов после Шаака

А после епископа Шаака во главе епископов стал некий Аспурак, из поколения епископа Албиана. Это был христианского нрава, благочестивый и праведный человек, который главенствовал при дворе Хосрова, но в отношении одежды он тоже следовал порядкам, введенным Завеном.

Глава V

О епископах Фавстосе и Зорте

В эти времена, жил епископ Фавстос, который при патриархе Нерсесе заведовал его домашним хозяйством. Состоял при нем в качестве приближенного (советника) также Зорт; ибо под рукою у патриарха в его внутреннем совете было двенадцать епископов, приобщенных к управлению делами престола, сотрудников и советников, кроме всех епископов гаваров, которые были подчинены ему; а эти двое были из тех двенадцати епископов. Им был поручен надзор за бедными, и они во всем были верны ему и в его время и в годы двух царей – Хосрова и Аршака – после раздела (царства) они еще были живы.

Глава VI

О брате епископа Фавстоса Аростоме

У епископа Фавстоса был брат, чудесный, набожный человек, ведший в горах и пустынях отшельническую жизнь. Они оба родом были ромей⁹⁶, и этот отличался своим хорошим поведением в продолжение своей жизни. Он жил в Айраратском гаваре, был руководим святым духом, скитался по горам и пустыням, одеваясь в шкуры, питаясь овощами до дня смерти. Когда он умер,

тело его из пустыни принесли и похоронили в родовом селении патриарха Нерсеса, называвшемся Амок, и из года в год совершали по нем поминовение.

Глава VII

О епископе Артите из Басена

Среди живших в то время епископов был замечателен епископ Басенский Артит, почтенный и полезный старик. Вел он чистую праведную жизнь, удостоен был благодати святого духа и, обладая великой силой, бывал всюду и совершал величайшие чудеса в продолжение многих лет. Он был учеником великого Даниила, жившего при царе Тиране, и был еще жив при двух армянских царях – Хосрове и Аршаке.

Глава VIII

О епископе Иоанне, его поведении и неразумии, вздорных словах и делах, и о том, какие знамения явил на нем бог

Другой епископ Иоанн, – если можно его назвать епископом, – был сыном бывшего патриарха Парена; это был лицемерный человек, показывавший на глазах у людей будто постится и носит власяницу, и даже обуви не одевал, а обматывал (ноги) летом рогожей, а зимою соломенным жгутом; но он глубоко погрязал в жадности и забыл имя бога от жадности, до того, что совершал недостойные и невероятные дела.

Случилось ему раз куда-то поехать; сидел он верхом на вьючном животном и ехал; повстречался ему незнакомый мирянин молодого возраста, верхом на коне, с мечом на поясе, с шашкой на боку, с луком и колчаном за спиной, с вымытыми смазанными волосами, с шапкой на голове и плащом на плечах. Он ехал своей дорогой, быть может с разбоя. А конь, на котором он сидел, был рослый, хорошей масти и хорошего хода, так что, когда епископ Иоанн издали заметил коня, то удивился и загляделся. Когда всадник подъехал к нему, Иоанн, дождавшись его, вдруг схватил за узду лошади и сказал: «Слезай сейчас с коня, мне надо поговорить с тобой». Человек сказал: «Ни ты меня не знаешь, ни я тебя, о чем это ты хочешь говорить со мной?» Так как человек этот был пьян, то очень упрямылся, не желая слезать с коня. Но Иоанн

принудил его слезть с коня и отвел его в сторону от дороги. Там он велел человеку стать на колени и сказал: «Рукополагаю тебя во священники». А тот сказал в ответ о себе: «Я с молодых лет занимаюсь разбоем, убиваю людей, совершаю злодеяния, веду распутную жизнь, я и теперь занимаюсь этим делом, не достоин я этого». Человек очень упрявился и спорил, но Иоанн еще сильнее принуждал его. Наконец, Иоанн насильно повалил его на землю, положил на него руку, в знак рукоположения его в иереи, потом, подняв его на ноги, велел ему распустить, узлы плаща и накинуть на себя рясу и сказал: «Иди в свое село и будь иереем в этом селе». Он даже не знал, из какого села был этот человек. Потом Иоанн подошел к коню и, положив на него руку, сказал: «А этот конь пусть будет мне платой за то, что я рукоположил тебя в священники». Человек упорствовал, не хотел давать коня, но он насильно отнял коня и отпустил человека. И все это случилось из-за лошади.

И человек тот, одевший вопреки воле рясу, вернулся домой, вошел в дом к себе, к семье своей и сказал жене и членам семьи: «Вставайте, помолимся!» А они сказали: «Что ты, с ума сошел, не бес ли вселился в тебя?» А он опять сказал: «Вставайте, помолимся, потому что я – иерей». Они удивились, кто краснел, кто смеялся. После долгого упорства они, наконец, согласились помолиться с ним. Потом жена сказала мужу: «Ведь ты был только оглашенным и не был крещен». Человек сказал жене: «Разве дал он мне подумать, ошеломил он меня, я и забыл сказать ему это, а он рукоположил меня в иереи и, взяв лошадь с уздой и седлом, уехал». Домашние сказали человеку: «Встань, пойдя опять к этому епископу и скажи: «Я не был крещен, как ты мог сделать меня иереем?» Он отправился к епископу и сказал: «Я не был крещен, как ты меня сделал священником?» Иоанн сказал: «Принесите мне кувшин воды». Взял воду, вылил ему на голову и сказал: «Ступай, вот я окрестил тебя». И сейчас же услав этого человека от себя.

Глава IX

О том же Иоанне

Однажды этот Иоанн проходил мимо чьих-то садов; было время обрезки (виноградных лоз). Кто-то из сада окликнул его и сказал: «Владыко епископ, благослови нас и наши сады». Иоанн сказал: «Терние и волчецы да вырастут тут». Человек сказал: «Терние и волчецы да вырастут на тебе за то, что понапрасну проклинаешь нас». И от бога было знамение, ибо когда епископ дошел до своего жилища, то подвергся напасти, по всему его телу пошло колотье, словно от колючек. Много дней он ужасно страдал от болей и был в большой тревоге. Наконец, он послал человека за садовником, призвал к себе и умолял, чтобы тот помолился об избавлении его от болей. А садовник сказал: «Кто я такой, чтобы благословлять или проклинать, да еще такого человека, как епископ». А Иоанн до того понуждал его, что садовник встал на молитву и сказал: «Господи боже, ты знаешь, что я грешный недостойный человек, не знаю, как я попал в эту беду: ты избавь меня от этого зла, ибо говорят, что ты проклял епископа и по слову твоему случилось это происшествие. Лучше бы мне умереть, не знаю, что говорят обо мне». Как он это сказал, епископ тотчас же исцелился, из всего тела его высыпались колючки; и похожи они были на колючки растений. Он тотчас вылечился от болезни и стал здоровым.

Глава X

О том же Иоанне

Этот епископ Иоанн, сын Парена, когда приходил к армянскому царю, то скоморошничал. Прикидываясь шутком, он стремился утолить свою жадность и до того был одержим ею, что это служило ему средством.

Становясь на четвереньки, он полз перед царями, ревел как верблюд, ластился как верблюд. Среди рева он выкрикивал иногда слова тем же ревушим голосом и говорил: «Я верблюд, я верблюд, беру на себя грехи царя, нагрузите на меня грехи царя, и я возьму их на себя». А цари писали дарственные грамоты на селения и агараки, скрепляли их печатью и клали на спину Иоанна за свои грехи. И так, прикидываясь верблюдом и беря на себя грехи, он стяжал у армянских царей селения, агараки и сокровища.

Такой был человек этот Иоанн, который всю свою жизнь был одержим жадностью и скупостью и вследствие жадности творил недостойные дела.

Глава XI

О епископе Киракосе

Епископ Тайка Киракос, называвшийся Шахапом, был правдивым и благочестивым человеком; был угоден богу; вел по правильным путям народ свой и во все дни своей жизни исполнял епископскую должность согласно воле божьей.

Глава XII

О Зортуазе, епископе Вананда

Епископ гавара Вананд Зортуаз был тоже святым и благонравным человеком, достойным бога, был преисполнен духа святого, поступал и действовал по-христиански, руководил своим народом согласно воле божьей.

Глава XIII

О епископах Тирике и Мовсесе

В гаваре Басен было два епископа – Мовсес и Тирик – оба они были добродетельными мужами, ангельского поведения, святыми и верующими, достойными того, чтобы быть призванными (богом). Они вели свой народ по божескому пути во все дни своей жизни.

Глава XIV

О епископе Аароне

В те времена в армянской стране жил епископ Аарон – знаменитый, именитый, смелый и добродетельный человек. Он вел и просвещал свой народ во все дни своей жизни.

Глава XV

Об Аспураке, главном епископе

Главою армянских епископов был Аспурак, который был святым и благочестивым человеком, боявшимся бога и людей; но он не мог никому сказать слова осуждения, а молчал сам, был скромн, бдителен и благонравен, жил в посте и молитвах и всечасно молился богу. В отношении же одежды он

поступал по заведенным Законом порядкам: надевал раскрашенные и расшитые тесьмой одежды. Но он был кротким и смиренным, благодетельным и человеколюбивым мужем во все дни своей жизни.

Глава XVI

О святом и добродетельном Гинде, который в то время был главой всех монахов армянских монастырей и отшельников-пустынников

Этот Гинд был из гавара Тарон, был учеником великого Даниила и после него стал главарем монахов, учителем и руководителем отшельников, блюстителем монастырей, учителем всех пустынников и вообще надзирающим за всеми теми людьми, которые из любви к богу отказались от мира и жили в пустынях, устроившись в расщелинах скал, в пещерах и углублениях земли. Одна у них была одежда, ходили босыми, вели трезвую жизнь, питались травами, овощами, кореньями; подобно зверям блуждали по горам, покрытые кожами и козьими шкурами, терпели лишения, страдали, мучились, заблудившись в пустыне, подвергались холоду и зною, голоду и жажде – из любви к богу.

Они готовы были терпеливо переносить такую жизнь во все дни своей жизни, поскольку мир не представлял для них никакой ценности, как написано. Подобно стаям птиц они жили в отверстиях скал, в каменных пещерах, без имущества и достояния, без присмотра и ухода, вовсе не заботясь о теле. И главарем их был святой Гинд, которого все вообще люди армянской страны называли учителем. Но были среди них и другие ученики, которые уподоблялись своему учителю и были, выпестованы им, имена которых были Вачак, Артуйт, Марах. У них был товарищ Трдат, который при великом первосвященнике Нерсесе был архидиаконом, а после смерти Нерсеса перешел в разряд пустынников и сделался монахом. Святой Гинд, взял своего питомца молодого Муше, и он сделался его сподвижником. У него было еще много и других учеников ангельского нрава, жития которых рассказать никто не сможет.

И святой Гинд и те, кто был с ним, были преисполнены святого духа; подобно ему и они совершали великие знамения и чудеса, исцеляли больных именем

Иисуса Христа. И забирались они в очень далекие страны, в края язычников, и многих обращали из заблуждения, учили их познанию жизни и путям истины. И святой Гинд наполнил все пустыни отшельниками и все села монастырями и установил порядки, человеческой жизни на свете по правилам божественной религии. Он выбрал себе местом жительства ту пустыню, откуда выходили истоки реки Евфрат; там он жил в расщелинах скал, в бывшей обители первого великого Григория, которое место называлось Оски. В этих самых расщелинах жил Гинд, великий пустынь-ник. Святой Мушег все время находился при нем, а остальные скитались по другим гаварам по приказанию главы своего Гинда. А святой Трдат установил жительство в гаваре Тарон, где построил для себя обитель.

notes

1

В тексте слово „начало" в именительном падеже показывает, что эта третья книга является началом истории Фавстоса, т. е. чтобы не думали, что недостает первой и второй книг. Соответственно этому в оглавлении шестой книги стоит „конец". Посему История Фавстоса начинается с третьей книги и кончается шестой книгой (Ст. Малхасянц).

2

Гавар – крупная территориальная единица феодальной Армении, округ, дистрикт, кантон, провинция. Н. Эмин и Н. Адонц чаще всего это слово передают через слово „кантон". Мы оставили „гавар" без перевода ввиду затруднительности подыскания в каждом отдельном случае точного эквивалентного слова на русском языке.

3

Аван – местечко, поселок, посад.

4

Нахапет – родоначальник, глава нахарарского (княжеского) рода, дома.

5

Маскуты или массагеты жили на берегу Каспийского моря, принадлежали к скифскому племени. По Географии VII в. Анании Ши-ракского, их местопребывание значится у западных берегов Каспийского моря, до города Дербента.

6

Упомянутые тут кочевые племена скифского происхождения обитали к северу от Кавказского хребта, на обширной равнине, простирающейся до Каспийского моря.

7

Слово „брат" у Фавстоса часто употребляется в более широком смысле – в значении кровного родственника, подчас дальнего. В данном случае имеется в виду принадлежность обоих к Арша-кидскому роду.

8

Гугаз – набор народного ополчения для участия в войне; в данном случае отбывание государственной повинности для собирания и захоронения трупов с поля битвы (С. Т. Еремян).

9

Хашар – один из видов государственной трудовой повинности (С. Т. Еремян).

10

Матеник гунд – в Персии полк, составленный из отборных воинов, который назывался „бессмертным полком". Упоминается и у других авторов. В подлиннике в данном случае под „матеник гун-дом" следует понимать хорошо вооруженный полк регулярного войска в противоположность иррегулярному войску – гугазу. (Ст. Малхасянц).

11

Бюравор (букв. „десятитысячник") – так назывались нахарары, которые могли выставить армянскому царю не менее 10.000 всадников (Я. А. Манандян).

12

Азаравор (букв. „тысячник") – так назывались нахарары, которые могли выставить армянскому царю не менее 1000 всадников (Я. А. Манандян).

13

Фавстос в настоящей главе несколько раз употребляет форму Сара-рад, которая встречается и у других авторов несколько раз. Во всех же остальных местах, также в армянском и греческом переводах Библии, гора, на которой остановился Ноев ковчег, называется Арарат. Форма Сарарад, по объяснению Ст. Малхасянца, произошла, вероятно, от неправильного деления двух слитно написанных по-армянски слов „леринс-арарата" (горы-Арарата), где последняя буква первого слова с попала во второе слово в виде его первой буквы.

14

Спарапет и зоравар. У Фавстоса одно и то же лицо подчас называется то зораваром, то спарапетом. Спарапет – армянская форма древнеперсидского Spadpatl и пехлевийского Spahpat, соответствующее армянскому зоравару (полководец). Но в армянском языке как будто эти два слова имеют различные нюансы. Спарапетом назывался носитель наследственной власти спарапетства в данное время, а зораваром называлось лицо, которое на самом деле в данное время было главнокомандующим войском. Так, мы видим, что когда в бою погибает Ваче, то власть спарапетства передается его малолетнему сыну Артавазду, как наследственная власть рода Мамиконянов. Но так как он по малолетству своему не мог предводительствовать войском, то командование войском было передано Аршавиру Камсаракану и Андовку Сюни, которые были зятями дома Мамиконянов, следовательно, как бы в некотором роде опекунами над малолетним спарапетом (Ст. Малхасянц). При царе Хосрове спарапетом был Ваче, при Тиране сын Ваче, Артавазд; при Аршаке прославился в той же должности знаменитый Васак, а при Папе – Мушег. Преемник Папа, Вараздат, ставленник императора, желая обессилить могущество князей Мамиконянов, убил Мушега и передал спарапетство Бату из рода Сахаруни, но потомок Мамиконянов Манвел сумел отстоять фамильное право, опять захватил спарапетство, которое перешло потом к сыну

его Арташиру. В период марзпанства то же самое звание продолжали носить Мамиконяны в лице известных князей Вардана, Ваана, Варда.

15

Азат – так назывались тяжело вооруженные всадники, получавшие за военную службу от государства „рочик“, т. е. жалование в виде земельных наделов. Впоследствии так называлась мелкая знать феодальной Армении (С. Т. Еремян).

16

Гах – собственно престол, трон, но так назывались и седалища, на которых сидели вельможи в присутствии царя. Бардз – значит подушка. У армян, как и у персов, существовал институт местничества. Ранг и степень вельможи (князя) определялись по месту, которое он занимал за царским столом, где ему и ставились соответствующие гах и бардз.

17

Патив – честь, почесть, почет; повязка головная, которою жаловал царь нахараров.

18

Азарапет – хилиарх, тысяцкий – термин военный, перенесенный вгражданскую область еще при Ахеменидах. По рассказу Ксено-фонта, Кир, озабоченный урегулированием финансов ввиду громадных расходов, вызываемых потребностями столь обширного государства, решил применить в этой области военную систему деления и создал декурионы, лохаги, хилиархи и милиархи по финансовой части для облегчения управления. По этой системе азарапет должен означать высший чин по ведомству государственных доходов; тогда понятно и отношение его к податному населению, крестьянству. Казалось, азарапет и должен был ведать податной частью, но из приведенного выше списка видно, что обложение и сборы составляли особое ведомство. Возможно, что и это входило первоначально в круг обязанностей азара-пета, но потом выделено в особую статью. Сасанидский вельможа Михр-Нерсей у армянских историков называется

великим азарапетом, а Табари упоминает в новоперсидской форме бузург – фрамадар, что значит, по его же переводу, великий визирь. При Михр-Нерсейе же некто Махгушнасп заведывал податной частью и назывался *vastrio sansalar*, то есть. начальник землепашцев. Это звание подходит к азарапетству в том смысле, в каком оно употребляется у Фавстоса в применении к роду Гнуни (Н. Адонц, Армения в эпоху Юстиниана).

19

В подлиннике – ишхан. Так назывались крупные нахарары, как владельцы обширных территорий.

20

Гамирк – Каппадокия, страна в Малой Азии.

21

Торгомова страна, то есть Армения. По преданию („родословию" Моисея Хоренского) Торгом (Форгом), праправнук Иафета, сына Ноя, был отцом родоначальника армян Гайка.

22

Хорепископами на Востоке назывались сельские епископы, в отличие от городских епископов. До середины IV века они были довольно распространены, считались полноправными епископами и получали епископское рукоположение. Но с середины IV века всячески стараются урезать их права и целиком подчинить их городским епископам. Они уже более не получают епископского рукоположения, а только священническое и в таком виде продолжают свое существование до XVI века (Е. Тер-Минасян, Новоармянский перевод Егише, Ереван).

23

Агарак – хозяйство и усадьбы крупной знати и церкви, в которых в этот период применялся еще труд рабов, которые, однако, уже постепенно сажались на землю (С. Т. Еремян).

24

Айр-Мардпет – см. прим. 5.

25

Гусан – древний рапсод, поющий перед народом песни, сопровождая их мимикой; музыкант, артист.

26

Карчазат (букв. „полуазат“) – крестьяне, имевшие право нестиконную службу азатов (С. Т. Еремян).

27

Марзпан – правитель края, начальник края, назначаемый персидским царем.

28

Имеются в виду полководцы Артавазд и Васак, о которых говорится в книге III, гл. 18.

29

Азатани – знать, дворянство.

30

Рамик – престонародье, чернь.

31

Ацух – означает по-армянски уголь, а даларик – зелень. Неоднократно повторяющаяся у Фавстоса и у других писателей попытка объяснения географических названий.

32

Асорестаном называли древнармянские писатели (Агафангел, Фавстос, Егише, Лазарь Парпский, Себеос) ту страну, персидское название которой Suzistan является переводом сирийского названия Beth-Aramaĵe=страна сирийцев, страна арамейцев. Столицей этой страны был Тизбон или Ктесифон, лежавший немного ниже нынешнего Багдада. Эту страну, бывшую центром персидского Сасанидского государства и населенную большей частью сирийцами, не надо смешивать с древней Ассирией, которая находилась значительно севернее и столицей которой была Ниневия, неподалеку от нынешнего Мосула – см. J. Marquart, Eransahr, Berlin, 1901, стр. 21 и Noldeke, Tabari, Leyd'en, 1879, стр. 15, прим. 3 (Е. Тер-Минасян).

33

Шинакан (букв. „поселянин“, „крестьянин“) – общее название сельского трудового населения.

34

Сатал (Сатала) – город в Малой Армении, юго-западнее от Бай-берда, у реки Гайл-гет (Келкит-чай).

35

Тут Фавстосом допущена хронологическая ошибка. Персидский царь Нерсех царствовал с 296 по 302 г., греческий император Валент царствовал с 369 по 374 г., так что они не были современниками и не могли воевать друг с другом. Также и Аршак, который, по Фавстосу, стал царем Армении в результате соглашения между этими двумя царями, на самом деле воцарился в 345 г., так что начало его царствования не совпадает с годами царствования ни того, ни другого из вышепоименованных царей.

36

Армянское слово дайак, по-пехлевийски dayak, значит кормилица, мамка, кормящая грудью. В древней литературе слово это употребляется также применительно к мужчинам в значении воспитатель, опекун, пестун. По существовавшему в древности обычаю царь отдавал своих сыновей на воспитание кому-нибудь из князей. Князь воспитывал царственного питомца вместе со своими детьми, и если у него был грудной ребенок, то дети царя и князя росли, питаясь молоком одной и той же женщины, и таким образом становились молочными братьями. Возмужав, царевич приближал к себе молочного своего брата, как верного товарища. Егише горько жалуется, говоря: „Некоторые из армянских нахараров вскормили своим материнским молоком братьев его (Иазкерта), – он круче всех обходился с ними“. Значит даже персидские цари отдавали армянским нахарарам сыновей своих на воспитание и попечение. По примеру царя и старшие князья отдавали младшим князьям или сепухам своих детей на воспитание (Ст. Малхасянц).

37

Нахапет – см. прим. 8. Историк различает нахапетов и танутеров от гордзакалов, т. е. от служащих или чиновников. Но, поскольку служилый люд набирался из знати, то одно и то же лицо могло оказаться одновременно и нахапетом и гордзакалом.

38

Гордзакалы – высшие должностные лица при дворе армянских Аршакидов.

39

Гордзакалство, „гордзакалутюн" – высшие государственные должности при дворе Аршакидов.

40

См. прим. 22.

41

Ашхаражогов – всенародное совещание, созываемое периодически для обсуждения важных государственных дел.

42

Гора Арюц – находилась на границе Великой Армении и Византии.

43

Тут мы опускаем из текста примерно пять страниц речи Нерсеса, представляющих собою несомненную вставку позднейшего происхождения, где несколько раз бессмысленно повторяются одни и те же мысли, ранее уже высказанные.

44

В подлиннике стоит „девяти лет", что не соответствует действительности.

45

Император Валент, который был своим братом Валентинианом (364 – 375) назначен правителем восточной части империи, царствовал с 364 по 378 г. и пал в войне против вестготов. Он был известен как ревностный ариан и подвергал гонениям православных епископов. Легенда о его смерти, приводимая Фавстосом, не известна Сократу, который тоже пишет, что Валент умер на войне (Ст. Малхасянц).

46

Дастакерт – в данном случае царское имение, поместье.

47

Бакасер – неизвестная местность, которая более нигде не упоминается.

48

Навасард – от однозначного персидского слова, navasard (nava – новый, sard – год). Первый месяц армянского года, продолжавшийся по неподвижному календарю от 11 августа по 9 сентября.

49

Речь идет о царских термах-купальнях, которые были устроены на месте знаменитых теплиц „Джермуки Варшака" нынешние Диадинские источники, недалеко от истоков Евфрата – Арацани (С. Т. Еремян).

50

Несомненно, из подлинника тут выпал лист, где подробно рассказывалось о том, как Васак добился бегства Аршака из Персии, как обозлился Шапух, узнав об этом бегстве, как он вызвал к себе Мари и обвинял его. Этот недочет отмечен в свое время и Е. Мом (Ст. Малхасянц).

51

Остан – этим термином обозначались владения правящей династии Аршакидов. После их падения центр каждого нахарарского владения также обозначался термином „Остан" (С. Т. Еремян).

52

Арвастан или Арвацастан – так называлась Верхняя Месопотамия, сирийск. Веθ-Агбаје= страна арабов. Вся страна делилась на две части – персидский Арвастан и римский Арвастан или 'Араβ. Название Веθ 'Arbaje, или по-персидски Arvastan – древнего происхождения и идет со времен Тиграна Великого, который впервые переселил бедуинов в эту страну, чтобы держать в своих руках караванную торговлю (ср. Плутарх, „Сравнительные жизнеописания", армян. перев., т. III, Лукулл, стр. 555). И действительно, эта страна уже при императоре Траяне (около 114 г.) называлась 'Араβια, и с

этими арабами вынужден был воевать также император Север (194 – 5 гг.).
Этих арабов не надо смешивать с юго-арабскими Тајі=сирийск. Тајаје, греч.
Ραῖνοι, которые позднее основали государство Ніга (сирийск. Νοθηα).
Название 'Αραβία в применении к территории Мцбина-Низибина часто
применяет Феофи-лакт. Поэтому, Арвастан, или Арвацастан не имеет ничего
общего с Ассирией или Сирией (Е. Тер-Минасян).

53

Маздеизм – религия Зороастра (Заратустры), имевшая главным своим
предметом победную борьбу света (Ормузда-Ахурамазды) с тьмою
(Ариманом).

54

Миджнашхар (букв. „Срединная страна“) – центральные области Великой
Армении (С. Т. Еремян).

55

Под двумя „входами“ в Армению, вероятно, понимаются Атрпатакан и
Алдзник, на границе которых находились горные проходы – к северу от
Тавриза (в районе Сафиана) и Битлисский проход (Дзора-пахак). Как древние
ассирийцы в Урарту, так и персы в Армению вторгались через эти два прохода
(С. Т. Еремян).

56

Тавреш – город Тавриз в Атрпатакане (Южном Азербайджане).

57

Караван – в древней Персии значил „военный стан“, который сопровождал
царя царей всюду и во время походов из одного места в другое, из провинции
в провинцию, из столицы в столицу для провождения известного времени
года, по древнему, как известно, обычаю властителей Персии (Н. Эмин, Ист.
Арм. М. Хоренского, стр. 276).

58

Тапаристан – область в Персии (нын. Мазандаран).

59

Зиндкапет или зндкапет – несомненно пехлевийское слово, но в иранской литературе не упоминается. Относительно происхождения и точного значения делались разные-предположения. Так, например, производили от персидского слова занта – слон (значит зиндкапет – начальник над слонами). Судя по смыслу, у Фавстоса зиндкапет означает носитель высокого военного чина у персов (Р. Ачарян. „Этимологич. словарь армян. языка“).

60

Андердзапет-пехлевийское слово *andarθpat*, основное значение которого – советник, от слова *andarθ* – совет. Так назывались в древней Персии высокопоставленные сановники, занимавшие должности советников при высоких владетельных особа. Существовали дер-андердзапеты-придворные советники, Мован- андердзапеты (в арменизированной форме Могац-андардзапеты) – советники главных магов, Сакстан-андардзапет – советник правителя Сакстана и пр. Это слово писалось по-армянски и в виде андердзапет, со смешением андардз-а с армянским андердзом (одежда, тоже персидское слово), потому ошибочно понималось как начальник царского гардероба (Р. Ачарян, К. Патканов, Н. Эмин, Ст. Малхасянц).

61

Амбаракапет – пехлевийское слово *anbaraakat* – начальник амбаров, то есть складов съестных продуктов.

62

В подлиннике Дасинтре – несомненное искажение. Явно несостоятельна также попытка Ст. Малхасянца, ссылаясь на одну из рукописей Фавстоса, хранившуюся в Нерсиян семинарии, расшифровать это слово как фразу ***
***** и принадлежали они к избранному сословию (новоарм. перев. Фавстоса, стр. 331, прим. 141). Контекст показывает, что Дасинтре – название страны, как и предшествующие Алдзник, Ноширакан, Мах-кертон и Нихоракан. Настоящее название этой страны – Дасн, пишется также Дасан или Дарсан = сирийск. *Beth-Dasen* – упоминается у Егише рядом со странами Алдзник, Кордух и Цавдек. Динонисий Тель – Махре упоминает Дсин в

окружности Мосула, по-арабски Дасин – область, лежащую к западу от большого Заба в окружности Амадии и гор Гара. Ср. J. Marquart, *Eransahr*, Berlin, 1901, стр. 24; Hoffmann, *Auszuge aus syrischen Akten persischer Martyrer*, Leipzig, 1880, стр. 202 – 207 и Н. Hubschmann, *Altarmenische Ortsnamen*» – Strasburg, 1904, стр. 320 – 321), (Е. Тер-Минасян, новоарм. пер. Егише. стр. 209, прим. 77).

63

Атрпайакан – то же, что Атрпатакан и является промежуточной формой Адербайаган, Азербайджан – территория нын. Южного Азербайджана (С. Т. Еремян).

64

Гордз (букв. „дело“) – государственная должность.

65

Варазагир матани – перстень с изображением вепря (кабана) – герба персидских царей.

66

Артаван – последний царь Персии из парфянской династии (216 – 226 н. э.), которого убил один из персидских князей, Арташир Сасанид, и сделался основателем новой династии в Персии, которая по его имени называлась Сасанидской. Так как и парфянские цари и аршакидские цари по преданию происходили от парфянского Аршака Великого, и армянские Аршакиды считались вторыми после парфян Персии, то по этой причине армянские Аршакиды считали Артавана своим родичем, а Арташира Сасанида и потомков его – сасанидских царей – считали узурпаторами, которым они должны были отомстить за смерть Артавана, и в то же время были уверены, что после того, как со смертью Артавана пресеклась парфянская династия в Персии, сами они, армянские Аршакиды, являются старшими среди потомков Аршака Великого, а царей сасанидской династии, происходивших от князя Арташира Сасанида, т. е. одного из вассалов Артавана, они считали вассалами

армянских Аршакидов. Так и говорит Аршак Шапуху: „Теперь вы слуги похитили у нас, у ваших господ, подушку..." (Ст. Малхасянц).

67

Ануш (Ан'уш берд) – по-армянски значит „крепость забвения". Заключенный в эту крепость предавался забвению навсегда и умирал там. Фавстос называет ее также Андмиш берд, что по-персидски значит то же самое. По свидетельству Фавстоса и Моисея Хоренского, крепость эта находилась в Хужастане, что соответствует в настоящее время провинции Хузистан в Иране.

68

Остикан – пехлевийское слово остикан, означающее преданный, верный. У армян остиканами назывались преданные и верные царю люди, которых царь назначал правителями над гаварами или страной.

69

Халдик – Халдия, нын. Лазистан.

70

Правильное чтение „Олакан".

71

Глак Мардпет – в тексте всюду Длак, мы переправили в „Глак" и находим, что это лицо идентично с евнухом армянского царя, упоминаемым Аммианом Марцелином.

72

Балх – обычная форма Бахл, назывался также Бахл Аравотин, или по-пехлевийски Бахли-Бамик – восточный Бахл. Это – древнейший город в Бактрии, в долине реки Оксус (Аму Дарьи), между горами Парапамис и Тянь-Шань. Упоминается уже в клинописной надписи Дария Гистаспа в VI в. до н. э. Родина Зороастра, столица Кира, а впоследствии кушанов. Ныне в развалинах. Недалеко от этого места, в пределах Афганистана, построен новый город того же названия (Ст. Малхасянц).

73

Армянского слово неркини обычно переводится словом евнух, неркинапет – главный евнух. Однако следует заметить, что у того же Фавстоса (кн. VI, гл.5) слово неркини употребляется в смысле „советник по внутренним делам“, „ближний советник“. Зорт, в отношении которого употреблено это слово, конечно, как епископ не мог быть евнухом, ибо это не допускалось правилами церкви (Ст. Малхасянц).

74

Гусан – см. прим. 29.

75

Амич – слово, встречающееся в литературе два только раза (у Егише и у Фавстоса). Точное значение неизвестно. Вероятно, это лакомое блюдо, приготовленное из дичи.

76

Древнее название этой обширной области было Атрпатакан, как пишут многие армянские авторы, согласно пехлевийской форме Aturpatakan. Новее формы Атрпайтакан и ныне употребляемая Адербейджан. В приведенной Фавстосом форме „атрпатчацн" уже виден переход звука к в дж (Ст. Малхасянц).

77

Из этого места мы узнаем, что в стране Каспк (Каспиана античных авторов) и в этот период жило упоминаемое Страбоном племя парсиев или паррасиев (С. Т. Еремян).

78

В подлиннике стоит слово кодинт, происхождение и значение которого неизвестно. Единственный раз слово — это употреблено здесь. Одни полагают, что оно означает стакан, другие – напиток. Мы предположительно перевели словом напиток, поскольку речь тут идет о вине (Ст. Малхасянц).

79

Тюраке – обычно пишется териак, греческое слово, означающее противоядие, которое изобрел понтийской царь Митридат Великий. Из описания болезни „посиневшее место около сердца величиною с хлебец" и то, что кровь комьями

вытекала из горла, видно, что в легких католикоса Нерсеса лопнула артерия, вследствие чего он истек кровью и умер. Смерть его последовала не от отравы, и Пап напрасно обвинялся в отравлении Нерсеса. Быть может обвинение это возникло из вражды к Папу, за то, что он после смерти Нерсеса уничтожил основанные им „благотворительные" учреждения (призванные укрепить авторитет христианской церкви) и урезал права и доходы духовного сословия, отняв большую часть их земель.

80

Еще с древнейших времен был заведен обычай, по которому крестьяне делали приношения монастырям продуктами своего хозяйства. Для сбора этих приношений монастыри посылали в деревни специальных людей при сборе урожая. Эти „добровольные" приношения превратились в церковную повинность, называвшуюся „птуг" или позже „пх'и", которая существовала до начала настоящего столетия и составляла значительную часть доходов монастырей.

81

Пандур и вин – оба слова иностранные. Вин имеет восточное происхождение (по-санкритски вина), а пандир – малоазийское, откуда оно проникло в Грецию и другие места (от основной формы пандура). Оба – струнные музыкальные инструменты, но чем отличались друг от друга – неизвестно (Ст. Малхасянц). Мы перевели „кифара" и „арфа", как предложил в свое время Н. Эмин.

82

Арлезы или аралезы. Об аралезах, кроме Фавстоса, упоминают М. Хоренский, Езник, Себеос и другие. Из этих указаний видно, что языческие армяне верили в существование добрых псоглавых духов – аралезов, содействовавших воскресению павших в бою за свою родину. „Ни Фавстос, ни М. Хоренский не говорят – в каком виде представляли себе аралеза древние их соотечественники. Из их слов мы узнаем, что аралезы пребывали в воздушном пространстве, ибо сходили сверху; следовательно, они – не подземные духи. Один только Езник в своем сочинении („Опровержение лжеучений"), говоря

об аралезе, производит его от собаки. Несмотря на неопределенность этой характеристики, мы из нее все-таки можем заключить, что древние армяне изображали его с собачьей головой..." „Верование в воскресение убитых в бою через посредство богов-аралезов существовало в Армении долго спустя после введения христианства". Об этом же веровании еще в глубокой древности свидетельствует приводимый М. Хоренским (1, 15) рассказ об Аре Прекрасном, который приводим в изложении Н. Эмина. „Войнолюбивая ассирийская царица Семирамида, говорит историк, прельщенная молвою о красоте Ары, отправляет к нему послов и предлагает ему руку свою и престол. Ара с презрением отвергает предложение любострастной царицы, которая, оскорбленная отказом Ары, собирает войско и нападает на Армению в надежде покорить ее и взять в полон Ару. Но последний встречает ее с оружием в руках и, защищая свое государство, падает от руки неприятеля во время жаркой сечи. Семирамида, узнав о его смерти, отправляет людей на поле сражения отыскать тело убитого между павшими. Труп его, отысканный таким образом между павшими героями, представлен царице, которая приказывает выставить его в верхней светлице дворца. Между тем армяне, несмотря на смерть любимого своего вождя, не признают над собою власти ассирийской завоевательницы, которая, желая привлечь к себе сердца их, распускает слух в народе, что она „приказала богам лизать раны Ары и что поэтому он оживет". „Платон в конце своей Республики приводит любопытный и знаменательный миф об Эре-армянине. Греческий философ в конце упомянутого своего сочинения, говоря о воздаяниях, ожидающих человека за гробом, и о бессмертии души, заключает высокое свое учение величественным мифом об Эре-армянине. Приступая к изложению этого мифа, Платон старается прежде всего поставить его в выгодном свете и потому говорит: „То, что он намерен приводить, не есть рассказ об Алкиное, но о человеке мужественном – Эре-армянине". Затем приступает к самому мифу: Эр был убит в сражении; десять дней спустя, когда стали собирать обезображенные уже трупы вместе с ним павших, нашли тело его (Эра) целым и неповрежденным. Понесли его к нему

на дом, дабы совершить над ним погребальный обряд. На двенадцатый день, когда он еще лежал на костре, ожил и рассказал „все, что видел на том свете" (Н. Эмин „Иssl. и статьи", 1-6 и 42 – 45).

83

Фарсах, персид. фрасанг, пехл. фрасах (латинск. парасанга) – мера длины, равная 5250 метрам. Таким образом, согласно этому преданию. Комс, неся на себе огромного Манвела, проходил по 52,5 километра в день.

84

О происхождении Мамиконянов, кроме Фавстоса, пишут также М. Хоренский, Себеос и позднейшие историки. Расходясь в подробностях, все они согласны в том, что Мамиконяны происходят из страны ченов, что их было два – благородного происхождения, которые вследствие внутренних смут бежали в Персию, а оттуда были высланы в Армению. Это имело место во время Хосрова Великого, а по М. Хоренскому – при сыне его Трдате (Ст. Малхасянц).

85

Аспарез, пехл. аспрес, аспрас – ристалище, арена, поприще; также мера длины, равная 1/8 мили или 1 стадии.

86

Сепух – остальные (после танутера – главы рода) члены нахарарского дома мужского поколения. В данном случае князь из рода Мамиконянов.

87

В подлиннике сказано: „Проезжал его тесть Амазасп..." Тут ошибка, которую мы исправили в переводе, следуя указанию Ст. Малхасянца.

88

Гамапет – встречается только один раз у Фавстоса, в данном месте. Происхождение и точное значение неизвестно. Р. Ачарян в „Эти-мологич. словаре армян. яз." предлагает перевести: командир полка, военачальник.

89

Гаргманак – род головного убора или шлема с изображением орла на нем. Р. Ачарян, „Этимологич. словарь армян. яз.“

90

Ашхараванд – повязка для царской короны. В данном месте под „ашхараванд ангуйц“ надо разуместь ту ленту на аршакидской царской диадеме, которая, начиная от лба, обхватывает диадему и, образуя позади большой бант, двумя концами ниспадает вниз (ср. напр., диадему Тиграна на его монетах) (Ст. Малхасянц и Р. Ачарян).

91

Апизак – встречается только один раз у Фавстоса в данном месте. Происхождение и точное значение неизвестно. Р. Ачарян предлагает перевести: нагрудное княжеское украшение.

92

Ехджерк – так называлась возвышенность между нын. Старым Баязетом и Диадином. Ехджерк означает „рога“. Меружан растерялся и был опечален этим ответом путников, считая название местности „Рога“ плохим для себя предзнаменованием.

93

Меружан – был сыном Шаваспа Арцруни, которою вместе с Тачатом Рштуни спасли от резни Артавазд и Васак Мамиконяны и за которых впоследствии выдали замуж своих дочерей (Фавстос, кн. III, гл. 18). Таким образом, мать Меружана была рожденной княжной Мамиконян, почему и Мамиконяны называют его своим братом.

94

Военная дисциплина была строгая в Армении, и Артавазд подлежал смерти за ослушание приказа спарапета и за участие в бою вопреки прямому его запрещению. Его спасла его необычайная храбрость, доказавшая, что он возмужал для того, чтобы успешно биться в бою.

95

В подлиннике написано „Книга шестая. Конец, окончание предыдущего, ранее не вошедшее в предыдущие повествования повести". Тут слово „конец" относится к „книге шестой" и показывает, что шестая книга является последней книгой Истории Фавстоса, как и в оглавлении третьей книги написано было „начало", то есть, что книга третья является началом истории Фавстоса. Окончание предыдущего и т. д. относится к первой главе шестой книги, которой действительно и кончается История. Слова же „не вошедшие в предыдущие повествования повести" относятся к следующим главам той же книги, в которых содержатся не зависящие друг от друга отрывочные воспоминания о тех или других духовных лицах, которые не имеют связи с Историей.

96

Слово ором (ромей) первоначально означало римлянин, а впоследствии и византийский грек, византиец вообще.